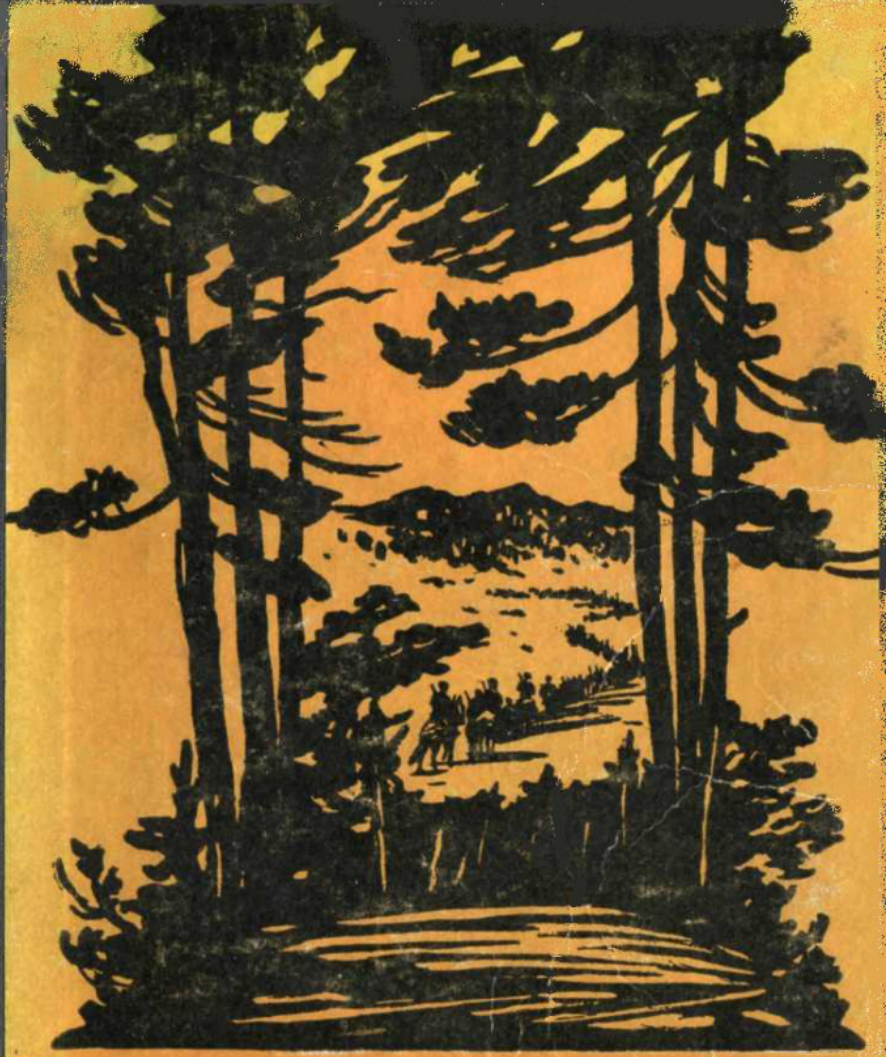
М. ГУБЕЛЬМАН • ЛАЗО



М. ГУБЕЛЬМАН

ЛАЗО

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ • 1956

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга «Лазо» — научно-популярная биография героя гражданской войны.

Автор книги — старый большевик. В период гражданской войны был комиссаром дальневосточного отряда в Забайкалье, затем военным комиссаром временного Военно-революционного комитета Приморской области. Вместе с С. Г. Лазо он руководил партизанским движением в Приморье.

В этой книге автор глубоко раскрывает образ легендарного героя, чистая жизнь которого отдана за дело трудящихся, за освобождение Родины.

М. Губельманом написано несколько биографических очерков о Лазо. Последний из них опубликован в 1947 году.

Настоящее издание наиболее полное, переработанное. В основу его положены новые, еще не опубликованные архивные материалы.

- Губельман Моисей Израилевич
  -
  - ПЕРВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
  - «КАКОЙ Я ТЕБЕ БАРИН»
  - В СВЕТЛУЮ ДАЛЬ
  - НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПРАПОРЩИК
  - БОЕЦ И ДИПЛОМАТ
  - А В ЭТО ВРЕМЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ…
  - КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ
  - НАСТУПЛЕНИЕ
  - ВЗЯТИЕ ТАВЫН-ТОЛОГОЯ
  - В КОЛЬЦЕ ИНТЕРВЕНТОВ
  - НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ
  - НА ТИХОМ ОКЕАНЕ
  - В «ТАЕЖНОМ ДВОРЦЕ»
  - В ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДАХ ПРИМОРЬЯ
  - КОМАНДУЮЩИЙ ПАРТИЗАНСКИМИ ОТРЯДАМИ
  - СУЧАНСКИЙ БОЙ
  - ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ
  - ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ
  - «ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ ЗАНИМАЛИ ГОРОДА»
  - ВЛАДИВОСТОК — ХАБАРОВСК
  - СНОВА СГУЩАЮТСЯ ТУЧИ
  - ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ
  - РАЗГУЛ ЯПОНСКОЙ ВОЕНЩИНЫ

- ГИБЕЛЬ ЛАЗО, ЛУЦКОГО И СИБИРЦЕВА
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. Г. ЛАЗО
- БИБЛИОГРАФИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38

- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

Губельман Моисей Израилевич
ЛАЗО

ПЕРВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

В дом пришло большое горе. Оно не было неожиданным. Три года Георгий Иванович медленно угасал в психиатрической больнице, и врачи не обещали ничего отрадного. Но все же где-то в глубине души родных и близких теплилась надежда: а вдруг выздоровеет, поправится… Бывают же случаи, когда обреченный человек находит в себе силы преодолеть тяжелый недуг и вновь возвращается к жизни. Может быть, и на этот раз вопреки мрачному диагнозу произойдет такое чудо?.. Если кто-либо из мальчиков закапризничает, заупрямится, мать грозила: «Вот папа скоро приедет, я ему все расскажу — он тебе задаст».

Но пришла телеграмма, все кончено. Отец никогда больше не вернется…

После похорон наступили тяжелые дни. Не слышно было песен — Елена Степановна очень любила напевать под собственный аккомпанемент на рояли молдавские народные мелодии, старинные русские и французские романсы. Приумолк и детский смех. Боря и Степа меньше других переживали невозвратимую утрату: они были слишком малы, когда Георгия Ивановича увезли в больницу, но старший сын, Сережа, — ему исполнилось уже одиннадцать лет — отлично помнил отца. Он долго не мог забыть, как три года назад к усадьбе подъехала необычная карета, из нее вышло двое в белых халатах, и отца в доме не стало.

— Мама, а где папа? — спросил он.

— Он… он уехал по делам, — неуверенно ответила

Елена Степановна и спрятала почему-то лицо в накинутый на плечи платок.

Мальчик заметил смущение матери.

— Не надо, мама, говорить неправду, — сказал он.

Сережа очень любил отца, несмотря на то, что ему пришлось претерпеть от него немало незаслуженных обид и наказаний.

Георгий Иванович обычно относился к своим детям ласково, был внимателен к ним. Ему всегда доставляло удовольствие сделать для них что-нибудь приятное. Но расстройство нервной системы совершенно изменило его характер. С каждым днем он становился все более вспыльчивым и резким, все более придирчивым и несправедливым. Малейшая детская шалость раздражала его, выводила из терпения, и он бил правых и виноватых. Это оскорбляло сильно развитое у маленького Сергея чувство собственного достоинства. Впоследствии он с грустью

вспоминал об этом периоде своего детства.

«Перед тем как отец окончательно заболел, и его увезли, — писал уже юношей в своем дневнике Сергей Лазо, — я в чем-то провинился, и меня хотели наказать. Я… удрал и спрятался в маленьком деревянном домике-будочке, выстроенном для нас. Стоял он около конюшни. Моросил дождь, было холодно, но под вечер я все-таки вышел, попался на глаза отцу, и он, положив меня к себе на колени, как следует высек широким ремнем, которым мы подпоясывались. Чувство дикой злобы, жгучей боли и стыда охватило меня после этого».

Сережа мучительно переживал горькую обиду. Но все же любовь к отцу от этого не ослабевала. Он мечтал о том времени, когда отец выздоровеет и все снова будут вместе.

И вот они больше никогда не увидят друг друга.

Тяжело было мальчику, когда он узнал об этом. Ничто его не радовало. Ему не хотелось бродить со своими друзьями, сельскими ребятишками, по живописным окрестностям родного села, лазать по горам, взбираться на верхушки деревьев, стоящих на краю глубокого оврага. Даже дедушка Стефан, этот кудесник, владевший с изумительным искусством флуером[1], не мог отвлечь Сергея от тяжелых раздумий. А как бывало любил слушать мальчик мелодичные молдавские дойны, то грустные, протяжные, то веселые, огневые, которые старик чабан так вдохновенно исполнял на своем нехитром инструменте, сидя на пригорке у овечьей кошары!..

Елена Степановна решила переменить обстановку, где все постоянно напоминало о больном муже, о его трагической смерти. Уехать в Кишинев? В Одессу?.. Может быть, переселиться в Езарены?.. Ну, а как же Пятры?

В эти дни семью Лазо навестил сосед-помещик Фокшеняну. Он помог разрешить все сомнения. Пятры ему нравились давно. Он предложил Елене Степановне сходную цену, она согласилась продать имение и, собрав движимое имущество, переехала с детьми в вотчину своей матери — село Езарены, неподалеку от города Бельцы.

Легендарный герой гражданской войны, отважный борец за советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке, Сергей Георгиевич Лазо — потомок старинного дворянского рода. Фамилия Лазо уходит своими корнями вглубь веков, в Закарпатскую Молдавию, в прикарпатский округ Нями и встречается в молдавских летописях XV столетия.

Далекий предок Сергея — Иордакий Лазо, живший в XVII веке, — был воеводой Южной Буковины. Он участвовал в походах русских войск за освобождение Румынии и Молдавии от турецких

угнетателей, которые в течение трех веков господствовали в этих государствах, жестоко эксплуатировали местное население, грабили его, убивали.

Прадед Сергея Лазо, Иван Иордакиевич, после освобождения русскими войсками Молдавии от турецкого ига и присоединения ее к России в 1812 году обосновался в Бессарабии — так называли Молдавию прежде. Он был женат на Виктории Донич, происходившей из знатной семьи. К этой семье принадлежали такие видные культурные деятели того времени, как литератор Александр Донич, который в 1837 году впервые перевел на молдавский язык поэму А. С. Пушкина «Цыганы».

Сын Ивана Иордакиевича — Иван Лазо, дед Сергея, — унаследовал от своего предка страсть к военному делу, участвовал в кампании 1848 года в Венгрии. Он женился на Матильде Федоровне Фези — дочери выходца из Швейцарии. Фези был вторым мужем матери Матильды Федоровны — Марии Егоровны. Первым ее мужем был пожилой человек, крупный кишиневский чиновник, статский советник Иван Иванович Эйхфельдт.

Мария Егоровна, гречанка по происхождению, была очень красивой и образованной женщиной и пользовалась в обществе большим успехом. Ее всегда окружало много поклонников. Среди «их был и А. С. Пушкин. Как указывают исследователи, Пушкин увлекался прабабушкой Лазо по женской линии и впоследствии был знаком с ней довольно близко. В произведениях поэта несколько раз встречается имя М. Е. Эйхфельдт и непосредственно и иносказательно. Одно из стихотворений прямо адресовано «Г-же Эйхфельдт»:

> Ни блеск ума, ни стройность платья
> Не могут вас обворожить;
> Одни двоюродные братья
> Узнали тайну вас пленить!
> Лишили вы меня покоя,
> Но вы не любите меня.
> Одна моя надежда — Зоя[2]:
> Женюсь, и буду вам родня.

Дед Сергея Лазо умер молодым, оставив единственного сына — Георгия.

Георгию Ивановичу в жизни не повезло. Рано лишившись отца, он не смог получить законченного образования, поселился в имении своей матери Пятры и занялся сельским хозяйством, стал помещиком.

В 1891 году он женился на Елене Степановне Крушевой. Елена Степановна окончила институт благородных девиц в Одессе, затем некоторое время жила в Париже, продолжая там свое образование. 23 февраля 1894 года у молодых супругов родился сын. Его назвали Сергеем.

Село Пятры расположено на правом берегу реки Реут, в восьми километрах от города Оргеева, одного из старейших городов мира.

«Пятры» — по-молдавски «камень». Селению дали такое название, видимо, потому, что неподалеку от него были обнаженные скалы. В помещичьей усадьбе села Пятры, представлявшей собою жилой дом из восьми комнат со всеми необходимыми хозяйственными постройками — кухней, конюшней, погребами и кладовыми, — с фруктовым садом и неизменным колодцем с журавлем, и провел свои первые детские годы Сергей Лазо.

Высокий забор, окружавший усадьбу, не мешал все же детям общаться с внешним миром. Родители не запрещали им дружить с крестьянскими ребятишками, играть с ними, купаться в Реуте. Сережа учил своих товарищей кататься на велосипеде — единственном тогда велосипеде во всей округе, — читал им книжки.

В праздничные дни семья Лазо во дворе своей усадьбы устраивала гулянья для крестьян. Молодежь танцевала под граммофон, вынесенный из господского дома. На этих скромных народных праздниках Сережа узнал и полюбил молдавские пляски; здесь его пленила очень старая и ныне любимая всеми народами чудесная молдовеняска.

Родители Сергея, люди весьма далекие от каких-либо прогрессивных, а тем более демократических идей, стремились все же воспитывать у своих детей любовь к труду, хорошие навыки, благородные привычки. В семье помещика не было, конечно, нужды прибегать к помощи детей в хозяйственных делах: хватало прислуги для всяких надобностей. Но отец и мать считали, что мальчикам будет гораздо лучше и легче жить на свете, если они вырастут не изнеженными барчуками, а людьми деятельными, волевыми, здоровыми, закаленными. Поэтому Сереже не только не препятствовали копать землю на грядках, столярничать в мастерской, но всячески поддерживали и развивали в нем эти влечения, укрепляющие самостоятельность, инициативу, трудолюбие.

Родители не боялись выпускать его гулять в любую погоду. Он учился верховой езде, охотился, привык по утрам обливаться холодной водой, систематически занимался гимнастикой, рос

сильным, здоровым мальчиком.

Впоследствии Лазо с благодарностью вспоминал о том, что родители воспитали в нем прямоту и честность, любовь к аккуратности и порядку, никогда не наказывали его за правдивое слово, как бы горько оно ни было.

Обладая с детских лет исключительной наблюдательностью, Сергей очень рано обратил внимание на зависимость жизни землевладельцев от стихийных сил природы. Крестьяне, да и не только крестьяне, всматривались в небо, с волнением ожидая то дождя, то ясной погоды. В засуху отец ходил сумрачный, волновался. Если в крупных хозяйствах, каким было хозяйство его родителей, неурожайные годы переживались тяжело, то поистине ужасным было положение крестьян. Неглубокая вспашка плугом, а то и сохой, плохие, неотсортированные, кое-как брошенные в неудобренную землю семена давали жалкий урожай даже при самых благоприятных условиях погоды.

Мать часто говорила о зависимости человека от природы, утверждая обычно при этом, что лучше зависеть от господа бога, чем от людей.

От внимания мальчика не ускользало, что «зависимость от господа бога» вовсе не уменьшала зависимости крестьян от помещика, кулака, попа и урядника, от огромного количества крупных и мелких представителей царской власти, выколачивавших непомерные подати из разоренных и убогих крестьянских хозяйств.

Постоянное общение с крестьянскими детьми приближало Сергея к народу, его нуждам и горестям. Он видел ужасную нищету простых людей, невольно сравнивал жизнь своих сверстников и товарищей со своей жизнью, и это сравнение не могло не вызвать у впечатлительного мальчика сложных раздумий о какой-то необъяснимой, пока непонятной, но явной несправедливости.

Тяжелой была в те годы жизнь народов на всем огромном пространстве царской России. Не легко жилось и в солнечной Молдавии. До семидесяти процентов всех земельных угодий находилось во владении помещиков и кулаков. И только тридцать процентов раздробленной на мелкие и мельчайшие, в десятых долях десятин, наделы наихудшей земли принадлежало крестьянам.

Нужда крестьян в Молдавии была настолько велика, что хлеб был предметом роскоши. Бедняки питались исключительно мамалыгой. К весне обычно нависала угроза голода, так как никаких запасов кукурузы уже не оставалось.

Чтобы спастись от окончательного разорения, крестьяне

арендовали за деньги землю у помещиков и кулаков. Однако условия аренды были настолько жестоки, что от этих сделок арендаторы часто теряли и последнее, что имели.

Куда деваться при такой нищете? В надежде найти работу многие крестьяне уходили в города. Но и город не спасал от страшной нужды. В те времена промышленность в Бессарабии была развита очень слабо, и не только крестьяне, но тысячи и тысячи рабочих не знали, к чему приложить свои руки.

Этим всенародным бедствием широко пользовались хозяева в то время немногих бессарабских фабрик, заводов, мастерских. Они устанавливали для трудящихся ничтожную заработную плату. В Тираспольском уезде, например, в начале девятисотых годов рабочий получал пять рублей в месяц при шестнадцати-восемнадцатичасовом рабочем дне. Еще меньше получали пришлые крестьяне. Дешевый человеческий труд вполне устраивал и помещиков и крупных арендаторов.

В Бессарабии была большая смертность, особенно среди детей. Медицинская помощь почти отсутствовала. Не только врач, но и фельдшер был редким гостем в деревне.

Среди коренного населения можно было по пальцам пересчитать грамотных. Газет, литературы, учебников на молдавском языке и в помине не было. Презрение великодержавных шовинистов к молдаванам было настолько сильно, что их и за полноценных людей не считали.

В те тяжелые годы здесь и рос Сергей Лазо.

Сережа дружил со многими детьми крестьян. Но больше ему нравился Ион. Не беда, что босые ноги его всегда в царапинах и замусоленная безрукавка до того изорвана, что казалось удивительным, как она держится на исхудавших плечах. Это был храбрый паренек. Он быстрее всех взбирался на самое высокое дерево, лучше всех плавал, смелее всех ездил верхом на лошади. Сережа сам был мальчиком смелым, ловким, находчивым, но кое в чем все же уступал Иону. Он не стыдился признаться в этом и относился к своему сверстнику с той долей уважения, с какой относятся обычно к человеку, в котором чувствуют какое-то превосходство.

Однажды, приготовив уроки — это было первейшей обязанностью, и Сережа никогда не позволял себе ее нарушать, — он вышел к ожидавшим его во дворе друзьям, чтобы отправиться с ними на прогулку. Но Иона среди ребят почему-то не было.

— А где Ион? — спросил Сергей.

— Он сегодня не придет, — ответил один из мальчиков.

— Заболел?

— Отца провожает — уходит на заработки:

Это было новое слово для Сережи.

— Куда уходит?

— За кордон. Говорят, там можно заработать много денег…

Потеряв надежду прокормить семью на родной земле, Федор, как и многие тысячи других крестьян, отправился в соседние страны — в Румынию, Болгарию. А вдруг где-нибудь там улыбнется счастье! Иным, говорят, улыбается. Это единственный выход, чтобы избавить и себя, и жену, и своих детей от голодной смерти.

И ушел Федор из дому босиком, с длинной палкой на плече, на которой болтались постолы[3] и узелок с кукурузными лепешками.

Осиротел без хозяина глинобитный домик с маленькими оконцами, заткнутыми наполовину тряпьем, огороженный полуразвалившейся оградой из обмазанных глиной прутьев.

Прошло несколько дней.

— Знаешь, Сергей, — похвастал Ион. — Скоро новую хату построим. И постолы у меня будут новые, вот увидишь. И безрукавка с мехом.

— Где вы возьмете деньги?

— Мой отец, знаешь, — запальчиво продолжал Ион, — он во сколько денег заработает! — И показал при этом обеими руками, какую большую охапку денег принесет из-за кордона его отец.

Но не пришлось Иону дождаться ни новой хаты, ни новых постолов и безрукавки. Два-три месяца от отца вообще не было никаких вестей, словно в воду канул. Потом он прислал немного денег — их едва хватило на покупку мешка кукурузы.

Потянулись дни, недели, месяцы томительного ожидания. От Федора ни писем, ни денег. А в один из осенних дней пришел Ион к своему другу и сказал:

— Ну вот, Сергей, был у меня отец — нету отца.

— Как нету?

— Он уже на том свете, — вздохнул Ион. — Батюшка говорит, там лучше. Я спросил его, почем он знает, разве он там был, а он меня за уши выдрал, видишь?..

Односельчане, также пытавшие счастье за рубежом, рассказывали, что отец Иона несколько месяцев скитался по Румынии, нигде не мог устроиться, питался милостынями добрых людей. Наконец поступил чернорабочим на вновь строившуюся где-то в районе Плоешти железнодорожную ветку, таскал тачки с землей по четырнадцать часов в сутки, надорвался и умер.

Узнав об этом, Сережа вернулся домой задумчивый и грустный. Обедал плохо.

— Ты что, нездоров? — взволнованно спросила мать. —

Сейчас же в постель, измерь температуру.

— У меня ничего не болит, мама, — успокоил Сережа мать. — Правда, ничего, я просто думаю.

— О чем же ты думаешь?

— Сегодня Ион сказал, что умер его отец. И где-то очень далеко отсюда. Он пошел зарабатывать деньги на жизнь, а вот видишь… умер. Ребята говорили, что отец Иона пошел искать счастье… Искал счастье, а нашел смерть. Как же так, мама?

Елена Степановна растерялась, не зная, что ответить.

— Надо кушать, Сережа. Сегодня вкусная курица.

Сережа посмотрел на тарелку: куриная ножка с жареным картофелем выглядела действительно аппетитно, но он отодвинул ее.

— Почему, мама, у меня всегда курица, шоколад, апельсины, а мои товарищи — Ион, Петру — всегда едят только мамалыгу?

— Ну как тебе объяснить… Люди разные, Сережа, и живут они по-разному. Вырастешь — узнаешь.

— Почему разные? — допытывался мальчик. — Тетя Миля, — обратился он к гостившей тогда у них двоюродной тетке Эмилии Георгиевне Лазо, — скажите, пожалуйста, разве люди не одинаковые?..

На формирование характера мальчика известное влияние оказывала его кормилица, крестьянка, жена доверенного лица семьи Лазо Анна Долга.

Сергей был очень привязан к своей кормилице, любил слушать ее рассказы, сказки, баллады, легенды, которыми так богат молдавский фольклор. От нее мальчик узнавал много интересного из истории родной земли, многотрудной жизни ее народа в прошлом и настоящем. Он узнал, сколько горя и несчастий принесли

Молдавии пришельцы из-за Дуная — турки. Узнал он и о том, как русские люди помогли молдаванам освободиться от турецкого господства.

С восторгом и душевным трепетом слушал Сережа сказы няни о знаменитых гайдуках. Скрываясь в лесах от своих обидчиков, эти бесстрашные люди совершали набеги на помещичьи усадьбы, купеческие караваны и все отнятое у богачей добро раздавали беднякам.

Когда отец заболел, Елена Степановна все свои заботы обратила на больного мужа, и Сергей почти целиком перешел на попечение кормилицы. Он бывало не уснет, пока Анна не расскажет ему какую-нибудь сказку.

— Экий ты беспокойный! Все тебе рассказывай да рассказывай, — говорила Анна. — Спи, милый. Намаялся,

набегался.

Но не так-то легко было отделаться от настойчивых просьб мальчика. И няня сдавалась.

— Ну про кого же тебе рассказать?.. — задумывалась она на минуту. — Про Тобултока, что ли?

— А кто это Тобулток?

— Добрый человек. Всю свою жизнь помогал бедным, пока злые люди не поймали его и не казнили.

— Ой, нянюшка, расскажи!

И, повернувшись к ней лицом, укроется поуютнее одеялом, раскроет пошире и без того свои огромные черные пытливые глаза и слушает.

— Ну так вот, — начинает Анна неторопливо свое сказание об удивительной доброте и сердечности и вместе с тем о непревзойденной смелости и храбрости знаменитого гайдука, жившего в первой половине прошлого века. — Было дело на пасху. Пришел Тобулток в церковь и увидел там женщину: бледная, худая, одежонка рваная — заплата на заплате. По лицу капля за каплей ручейками бегут слезы.

— Ты о чем плачешь? — спросил Тобулток.

— Как мне не плакать, ласковый человек, — отвечает женщина. — Муж уехал на рыбалку, поднялся сильный ветер, лодку волной о камень разбило, и он утонул в Днестре. Денег ни гроша, хлеба ни крошки, кукуруза кончилась, дети голодают в святой праздник.

— А где твоя хата? — спросил Тобулток.

— На краю села у холма, где дуб развесистый стоит, — отвечает женщина.

— Так-так, знаю, знаю, — сказал Тобулток. — Ну не плачь, вытри слезы. — И незаметно вышел из церкви.

Вскочил гайдук на коня и помчался к усадьбе помещика.

Приезжает — в окнах свет, люстры горят. Через кружевные занавески видит, стол накрыт по-пасхальному. Чего-чего там только нет! Вина разные, закуски всякие. Привязал он лошадь к крыльцу и вошел в дом. За столом гостей полным-полно.

— Добрый вечер, господа, — вежливо поклонился он. — С праздником поздравляю. Извините, что без приглашения.

«Кто да что!» — зашумели вокруг, заволновались.

— Я Тобулток, — представился незваный гость.

Что тут поднялось! Все вскочили из-за стола, стали разбегаться кто куда, кричат:

— Это он — разбойник!

— Убьет!..

— Напрасно беспокоитесь, господа, — сказал Тобулток. —

Ничего плохого я вам не сделаю. Я приехал просто за тем, чтобы немного облегчить ваш стол. На нем очень тесно, того и гляди не выдержит, сломается, а у многих людей в эту пасхальную ночь нет даже куска хлеба. Несправедливо, господа.

Тобулток взял скатерть, положил на нее часть праздничного ужина, захватил с собой несколько свечей, взвалил ношу на плечи, сел на коня и ускакал.

Добравшись до хаты бедной вдовы, он вошел в дом, зажег свечи, убрал стол угощениями. Проснулись дети — что за диво? Откуда столько вкусной еды?

Кончилась в церкви служба, поплелась вдова на край села и долго не могла найти свою хату. И холм тот и дуб тот самый, а хаты не видно. Есть хата, да не та: всегда бывало в ней темно, а теперь ярко горит свет.

«Нет, не мой это дом», — решила вдова. И пошла дальше.

Долго ли, коротко ли ходила она по селу, а только вернулась опять к своей хате.

Открыла дверь осторожно — сюда ли попала? — смотрит, сидит за богато убранным столом тот самый человек, что в церкви про жизнь ее расспрашивал. На коленях у него самый младший, трехлетний Богдан, и гость кормит его из своих рук. Остальные ребята, — а их было четверо, — уплетают за обе щеки такое вкусное, чего никогда и не видели.

— Вот какой был человек Тобулток! — закончила Анна свой рассказ. — А говорили про него — разбойник. Какой же он разбойник!.. Ну спи, сынок, спи, милый!..

Когда Сереже исполнилось девять лет, настало время серьезно подумать об его ученье. Он уже хорошо читал, писал, свободно и легко решал довольно сложные арифметические задачи. Отдавать сына в гимназию, отрывать от семьи Елене Степановне не хотелось. К тому же мать опасалась влияния плохих товарищей, обстановки на впечатлительного мальчика. «Пусть учится пока дома, — решила Елена Степановна. — Зачислят его в гимназию, увезу домой, приглашу репетитора, и два раза в год Сережа будет ездить в город сдавать экзамены».

Так она и поступила.

Ранней весною 1903 года Елена Степановна отвезла сына в Кишинев и оставила его у своих родственников. Здесь он должен был подготовиться к вступительным экзаменам за приготовительный класс.

В мае Сережа предстал перед синклитом педагогов 2-й кишиневской гимназии, успешно сдал экзамены, и ему торжественно вручили такой документ:

«Предъявитель сего, сын потомственного дворянина Сергей

Георгиевич Лазо, вероисповедания православного, родившийся 23 февраля 1894 года… подвергался во 2-й кишиневской гимназии испытаниям для получения свидетельства о знании курса приготовительного класса гимназии в мае 1903 года и на означенном испытании обнаружил познания, оцененные отметками: в законе божьем 4, русском языке 5, арифметике 5, а также, как он, Лазо, выдержал испытания за курс приготовительного класса, и на основании пункта 8 вышеуказанных правил и согласно с определением педагогического совета 2-й кишиневской гимназии от 28 мая 1903 года выдается ему, Лазо, настоящее свидетельство за подписью и с приложением печати гимназии, представляющее те же права как по гражданской службе, так и по отбыванию воинской повинности, какие представлены лицам, окончившим курс приготовительного класса гимназии города Кишинева. Июня 23 дня 1903 года» [4].

Уберечь сына от влияния большого города, чего больше всего опасалась мать, все же не удалось. Первый же приезд в Кишинев дал богатую пищу для размышлений. Вопрос «почему так» все чаще и чаще волновал его пытливый ум, все больше и больше не давал покоя его пылкому воображению и доброму сердцу.

Он видел расфранченных мужчин и нарядно одетых женщин, едущих в роскошных кабриолетах, и тут же рядом — людей в лохмотьях, голодных…

«Ну почему так?»

Однако ответа на этот мучительный вопрос он еще не находил.

В ночь с 6 на 7 апреля черносотенцы под негласным руководством полиции организовали в Кишиневе еврейский погром. Это событие произвело на мальчика особенно тягостное впечатление. Он видел выбитые стекла в домах, горы разорванных подушек с выпотрошенными перьями, поломанную мебель, плачущих женщин и детей.

«За что? — думал он. — Как могут люди так зверски расправляться с другими людьми?»

Почему это произошло, он понял через несколько лет, уже в старших классах гимназии, когда прочел очерк Короленко «Дом № 13», в котором была описана кишиневская трагедия апрельских дней 1903 года. Но ненависть к насилию, к неравенству людей различных национальностей начала созревать в его душе еще в совсем юные годы.

В начале века недовольство народа царским режимом, который обрекал трудящихся на полуголодную жизнь, полную

неизбывной горечи и жестокой эксплуатации, нарастало все больше и больше. Революционные настроения особенно усилились во время русско-японской войны, когда многих кормильцев оторвали от семей и отправили в Маньчжурию сражаться неизвестно за что. Десятки тысяч крестьян и рабочих были ранены и убиты. Плохо вооруженная и мало обученная, руководимая бездарными и продажными генералами, царская армия терпела одно поражение за другим. Россия проигрывала войну. Это было время горьких слез простых людей и невиданной спекуляции буржуазии, наживавшей на этой бойне огромные богатства. Крестьянские хозяйства разорялись. Росло недовольство правительством. Пролетариат поднимался на борьбу с насквозь прогнившим самодержавным строем. Весть о расстреле 9 января 1905 года шедших к царю за помощью петербургских рабочих быстро разнеслась по всей России. Гнев народа потряс царский трон. На «Кровавое воскресенье» рабочие отвечали стачками, а крестьяне — восстаниями. Передовая интеллигенция присоединилась к народу. Началась революция.

Бессарабия, несмотря на ее отсталость и крайнюю малочисленность в ней пролетариата, не стояла в стороне от бурных событий, вызванных революцией. Рабочие и кустари, крестьяне и батраки принимали самое горячее участие в общероссийском революционном движении. В августе 1905 года более десяти тысяч трудящихся вышли на улицы и площади Кишинева с политическими требованиями. После столкновения с полицией среди демонстрантов было немало жертв.

Повсюду в городах и селах возникали сходы, митинги. Российская социал-демократическая рабочая партия звала трудящихся на активную борьбу против самодержавия, помещиков, капиталистов. То в одном, то в другом уезде вспыхивали восстания крестьян, требовавших от помещиков прибавки поденной платы, уменьшения арендной платы за землю. В 1905–1907 годах по всей Бессарабии отмечено свыше ста крупных крестьянских выступлений.

Сергею в то время было всего лишь одиннадцать-двенадцать лет. Однако происходившие события не прошли для него незамеченными. Крестьянские волнения, натравливание черносотенцами одной части населения на другую, еврейские погромы, которыми особенно «славилась» Бессарабия, расстрелы крестьян карательными отрядами, порки, истязания, убийства — все это виденное Сергеем и слышанное им откладывало в его детском сознании памятную зарубку, вызывало чувство еще не совсем осознанного протеста.

В те годы по всей Бессарабии уже широко было известно имя

бесстрашного, неуловимого революционера — «разбойника», как его называли в полицейских донесениях, Григория Ивановича Котовского. Отряд Котовского своими смелыми действиями наводил страх и ужас на богатеев в Оргеевском и Кишиневском уездах. Он сжигал усадьбы тех помещиков, которые особенно жестоко относились к крестьянам, уничтожал долговые обязательства крестьян, выданные помещикам, захватывал купеческие обозы, отнимал товары, деньги и все это, как и знаменитые молдавские гайдуки, раздавал бедным. Котовский со своими храбрыми боевыми друзьями совершал дерзкие набеги на царских конвоиров, сопровождавших политических «преступников», освобождал арестованных, выдавая жандармам расписки за подписью атамана Адского.

Сергей Лазо, несомненно, слышал о Котовском в детские годы. По уверениям современников, ему приходилось даже читать объявления, в которых описывалась внешность Котовского и были обещаны крупные награды тем, кто сумеет задержать и передать полиции этого человека.

Приехав в Кишинев для подготовки к переводным экзаменам в третий класс, Сергей увидел на афишной тумбе возле Пушкинского сада необычное объявление.

На таких тумбах всегда висели афиши о концертах, о приезде цирковых артистов, о вечерах в Дворянском собрании, распоряжения полицмейстера. А тут…

«Ко всем рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам Бессарабии».

Мальчик заинтересовался, начал читать.

«9 января петербургский пролетариат шел к царю, чтобы сказать ему: наша жизнь стала нам невмоготу…

— Расстрелять их, — ответил царь…

И потекла пролетарская кровь по улицам Петербурга. Тысячи рабочих, их жены и дети обагрили своей кровью мостовые Петербурга…

Нет, не удержаться им, тиранам, близок час их расплаты…

Скорей же и вы, рабочие и работницы Кишинева, вступайте в ряды РСДРП…»

«Что это РСДРП?» — задумался Сережа. Пять букв… В таком сочетании мальчик видел их первый раз в жизни. Что они означают? Но одно он понял: царь велел стрелять в рабочих, их жен и детей и какие-то люди, скрывающиеся, видимо, за этими таинственными пятью буквами, требовали справедливости.

— Ты что, щенок? — раздался совсем рядом сердитый голос.

Стоявший в размышлении у тумбы Сергей вздрогнул, повернулся и увидел жандарма с рассеченной как бы пополам

рыжей бородкой и злыми зелеными глазами.

— Пшел вон отсюда!

Жандарм мгновенно сорвал листовку и с ожесточением омял ее.

Мальчик смутно догадывался, что между царем, сорванной листовкой, пятью буквами и жандармом существует какая-то связь, — иначе, зачем нужно было срывать эту бумажку?

Через несколько лет, когда, как отметил Сергей в своем дневнике, он «стал отчетливо понимать, в чем дело», ему не раз вспоминалась афишная тумба возле Пушкинского сада, листовка на ней и искаженное от злобы лицо жандарма.

Шесть лет Сергей занимался дома, экстерном сдавал экзамены во 2-й кишиневской гимназии.

Круг его интересов выходил далеко за пределы учебной программы. Особенно он увлекался геологией, ему хотелось проникнуть вглубь земли и познать ее тайны. Спускаясь в овраги, поднимаясь на холмы, он находил раковины, разные камни, куски железной руды и туго набивал ими карманы, сумки, корзинки. Дома он раскладывал свои находки и настойчиво требовал от репетитора-студента, от матери, от кормилицы и от всех окружающих объяснений: а что это, отчего, почему и зачем.

С детских лет Сергей стал вести дневник, занося в него короткие описания сделанного, виденного, слышанного.

Он любил наблюдать летние грозы, «когда, — писал он, — тучи все более и более заволакивают небо. Холодный сырой ветер порывами зашелестит по деревьям, как бы предупреждая их о надвигающейся непогоде, затем редкие капли дождя — крупные, они грузно шлепаются о листья и даже подымают пыль на земле, — за каждой следующей все новые и новые — так начинается сплошной дождь. А день после дождя — яркий, солнечный день… воздух насыщен испарениями, а листва деревьев такая свежая и помолодевшая…»

Оставаясь наедине с собой, он размышлял над жизнью, думал о прочитанном в книгах. Приходившие в голову мысли он также записывал в дневник. На первой странице дневника он написал слова, которые считал девизом своей жизни:

«Нужно искать правду всюду, даже там, где менее всего можно ее найти».

Однако он еще не знал, да и не мог знать, какую правду надо искать.

Когда он стал немного старше и глубже задумывался над смыслом жизни, над тем, чего человек ждет от жизни и к чему должен стремиться, в дневнике появилась такая запись:

«Человеком руководит стремление к счастью».

Итак, правда и стремление к счастью — вот к чему направлял свои мысли и дела Сергей Лазо.

Что же именно представлялось ему счастьем? Сергей ищет ответа на этот вопрос и, развивая свою мысль, делает еще один, уже более определенный вывод: «Счастье — это могучий импульс, побуждающий нас жить в борьбе».

Так рано почувствовал Сергей Лазо, что счастье без борьбы невозможно, что именно в борьбе человека за правду и есть счастье.

«КАКОЙ Я ТЕБЕ БАРИН»

После окончания Сергеем пятого класса мать решила, что пора сыну стать настоящим гимназистом, и подала прошение о зачислении его в шестой класс 1-й гимназии: там был пансионат. Однако в этом ей отказали «за отсутствием мест». Пришлось еще год заниматься экстерном. В конце 1909 года Елена Степановна со всей семьей переехала на постоянное жительство в Кишинев и поселилась в собственном доме на Малой Садовой улице. С января 1910 года Сергея зачислили в седьмой класс 1-й мужской гимназии.

Эта гимназия — первое в истории Молдавии среднее учебное заведение. Она была открыта в 1833 году. В гимназии были некоторые прогрессивные традиции. В 1857 году здесь побывал Николай Иванович Пирогов — в те годы попечитель Одесского учебного округа. Свой приезд он ознаменовал тем, что отменил телесные наказания, которые предусматривались статутом гимназии для учеников до третьего класса.

Когда революционное движение в России приняло широкие масштабы, царские чиновники от просвещения забили тревогу и стали издавать циркуляры, которые должны были в корне пресечь «вредное направление мыслей, нередко замечаемое среди учащихся в старших классах…»

Чтобы оградить молодежь от революционных влияний и настроений, гимназистам не разрешалось посещать общественные места без ведома и согласия классного наставника. Читать можно было только книги, рекомендуемые преподавателями. Пользоваться абонементом в городской или частной библиотеке запрещалось. Чтение политической литературы считалось тяжким преступлением. Надзиратели ходили по пятам гимназистов, замеченных в чтении недозволенной литературы. Запрещалось читать и творения властителей дум молодежи: Герцена, Чернышевского, Писарева, Добролюбова.

В одном из циркуляров министерства просвещения было указано:

«Исключать из учебного заведения без права поступления в другие учебные заведения за малейшее подозрение в политической агитации и за хранение нелегальной литературы… Обратить особое внимание на недопущение среди учащихся книг, развращающих или соблазняющих юношество, озаботиться приобретением учениками книг религиозно-нравственного характера».

Летом 1909 года синод издал указ о том, чтобы сократить учебную программу в гимназиях по всем предметам, а треть учебных часов посвятить изучению закона божьего. Дети восьми-девяти лет обязаны были знать важнейшие церковные песнопения. Для них издавались специальные детские молитвенники.

В эти годы разгула реакции и появился среди учеников седьмого класса Сергей Лазо.

Учитель философии и литературы С. Орлов вспоминает:

«Это был стройный, довольно высокий, красивый юноша, с девически нежным цветом лица и с прекрасными темными глазами, опушенными длинными ресницами. Вся его фигура, все его поведение оставляли впечатление подтянутости, выдержанности и скромности. Это особенно бросалось в глаза на фоне некоторой заносчивости значительной части товарищей по классу, известного разгильдяйства одних и подчеркнутого щегольства других. Юноша оказался на редкость воспитанным, дисциплинированным, деликатным и скромным».

«В нем не проглядывало и тени того самовлюбленного чванства, которое так характерно для многих учащихся из дворянских фамилий Бессарабии», — отмечает соученик Сергея по гимназии и по классу.

Юного Лазо от многих его сверстников отличал пытливый ум, разносторонность интересов. Он внимательно присматривался к людям, анализировал все явления многогранной жизни.

В его комнате стояло два больших шкафа. В одном из них хранились сочинения Пушкина и Белинского, Писарева и Гоголя, Шекспира и Байрона, было много литературы по философии и истории, географии и экономике, физике и математике.

В другом шкафу помещалась домашняя химическая лаборатория.

Изучая Менделеева, Сергей увлекся химией. Часто можно было видеть его склоненным над ретортами в ожидании результатов какого-нибудь опыта.

— Вот где бог великий, всепобеждающий, пути которого исповедимы, — говорил он своему другу Юрию Булату.

Как-то ему удалось достать книгу Уоллеса «Дарвинизм». Она раскрыла перед ним совершенно новый мир, перевернула многие представления о жизни. Не один вечер он вместе с Булатом посвятил изучению этой книги.

— Что же получается, Юрка? Оказывается, бог-то как будто совсем и ни при чем, а?

— Да, выходит так.

— Я все-таки не понимаю, — горячился Сергей. — Ученые

ясно пишут, откуда пошла жизнь, каким образом появился человек, а законоучитель толкует нам о боге, о божественном происхождении всего, что нас окружает. Несуразица какая-то… Потом, смотри: на уроках отец Василий говорит нам, что бог делает всем людям добро. Он вездесущий, всевидящий, справедливый, всемогущий. Ну скажи, Юрка, если бог действительно есть и он действительно все видит и знает и если он действительно справедливый, так почему он допускает столько несправедливости? Помнишь, я тебе рассказывал о нашем крестьянине Федоре. Он пошел за границу заработать на хлеб и умер от тяжелой работы, а у других, хотя бы у нас, всего больше, чем надо. Где же тут справедливость?.. Бог-то ведь всемогущий! Значит, он все может! Почему же он не делает так, чтобы всем было хорошо?

— Это верно, — согласился Булат.

— Давай спросим у отца Василия, почему все так происходит.

— Ну что ж, давай.

После одного из уроков закона божьего Сергей и Юрий подошли к священнику и попросили разрешения задать ему несколько вопросов.

Священник насторожился:

— Спрашивайте, дети мои, спрашивайте.

— Объясните нам, батюшка, — начал Сергей. — Вот вы говорите: бог создал всю жизнь на земле — и человека, и природу, и вообще…

— Так-так… — священник закусил кончик бороды и побагровел.

— А вот Дарвин пишет, — продолжал Сергей, — что человек произошел от обезьяны и что…

История не сохранила точных ответов священника на вопросы любознательных гимназистов, но из заметок Юрия Булата видно, что беседа с законоучителем закончилась не очень деликатно и не очень дружески. Он заметил своим воспитанникам, что с таким вольнодумством рукой подать… до перекладины.

Сережа понял, что в школе он не найдет ответа на волнующие его вопросы.

Хорошие книги все больше и больше убеждали юного искателя истины в том, что в происхождении человека, да и не только человека, но и животных, растений — всей жизни на земле, нет ничего божественного.

Книга Тимирязева «Жизнь растений» окончательно укрепила веру Сергея в то, что все существующее в мире растет, развивается по законам природы. Гениальный труд великого натуралиста помог глубоко разобраться в вопросах

биологической эволюции. Это было величайшим открытием и вызвало новую волну размышлений.

Ищущий, мятущийся юноша всем сердцем и разумом чувствовал громадную силу науки, знаний в покорении природы. И поэтому книги были его верными друзьями не только в гимназические, но и во все последующие годы обидно короткой жизни. Как отмечает в своих воспоминаниях соученик Сергея, ныне преподаватель средней школы города Кишинева Иван Казимирович Козловский, «Лазо был очень начитан, всегда был в курсе всех литературных новинок…» Он увлекался сочинениями революционных демократов — Чернышевского, Добролюбова. Запрещенный роман «Что делать?» Сергей достал у знакомого букиниста и читал товарищам по гимназии, которые часто по вечерам собирались у него дома повеселиться, поспорить и помечтать.

Интерес к гайдукам — этим борцам за правду, за справедливость, который возбудила в детстве своими рассказами кормилица, — Сергей не утратил и в юношеские годы. И когда в «Журнале для начинающих» он увидел повесть о знаменитом Тобултоке, прочел ее не отрываясь, а затем дал прочесть товарищам, чтобы потом собраться и поговорить о жизни этого замечательного человека.

А жизнь его была поистине героической.

Он жил и действовал в Бессарабии в тридцатых годах прошлого века. Это был очень храбрый и физически необыкновенно сильный человек. В ужас и смятение приводило помещиков одно имя Тобултока. Полиция долго и тщетно пыталась его поймать. Он был неуловим. В 1832 году его все же арестовали. Помещики служили молебны в надежде, что избавились от непримиримого врага. Но ликование длилось недолго. Тобулток бежал из заключения и снова наводил ужас на богачей, отнимал у них имущество, деньги и раздавал все это беднякам. Через год бесстрашный гайдук вновь был арестован, но и тогда он бежал с кандалами на ногах. В 1834 году Тобултока во время преследования тяжело ранили в голову, он упал, потерял сознание. Тогда его заковали в ручные и ножные кандалы, посадили в тюремный замок. Двадцать пять солдат несли службу вокруг одиночной камеры, в которой был заточен тяжело раненный герой. Царская власть предала его мучительной казни.

Повесть о жизни и подвигах Тобултока вызвала у Лазо горячие споры на одной из встреч с товарищами.

— А вот послушайте, друзья, какое нежное сердце было у этого человека, — сказал Сергей. — Вы все читали, я знаю, но мне хочется напомнить вам его письмо к любимой девушке:

«Совершенство мое, красота зеленых Кодр, фея милой Бессарабии. Я, Тобулток, жду тебя в саду. То слово, которое столько берег, красивое слово «люблю», сказать тебе я должен — так суждено. В первый раз я вижу тебя и не могу уйти отсюда. Если ты настолько добра, принеси счастье человеку, который для этого счастья и для счастья народа живет, подари несколько минут свидания…»

Все восхищались героизмом Тобултока, его бескорыстным служением простым людям.

— А все-таки он разбойник, — сказал один гимназист.

— Какой же он разбойник! — горячился Сергей. — Благороднейший человек. Ведь он все раздавал бедным!

— Раз отнимал у других, значит разбойник, — настаивал гимназист. — Какое он имел право грабить людей, сжигать их дома? Это варварство.

— А какое имели право богачи грабить народ, заставлять его работать на себя? — не унимался Сергей.

Повесть о Тобултоке вызвала жаркие споры о правах человека на жизнь, на месть за обиду и унижение; говорили о том, имеет ли человек право пользоваться трудом своего ближнего.

Поздно закончилась дискуссия о гайдуке.

Ночной сторож Кирилл Кокорез отбивал своей колотушкой двенадцать ударов, когда молодежь расходилась по домам.

Сергей вышел подышать свежим воздухом. Так часто бывало. Увлекшись чтением или химическим опытом, он просиживал у себя в комнате до полуночи, а потом перед сном выходил в сад полюбоваться звездами, послушать едва ощутимый шелест листьев. Он любил южные ночи, когда утихал ветер, подымавший днем на улицах Кишинева столбы пыли, и можно было насладиться тишиной, предаться раздумью о жизни, о будущем.

— Вечер добрый! — окликнул его сторож.

— Здравствуй, Кирилл, — приветливо ответил Сергей.

— О чем вы все по ночам спорите? — спросил Кокорез.

— О книгах, Кирилл, о людях.

— Обошла меня жизнь грамотой! — со вздохом заметил сторож. — Чудно даже, как это по закорючкам люди постигают про все на свете. Великое дело — книжки читать, барин.

— Какой я тебе барин, — смущенно сказал Сергей. — Я такой же, как и ты, человек. Правда, родичи фамилию мне дали дворянскую. Но сердце такое же, как у тебя. Да и желания, вероятно, такие же.

Но тут же подумал, что выразился не совсем точно. Как может он, дворянин, «барин», желать того же, чего желает Кирилл, если Кирилл получает крохи с барского стола, а он,

«барин», имеет все, имеет гораздо больше того, что необходимо.

«Почему одни богатые, а другие бедные?» К этой мысли он часто возвращался и в детстве и в юные годы. А когда в одном из рассказов Чехова он прочел рассуждения о том, что меньшинство является для большинства паразитом и насосом, высасывающим из него хронически лучшие соки, он долго не мог забыть этих слов. Мысль о том, что его самого можно отнести к «меньшинству», к «паразитам», болезненно отзывалась в его постоянно думающей, беспокойной голове.

«Вольнодумство» кишиневских гимназистов доставляло тогдашним городским властям немало хлопот и огорчений. А тут еще и среди преподавателей оказались подозрительные люди. Не нравилось, очень не нравилось дирекции гимназии, что учитель русского языка Иван Петрович Зеленев не в меру щедро и откровенно разъясняет своим питомцам положение крестьян в России. Не раз Ивану Петровичу указывали на нарушение учебной программы. Случалось, что иной раз даже сам губернатор «невзначай» заглядывал на уроки Зеленева.

Но были и преподаватели иного толка. Их очень ее любили гимназисты. Особую неприязнь учащиеся питали к учителю немецкого языка Гейдоку.

Это был сухой, злой человек. По складу характера ему более подходила должность тюремщика, чем деятеля на ниве просвещения. Бросит какой-нибудь гимназист в его сторону недружелюбный взгляд — пиши пропало. Гейдок начинал преследовать юношу, старался на экзаменах сбить его с толку, как говорят, «загнать в трубу».

Однажды разыгралась трагедия. Гимназист Кондратский, не выдержав издевательств Гейдока, покончил жизнь самоубийством. Это вызвало большие волнения. На похоронах товарища Сергей Лазо и другие гимназисты выступили с гневными речами против недопустимого отношения учителя к своим воспитанникам.

Началась своеобразная забастовка. На очередном уроке весь класс отказался отвечать Гейдоку. Директор гимназии созвал экстренное заседание педагогического совета. Всему классу решили поставить в третьей четверти 1910/11 года тройку по поведению. Лазо занимался в параллельном классе и избежал наказания. Но на другой день к директору явилось несколько гимназистов во главе с Сергеем.

— Мы пришли к вам, господин директор, с одной просьбой, — заявил Лазо.

— Слушаю вас, — сказал директор, окинув посетителей испытующим взглядом.

— Мы просим нам также поставить тройку по поведению.

Директор опешил.

— Я не совсем вас понимаю, молодые люди. Насколько мне известно, вы не принимали участия в бунте на уроке немецкого языка.

— Это не имеет значения, господин директор, — объяснил Сергей. — Мы все согласны с поведением наших товарищей, отказавшихся отвечать господину Гейдоку после того, что произошло с Кондратским.

Их просьба была удовлетворена. Но после этого визита инспектору-надзирателю Ковальскому поручили строго следить, где бывает Лазо, с кем встречается, о чем беседует, что читает, и обо всем докладывать начальству. Успехи Ковальского были, видимо, очень невелики, потому что в журнале за первую четверть 1911/12 учебного года против фамилии учащегося восьмого класса Сергея Лазо значится взыскание «за манкировку уроков и посещение… катка». И только.

Знакомство с произведениями революционных демократов, наблюдения за окружающей действительностью все более укрепляли в сознании юноши убежденность, что мир устроен несправедливо.

«Надо все изменить. Все! Изменить во что бы то ни стало. Но как?..»

Представления об этом у Сергея были в ту пору очень наивны. Понимая огромную роль науки в жизни общества, он думал, что научные открытия могут как-то помочь создать лучший, более справедливый порядок в жизни.

— Послушай, Юрка, — говорил Сергей своему неизменному и неразлучному другу Булату. — А что, если авторы всех научных открытий не будут продавать их капиталистам, а отдадут безвозмездно народу? Как ты думаешь? Ведь тогда можно будет перестроить мир, правда?

Но когда друзья пытались разобраться в том, что же изменится в жизни, если ученые и передадут народу свои открытия, они еще более запутывали и без того очень неясный для них вопрос.

Это и понятно. Ведь в те годы ни Сергей, ни его друг не имели еще никакого представления о классовой борьбе. Книги Маркса, Энгельса, произведения Ленина были еще неизвестны Сергею.

В 1912 году в Кишиневе отмечали столетие присоединения Бессарабии к России. Местные власти всеми силами старались приукрасить свою столицу, сделать ее праздничной, веселой,

нарядной. А это было не так просто. Паперти собора, церквей, входы магазинов, ресторанов, перекрестки улиц были заполнены оборванными, голодными стариками, женщинами, детьми, просившими милостыню, и это нарушало всю красоту и прелесть чистого зеленого города.

И вот появился приказ полицмейстера, запрещающий в юбилейные дни пребывание в Кишиневе нищих и беспризорных. По недомыслию градоправителей этот приказ был вывешен на заборах, афишных тумбах, на стенах домов.

Как вспоминает соученик Лазо по гимназии И. Козловский, Сергей был глубоко возмущен.

— Ну скажи, Ваня, — говорил он. — Разве от того, что голодным людям запретят просить милостыню на кусок хлеба в Кишиневе, они перестанут существовать?.. Какая мерзость, какая тупость издавать такие приказы!..

В последнем классе гимназии Лазо не стеснялся уже открыто выражать свою неприязнь к царской власти.

Когда в Кишиневе начали организовывать «потешные полки» для укрепления пошатнувшегося авторитета самодержавия и усиления любви и верности к царю и престолу, Сергей решительно отказался вступить в такой полк и отнесся к этой затее, по свидетельству современников, с иронией и насмешкой.

Интересен и такой факт, отмеченный одним из гимназистов той поры А. Штейном.

Летом 1912 года после окончания гимназии весь класс должен был сфотографироваться. По традиции, молодые люди снимались в гимназической форме с нагрудными значками, выдаваемыми вместе с аттестатами зрелости. Значок этот представлял собою ромбик, в верхней части которого был изображен двуглавый орел — символ самодержавия.

Пришел фотограф. Все выпускники были в аккуратно выглаженных костюмах, на груди у каждого красовался ромбик. Лазо намеревался прийти на съемку без ромбика в знак протеста против самодержавия, но друзья советовали ему не делать этого, чтобы не вызывать излишних подозрений, — ведь он и так был на примете у гимназического начальства. Но когда фотограф навел объектив и сказал: «Приготовились», — Сергей незаметно снял ромбик и за-ал его в кулаке. Его примеру последовали и многие гимназисты, не пожелавшие сниматься с двуглавым орлом на груди.

Сергей окончил гимназию с прекрасными отметками.

Путь к высшему образованию ему был открыт, но куда итти? Он любил историю и философию, химию и физику. Ну, а

машины, техника? Разве есть что-нибудь более интересное и увлекательное? Французский, немецкий… чудесные языки! Может быть, заняться филологией?.. Нет! Конечно, техника, машины. Языками, историей можно заниматься попутно. А где учиться? Некоторые его товарищи уехали в Киев, Харьков…

Лазо влекло в столицу. Он много читал о происходивших там революционных событиях, в память глубоко врезалось 9 января 1905 года, и ему казалось, что в Петербурге, быть может, он скорее найдет ответ на мучительный вопрос: где же искать правду? Его страстная нетерпеливая натура стремилась к тому, чтобы скорее занять свое место в борьбе за правду на земле.

— Не кажется ли тебе, Юрий, — говорил он Булату, — что наши души не приспособлены для растительной жизни? Мы должны найти свой духовный путь и сжечь себя на нем без остатка.

И в конце июля, тепло простившись со своими друзьями, Сергей Лазо уехал в Петербург.

В СВЕТЛУЮ ДАЛЬ

Созданная по замыслу Петра I могучими руками русского народа столица России, со своими широкими улицами и проспектами, закованными в гранит каналами и величественными зданиями строгой архитектуры, восхищала каждого, кто впервые попадал в этот великолепный город.

Но Сергей Лазо относился как-то спокойно ко всему, что он видел, что окружало его. Вначале он был поглощен подготовкой к конкурсным экзаменам — приходилось усердно заниматься. Не понадеявшись на свои знания, он поступил на специальные курсы. Когда экзаменационные волнения остались позади, перед ним встал вопрос, в какой же институт итти учиться, — он выдержал конкурс сразу в два: Технологический и Путей сообщения.

И Лазо выбрал Технологический.

Занятия в институте отнимали много времени. Однако интересы юноши были гораздо шире учебного расписания.

«Новый большой город, куда я попал, — писал он в дневнике, — сразу всколыхнул много запросов. Все они настойчиво требовали ответа. Жизнь столицы не ослепила меня своим блеском, не оглушила своим шумом, наоборот, спокойно наблюдая ее, я все сильнее проникался сознанием глубокой закономерности тех… вопиющих противоречий, которыми полна эта жизнь. Читал ли я книгу гениального человека, я поражался его светлому уму, я чувствовал за этим умом жизнь, обильно залитую светом мыслей, и тем самым я болезненно чувствовал, что у меня этого света нет… Говорил ли я с товарищами-универсантами, я поражался их уменью легко рассуждать о массе новых предметов, в которых я еще очень мало смыслил. Наконец я был одинок, я знал, что есть другие люди с сильной мыслью, упорной волей и страстным чувством, но их не было среди моих друзей…»

Петербург жил в ту пору бурно, взволнованно, тревожно. Город находился под влиянием все возрастающего протеста широких масс против чудовищного злодеяния жандармов на Ленских золотых приисках. События в далекой Сибири с огромной силой отзывались на берегах Невы. И только ли Невы? Весь мир был потрясен неслыханным преступлением — расстрелом рабочих.

В чем же провинились перед государством люди, которые своим тяжким трудом добывали из недр земли золото для

капиталистов?

Жестокий произвол царил на Ленских приисках. Нищенская оплата каторжного труда в загазованных шахтах; гнилая рыба и тухлое мясо, отпускавшиеся втридорога из хозяйских лавок. «Жилищами рабочих я просто был поражен», — писал иркутский губернатор Бантыш, которого трудно заподозрить в глубоком сочувствии трудящимся. И было чему поражаться. Зимою в бараках мокрые сапоги примерзали к полу. Рабочие спали в шапках, потому что изголовья нар приходились у промерзающих стен.

Тяжелое экономическое положение, бесправие, насилие стали буквально невыносимыми. Начались забастовки, протесты. Руководителей забастовок сажали в тюрьмы, отправляли на каторгу.

В ночь на 4 апреля был арестован весь состав стачечного комитета, добивавшегося от предпринимателей хотя бы малейшего улучшения условий труда и жизни. И когда трехтысячная масса рабочих двинулась на Надеждинский прииск, чтобы потребовать от прокурора освобождения арестованных, им преградили путь солдаты. Под командой ротмистра Трещенкова началась дикая расправа. 270 человек было убито, 250 ранено.

Весть о массовом уничтожении людей быстро облетела всю Россию. «Ленский расстрел, — указывал В. И. Ленин, — явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс»[5]. Апрельская демонстрация протеста в Петербурге привлекла огромное количество рабочих и студентов. На фабриках и заводах столицы, да и по всей стране прокатилась широкая волна забастовок. В 1912 году бастовало полтора миллиона рабочих — более половины всех российских пролетариев. Появились большевистские газеты — сначала «Звезда», затем и «Правда».

На заводах, фабриках, в мастерских, учебных заведениях шли сходки, собрания, на которых гневно осуждалось правительство царя Николая за расстрелы рабочих и убийства политических заключенных в каторжных тюрьмах. Учащаяся молодежь вместе с рабочим классом подняла красные знамена и на слова министра Макарова «так было, так будет» грозно ответила: «Да, «так было», но так уж не должно быть».

В то время проводились выборы в IV Государственную думу. В своей избирательной платформе большевики выступали против царского самодержавия, за подлинную свободу, за торжество подлинной демократии.

«…теперь наша партия идет в Думу не для того, чтобы играть там «в реформы», не для того, чтобы «отстаивать конституцию»,

«убеждать» октябристов или «вытеснять реакцию» из Думы, как говорят обманывающие народ либералы, а для того, чтобы с думской трибуны звать массы к борьбе, разъяснять учение социализма, вскрывать всякий правительственный и либеральный обман, разоблачать монархические предрассудки отсталых слоев народа и классовые корни буржуазных партий, — одним словом для того, чтобы готовить армию сознательных борцов новой русской революции»[6], — писал В. И. Ленин.

Большевики-депутаты разоблачали в Государственной думе политику правящих классов. На всю страну прозвучала с трибуны думы написанная Лениным речь по аграрному вопросу, в которой был выдвинут лозунг о конфискации помещичьей земли.

Революционное движение нарастало с каждым днем. В демократическом лагере студенчества созревала решимость слить свои судьбы с судьбами тех, кто борется за освобождение трудящихся, за новую жизнь. Министерство народного просвещения (которое В. И. Ленин назвал «министерством народного затемнения») пыталось уничтожить существовавшую тогда известную автономию учебных заведений, увольняло видных прогрессивных профессоров. Это еще более усиливало негодование и протесты.

Студенчество, как и все общество, разделилось. Образовалось множество групп и группировок. Всюду шли горячие споры между сторонниками различных политических взглядов. В Петербургском университете наряду с организацией социал-демократов были организации, враждебные новым веяниям. Черносотенцы — члены «Союза русского народа» — и так называемые академисты диким свистом, погромными выкриками встречали каждую революционную речь, каждый революционный лозунг. Здесь сходки часто кончались вмешательством полиции.

Борьба идеологий происходила и в Технологическом институте, где учился Лазо.

В среде студенчества было много молодых людей, которые с открытой душой шли навстречу новому, отдавали ему все свои помыслы, презирая грозившую им опасность. Но было немало и таких, о которых М. Горький говорил:

«Внутренно оборванный, потертый, раздерганный, он то дружелюбно подмигивает социализму, то льстит капиталу, а предчувствие близкой социальной гибели еще быстрее разрушает крохотное рахитичное «я».

Во многих студенческих землячествах шла борьба за то, чтобы приблизить свою деятельность к общественной и политической жизни страны. Интересно отметить, что владивостокское землячество было одним из первых, где

демократическое меньшинство энергично боролось против реакционеров и «болота», за обновление землячества, за участие его в освободительном движении. Возглавляли это меньшинство К. А. Суханов и В. М. Сибирцев, впоследствии выдающиеся деятели Коммунистической партии на Дальнем Востоке, работавшие там вместе с С. Г. Лазо. Такая же борьба происходила и в студенческих организациях сибиряков, объединявшихся советом сибирских землячеств.

Тяжело приходилось тем, кто не имел еще твердых взглядов, ясной программы, до конца определившихся убеждений, но кто искренне хотел разобраться в так называемых проклятых вопросах жизни, искал надежный политический компас, с тем чтобы направить свою жизнь по верному руслу. Найти такой компас было тем более трудно потому, что в литературе того времени преобладали упаднические настроения. Часть интеллигенции отходила от революционной борьбы. У неустойчивых элементов это вызвало растерянность, уныние.

Партия же рабочего класса, партия Ленина росла и крепла. Молодежь продолжала свои поиски и находила правильную дорогу в жизнь.

В одной из аудиторий Психоневрологического института происходило собрание совета сибирских землячеств. Обсуждался вопрос об участии студентов в общей революционной борьбе трудящихся России против царского самодержавия. Интерес к этому вопросу в высших учебных заведениях был настолько велик, что на собрание пришли представители и других землячеств.

Бурно проходило это собрание. Особенно разгорелись страсти, когда один из ярых академистов резко выступил против вовлечения студенчества в политическую жизнь страны.

Говорили все пылко, горячо, перебивая друг друга. Председательствующему едва удавалось сдерживать разбушевавшуюся молодежь:

— Прошу, друзья, потише и по очереди. Всем будет дана возможность высказать свое мнение.

— Я, господа, считаю, что задача землячеств — экономическая помощь студентам, а не революционная работа, — говорил академист. — Мы должны защищать интересы народа, оберегать его жизнь, а не вовлекать в авантюры во имя туманных целей. Да, господа! — истерически закричал он. — Все знают, чем кончались такие авантюры в пятом году, на Лене в двенадцатом году. Море крови, господа!! Мы не хотим крови! Довольно! Да! Надо убедить капиталистов отдать часть своих богатств

беднякам. Но не силой оружия, а вдохновенным словом. Мы не должны допускать бойни в цивилизованном обществе.

— Какая чепуха! — возмущенно заметил студент в пенсне с металлической оправой. Это был Всеволод Сибирцев, отбывший заключение за участие в демонстрации против расстрела рабочих на Ленских приисках. — Что наш коллега предлагает? Нет, вы послушайте только, что он предлагает! Он хочет мирным путем, без борьбы заставить капиталистов облегчить жизнь народу. Да это же утопия! Бред! — горячился Сибирцев. — Только в борьбе можно свергнуть тиранов и построить новый мир.

— Позвольте мне, господа, — сказал бледнолицый блондин, поправляя длинными пальцами очки в золотой оправе. — Я не понимаю, господа. При чем тут борьба? Мы совсем не намерены ни с кем воевать. Мы мирные люди, студенты, мы приехали учиться, у нас землячество, содружество молодых индивидуумов, связанных, так сказать, географическими узами. И только. Мы внепартийная организация, созданная для помощи друг другу. А некоторые не в меру горячие головы пытаются сбить нас с правильного пути. Наше дело познавать науки, а не заниматься политикой.

— А кто же будет помогать народу? — вспылил Сибирцев.

— При чем тут народ? — недоуменно пожал плечами блондин. — Я за народ — пожалуйста. Думаю, в нашем землячестве не найдется индивидуума, который возражал бы против народа.

— Пустая болтовня! — решительно сорвался с места студент в темносиней сатиновой косоворотке. Это был Суханов. Горячо и страстно он начал доказывать, что новое всегда рождается только в борьбе.

— Мы не имеем права сидеть сложа руки, — говорил он, — когда народ переживает такой серьезный и знаменательный период своей истории. Мы должны активно участвовать во всей политической жизни страны. Посмотрите, что творится, вокруг. Разве можно забыть и простить самодержавию пятый год, убийства политических заключенных на нерчинской каторге, Ленский расстрел, карательные отряды?.. Ведь тысячи людей замучили, изувечили, осиротили, сделали нищими. А за что? За то, что они осмелились поднять свой голос против многовековой нужды и бесчеловечной эксплуатации. А вы хотите отделаться от политики, — бросил он в сторону студента в золотых очках. — Народ с презрением отвернется от вас. Ему не нужны сочувствующие. Ему нужны борцы. Кто не пойдет вместе с народом, того революция сметет с пути. Вот увидите…

На этом собрании присутствовал и Сергей Лазо. Он

внимательно слушал все, о чем говорили студенты, и понял, что симпатии его на стороне тех, кто правду ищет в борьбе.

Домой Сергей в эту ночь не пошел — он жил далеко, — и отправился ночевать к своему кишиневскому приятелю Юрию Булату, который после окончания гимназии также учился в Петербурге.

В комнате Юрия Булата была койка, заправленная байковым одеялом, три-четыре стула, этажерка с книгами, самодельная вешалка из крученой проволоки, небольшое зеркальце на стене — типичная обстановка, в которой учились, жили, мечтали о путях в лучшее будущее многие петербургские студенты.

— Что с тобой? — спросил Булат, увидев своего друга взволнованным и возбужденным. — Уж не влюблен ли?

— Да-да… Кажется, да, — машинально ответил Лазо, продолжая думать о своем. — Понимаешь, Юрий? Я был сегодня на собрании сибирских землячеств. Там так горячо спорили — голова кругом идет. Было, конечно, о чем спорить. Не так все просто, когда речь идет о месте человека в жизни. Больше всего мне понравилось выступление Суханова. Очень интересный человек этот Суханов. Он так умно, правильно говорил. Когда я слушал его, то все время думал: «Вот человек, который знает, что делать, как жить». Я совсем не завистливый, зависть — плохое чувство, но ему я, кажется, завидую.

— Ты?.. Завидуешь? — удивился Булат. — Это на тебя не похоже.

— А знаешь, почему? Я позавидовал его сильной мысли, какой-то, по-моему, упорной воле, страстному чувству, а главное — тому, что он нашел уже себя. У него ясная дорога, а у нас с тобой пока ее нет. Мы все возмущаемся несправедливостью, ищем чего-то, фантазируем, мечтаем, а куда итти, как жить, что делать, чтобы перестроить все по-новому…

— Позволь, позволь, — прервал его Юрий. — И наша дорога, по-моему, вполне ясна. Получим высшее образование, многое узнаем, а там видно будет, что делать и как жить, чтобы бороться за правду, за справедливость. Ты ведь и сам говорил об этом, когда поступил в институт, помнишь?

— Ну говорил, думал, а теперь вижу, что был не прав, — сказал Лазо. — Нельзя отгораживаться от жизни студенческим мундиром.

— Учись, пока молод, потом не наверстаешь, — возразил Булат. — Тем более, что учиться тебе легко. У тебя мама, имение. Каждый месяц тебе присылают деньги.

— Именно деньги, — вспылил Лазо. — Может быть, это имение и эти деньги и не дают мне спокойно жить, спать,

учиться. Мне всегда смешны были люди, желания которых не шли дальше богатства. А теперь мне совсем даже не смешно. Я их просто презираю, понимаешь? Пре-зи-раю!..

— Не говори, Сергей, ерунды, — засмеялся Булат, махнув рукой.

— Ну скажи, пожалуйста, — не унимался Лазо, — почему я должен иметь дом, усадьбу, землю, деньги, носить пояс с серебряной пряжкой, — он с досадой снял пояс и повесил его на спинку кровати, — а ты бегаешь с утра до вечера по городу, даешь уроки, переписываешь ноты, чтобы заработать кусок хлеба на жизнь? Ты что, хуже меня?

Булат молчал.

— Ну скажи, хуже? — допытывался Сергей. — Нет-нет! Суханов тысячу раз прав. Все надо перекроить, переделать заново. Все! Жить только ради того, чтобы жить, — недостойно высокого звания человека. Человек — это частица огромного коллектива, и каждый должен иметь свое определенное место в жизни, в общей борьбе. Если его нет, он обязан его найти.

Всю ночь спорили друзья…

С каждым днем Сергей все больше и больше размышлял о своем привилегированном положении в студенческой среде. И у него зародилась мысль отказаться от собственности. Но как? В какой форме это сделать?..

Он ограничил свои материальные потребности, часть денег отдавал неимущим товарищам. Но эта добродетель скоро стала его раздражать: «Подумаешь, меценат!» Главный вопрос жизни — справедливость — оставался ведь нерешенным…

Покончить с прошлым. Да! Покончить навсегда, вырваться из среды, которая тебя вырастила, воспитала. Но как избавить себя от груза собственности, который сдерживает твои порывы, путается в ногах, мешает жить так, как тебе хочется?..

Записи в дневнике передают большую внутреннюю борьбу Сергея в те годы, когда формировался его характер, взгляды на жизнь.

«Кто же я такой? — Писал он. — Кем я хочу и кем я должен быть? С чем я должен при этом считаться? Со своими ли мыслями, выстраданными убеждениями или с чем-либо другим?! Не совершу ли я преступления перед своим дальнейшим развитием, если хоть в малой степени в выборе своей деятельности я буду чувствовать принуждение родной среды? И тут, — пишет он далее, — мысль, яркая и сильная, возникла в голове: ты должен отрешиться от всего, стать человеком «без имени, без роду и племени» и решать сам на основании своих

знаний и стремлений, кем ты должен быть…»

Но и это оказывается не так-то просто.

Хорошо зная среду, в которой он родился и вырос, Лазо понимал, что отход от нее сопряжен с большими трудностями, с борьбой против нее. Привилегированные классы — дворянство, буржуазия — мстительны. Они будут злобно преследовать всякого, кто добровольно покинет их ряды. Но это не поколебало уверенности Сергея в правильности своего выбора — порвать с прошлым и начать новую жизнь. Он был выше породившей и воспитавшей его среды и ясно понимал, что правда, которую он так долго ищет, находится вне ее.

Его идеалом стал трудящийся человек с сильной волей, закаляющий свой характер в непрерывной борьбе за свое право жить лучше.

«Быть в рядах рабочего класса, бороться вместе с ним за лучшую жизнь — для этого надо прежде всего и самому приобщиться к труду», — размышляет Сергей и делает такую запись в дневнике: «…Если ты хочешь быть господином и самого себя и своих поступков — приучай себя к труду и закаливай себя лишениями, — пусть тебя не страшит суровая жизнь, пополненная физическим трудом. Ты должен не только изучить в совершенстве свою специальность, но должен знать какой-либо труд или ремесло. Сочетать последнее с разносторонним развитием вполне нам по силам».

Интересуясь разными ремеслами: печатным, сапожным и другими, Сергей особенно склонялся к слесарному, считая, что ему, механику по образованию, легко будет изучить это ремесло в один год. И он стал систематически работать в институтской мастерской. Сергей занимался спортом, полагая, что мускулы нужно упражнять и гимнастикой и настоящим физическим трудом. Герой романа Чернышевского «Что делать?» Рахметов, вспомнил он, тоже ведь усиленно закалялся спортом. И не напрасно.

«…Нужно быть готовым, — записывает Лазо, — чтобы во время всяких передряг не быть застигнутым врасплох… Полезно уметь хорошо плавать и, главное, хорошо и много ходить пешком. Привычка к работе и лишениям сделают тебя своим человеком среди трудящихся и обездоленных…»

Несправедливость капиталистического общества вызывала в его душе решительный протест, и он пишет: «Всем существом моим… овладевало стремление к знанию и стремление к действию. Ради этих стремлений я готов был пожертвовать… личным счастьем…»

Действия эти не отличались вначале большой политической

ясностью и определенностью. Общественная деятельность в институте сводилась главным образом все к тому же «меценатству», покровительству неимущим, — для них он подыскивал работу, собирал, деньги среди состоятельных студентов, отдавая дань идеям, взятым из арсенала народничества. В ту пору ему казалось, что помощь народу своим личным трудом, средствами, известное самопожертвование и есть то главное, с чего следует начинать борьбу за переустройство мира.

В 1915 году стали возникать добровольческие отряды братьев милосердия для оказания помощи раненым в госпиталях и на эвакуационных пунктах. Желая помочь «страждущим братьям», Сергей Лазо также записался в такой отряд, прошел курсы и стал ухаживать за ранеными солдатами.

Но это дело, казавшееся ему ранее большим и серьезным, вскоре перестало его удовлетворять. Рассказы раненых о положении на фронте, о зверском отношении офицеров к солдатам, о предательстве высших чинов царского правительства, воровстве интендантов все более убеждали его в том, что молодые люди, стремящиеся к правде и справедливости, должны итти другими путями-дорогами к своей цели.

Большое впечатление произвел на Сергея разговор с одним раненым солдатом.

— Эх, господин студент, — сказал солдат. — Не тем делом занимаетесь. Спасибо вам, конечно, за доброе сердце, а только вынести горшок, извиняюсь, или перевязку сделать вполне могут тетя Маруся и Аглая Ивановна. А вот такое изобразить, чтобы зря не калечили людей, не убивали, не продавали отечество, — куда более подходящее занятие для вашего брата…

Общение с солдатами, беседы с ними еще более революционизировали сознание Сергея, заставляли его глубже задумываться над политическими вопросами, острота которых с особой силой выступала именно во время войны.

Как-то вечером Лазо со своим другом Булатом решили освежиться перед сном и вышли на улицу. У ворот они встретили дворника.

— Куда идете, господа студенты? — спросил он.

Услыша в ответ, что они идут гулять, дворник пришел в ярость. Он стал осыпать их ругательствами, потрясая кулаком. Одна рука у него была изуродована: на ней не было четырех пальцев. Сам дворник, высокий, желтый и изможденный, с красными, воспаленными глазами, казался каким-то привидением. Со злобной иронией он сказал:

— А-а-а! Гулять идете, прохлаждаться? Отлично-с! Вот я

перед вами дорожку замету своей рукой с одним пальцем. — Он порывисто водил метлой перед ними, потом бросил ее на мостовую, подошел вплотную к студентам и истерически закричал: — А были ли вы на фронте?! Пальцы у вас целы? Я вот одним пальцем метлу огибаю.

Это был вопль наболевшей души. Оказалось, что дворник был дважды ранен: при втором ранении ему оторвало четыре пальца, он с трудом держал в руках метлу.

Попытка объяснить дворнику, что студенты освобождены от мобилизации, только подлила масла в огонь.

— А-а-а! — кричал дворник. — У вас есть закон такой, чтобы один на войне умирал, а другой, гладкий и красивый, по улицам ходил? Чтобы один в окопах сидел, а другой на досуге брюхо наращивал? Погодите, братцы, — угрожающе твердил он, — доберемся и мы до своего закона, но вам наш закон боком выйдет!..

Дворник еще долго что-то кричал вслед студентам. Сергей был мрачен. В словах дворника он почувствовал горькую правду.

— Получили мы с тобой, брат, по заслугам, — сказал Лазо Булату. — Мы философствуем, говорим о слиянии с широкими массами, а искренне, всей душой, всем сердцем понять их нужды и страдания не умеем. Да, да, не умеем, — повторил он, когда Юрий хотел ему возразить.

Друзья пересекли мост, свернули на Фонтанку. Шли молча, потрясенные этой случайной встречей, поглощенные каждый своими думами.

— Вот я окончил санитарные курсы, — снова заговорил Сергей. — Сделал я это потому, что хотел помочь раненым. Но в глазах простых людей этот альтруизм приобретает совершенно иной смысл: барский сынок под званием санитара укрывается от военной службы, понимаешь? — Сергей иронически улыбнулся. — Закон освобождает студентов от обязанности итти на фронт и рисковать своей жизнью наряду с «серым людом».. Да ведь это звучит издевательством! Дворники и им подобные и так презирают и ненавидят сытых барчуков в блестящих мундирах. А тут еще, оказывается, есть закон, который позволяет одному умирать, другому гулять, одному страдать, другому учиться и создавать свое собственное благополучие. Нет, брат, если ты считаешь себя другом народа, разделяй его участь.

Мысли о том, чтобы итти вместе с народом в окопы, страдать вместе с ним, все больше и больше овладевали сознанием Лазо. Итти с народом… Да… Только так должен поступить молодой человек, мечтающий о справедливости… Но для чего итти на фронт, в окопы?.. Убивать немцев и спасать царскую Россию?..

Какая нелепость!.. Если уж итти на фронт, так совсем с другой целью: быть ближе к народу и вместе с ним ломать старые порядки…

Через несколько дней произошло еще одно событие. Царским правительством часть студентов была призвана в армию. Лазо отправился на Варшавский вокзал проводить уезжавшего на фронт товарища. С большими трудностями удалось проникнуть на перрон. Всюду были расставлены часовые. С фронта прибыло три санитарных поезда. Около вагонов суетилось много людей; перебегая от вагона к вагону, они о чем-то перешептывались и были крайне встревожены и расстроены. Оказалось, что более часа тому назад прибыли поезда с тяжело раненными солдатами и бойцам с самого момента ранения ни разу не меняли повязок. Жизнь многих висела на волоске, они нуждались в срочной операции.

Из вагонов доносились стоны. Двое раненых умерли тут же в поезде, не дождавшись медицинской помощи. А доставка раненых в госпитали задерживалась. Из царского двора было получено сообщение, что великая княжна Ольга Николаевна возымела желание лично приветствовать «защитников престола» и собственноручно наградить их евангелиями и иконками.

Узнав о причинах задержки, Сергеем овладел приступ гнева. С большим трудом товарищам удалось увести его с перрона.

В тот день Лазо долго не мог успокоиться. Взволнованный, он говорил Булату:

— Нет, нельзя жить спокойно, быть счастливым, если есть война, если есть дворники с отбитыми пальцами, если есть цари и августейшие дочери, которые заставляют умирать раненых, чтобы наградить их перед смертью иконкой и евангелием.

Лазо подошел к этажерке и начал перебирать книги.

— Ты что ищешь? — спросил Булат.

— Белинского. В одном месте у него очень здорово сказано. — И найдя книгу, раскрыл ее и прочел: — «Любовь к отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину, значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому… Можно не любить и родного брата, если он дурной человек, но нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было: только надобно, чтобы эта любовь была не мертвым довольством, тем, что есть, но живым желанием усовершенствования, словом — любовь к отечеству должна быть вместе и любовью к человечеству»[7].

— Усовершенствования, понимаешь? — сказал он, захлопнув книгу. — У-со-вершенствования, — повторил Лазо, подумав

немного. — Разве мы можем отделить свою судьбу, свою участь от судьбы родины?..

Осень 1915 года. Второй год идет империалистическая война.

В Одессе, на Конной улице, 17, в квартире курсистки Высших женских курсов, двоюродной сестры Лазо, в один из вечеров собралась группа молодежи, преимущественно студентов. Здесь часто собирались молодые люди. Они читали вслух книги, обсуждали злободневные вопросы жизни, спорили о путях развития политической борьбы против самодержавия. Но этот вечер — вечер особенный. На нем должен был присутствовать Сергей, приехавший навестить свою родственницу.

Многие знали Сергея с детства, со школьной скамьи, знали, что в студенческой среде он прослыл смелым вольнодумцем, хорошим оратором. И хотя ни к одной из политических партий Лазо тогда формально еще не принадлежал, его выступления на сходках были глубоко революционными.

Собравшиеся в большинстве своем слабо разбирались в программах политических партий. Их объединяла только жгучая ненависть к монархии, к полицейско-жандармскому строю. Все считали себя социалистами, готовыми итти на решительную борьбу с царизмом. Лазо жил и учился в Петрограде — центре революционного движения, — и от него ждали откровений.

— На фронте империалистической войны, — начал Лазо свое выступление, — льется кровь миллионов рабочих и крестьян России, Германии, Франции, Англии, Румынии, Австро-Венгрии и других стран. Банкиры, заводчики, купцы и спекулянты наживают миллиарды на крови трудового народа. Народные массы голодают… Рабочие поднимаются на борьбу с фабрикантами и заводчиками. Глухо ропщут крестьяне, получая вести с фронтов империалистической войны о гибели своих отцов и сыновей, своих кормильцев.

Обаятельное лицо Сергея, его пламенный темперамент, логичность суждений и выводов покорили слушателей.

— Что же делать? — спрашивал Лазо и тут же отвечал: — Надо пробудить сознание широких масс и свергнуть самодержавие. Самодержавие имеет огромную армию, полицию, охранников, стражников, шпионов. Поэтому революционерам необходимо знать военное дело, научиться быть командирами взводов, рот, полков, чтобы управлять, руководить войсками.

— Мы, молодежь, — решительно говорил Сергей, — должны, не колеблясь, итти в армию, изучать пехоту, артиллерию, кавалерию, инженерное дело. Когда армия будет в руках революционных командиров, самодержавный строй будет сметен

вооруженной силой рабочих и крестьян.

«Не все соглашались с Лазо, — вспоминает присутствовавший на этом вечере студент Новороссийского университета, ныне профессор Московского Государственного университета Михаил Федорович Нестурх, — но его выступление произвело на всех большое впечатление».

Во втором часу ночи Лазо с Нестурхом вышли на улицу. Оба были возбуждены и продолжали разговор о путях и месте молодежи в борьбе за новую жизнь. Они не заметили, как дошли до бульвара и остановились у обрыва. Перед ними раскинулся залитый огнями порт. Несмотря на позднее время, в порту шла напряженная работа по ремонту, погрузке и разгрузке судов. Скрипели лебедки, слышались монотонные удары пневматических молотов, то и дело раздавались возгласы: «вира», «стоп», «майна», «стоп».

— Вы правы, Сергей! — сказал Нестурх. — Надо итти в армию, надо повернуть эту грозную силу против самодержавия.

— Да, да, обязательно, — подтвердил Лазо.

— Знаете, Сережа, я буду готовить себя для революционной армии, — сказал Нестурх.

Сергей крепко пожал ему руку.

Военное образование… Это стало неотступной мечтой Лазо. Но прошло еще несколько месяцев, прежде чем ему удалось осуществить ее. Это случилось ранней весной 1916 года, когда правительство снова объявило мобилизацию студентов в военные училища, чтобы пополнить сильно поредевшие за время войны офицерские кадры. Призывали главным образом дворянских сынков, детей имущих классов, способных, по мнению царских чиновников, верой и правдой служить престолу и твердой рукой подавлять недовольство народа самодержавным строем.

Елена Степановна и в письмах к сыну и в личных разговорах с ним всегда сдерживала его порыв итти в армию. Теперь же, отлично понимая, что Сергея наверняка ждет военная служба, она пыталась использовать свои обширные знакомства, чтобы оградить сына хотя бы от участи пехотного офицера.

— Если уж нельзя избежать армии, так лучше служить в артиллерии: там меньше опасности, — говорила Елена Степановна. — Пехота — это ужасно, это смерть. Я этого не переживу.

Она втайне от Сергея доставала письма у влиятельных лиц в Бессарабии их друзьям и родственникам в Петроград и Москву, просила, умоляла…

Однако хлопоты Елены Степановны оставались бесплодными.

Сергея мобилизовали и направили в Москву, в Алексеевское пехотное училище. Он был очень рад этому. Мобилизация избавляла его от необходимости убеждать свою мать в правильности давно намеченной им цели — получить военное образование.

Перед отъездом Лазо провел вечер в кругу друзей. Юрий Булат, обладавший артистическими способностями, прочитал вслух рассказ Леонида Андреева «В темную даль». Образ Николая, бывшего студента Технологического института, глубоко взволновал Сергея. В судьбе героя он уловил какое-то, пусть и очень отдаленное, сходство со своей судьбой, со своими стремлениями и взглядами на жизнь. Николай бросил богатый дом своего отца и ушел. Куда?.. «Еще минута — он навсегда скрылся в… темной зловещей дали…»

— Позвольте, — сказал Сергей. — Почему автор считает, что Николай уходит в темную даль? Я с ним совершенно не согласен. Автор или умышленно исказил образ своего героя, или не понял его. В светлую, в светлую даль ушел Николай. Из темного царства он ушел искать путей в светлое будущее…

В училище Лазо старался как можно лучше изучить специальные предметы. Это ему удалось. Он окончил училище с отличными оценками в чине прапорщика. Лазо был уверен, что его, точно так же, как и других молодых офицеров, пошлют на фронт. Он мечтал об этом, подготовив себя не для войны с немцами, а для борьбы с теми, кто затеял мировую кровавую бойню. Но «худая слава» вольнодумца, утвердившаяся за ним в Технологическом институте, стала известной в пехотном училище, и царские генералы сочли за благо держать свободолюбивого прапорщика подальше от фронта. Лазо направили в Красноярск в 15-й стрелковый запасной полк. Начальник училища предупредил военное командование о взглядах молодого офицера, написав в секретной характеристике: «офицер-демократ, непатриотически настроенный».

Получив назначение, Лазо на несколько дней приехал домой повидаться с матерью и младшими братьями. Это было в конце декабря 1916 года.

Дыхание войны коснулось и Кишинева, стоявшего как будто в стороне от фронтовых дорог. В городе росла дороговизна, росло недовольство простых людей, потерявших на фронте родных и близких. Но горе и несчастья, которые приносила народу кровавая бойня, менее всего ощущались в «высшем свете».

В те дни в Дворянском собрании бессарабской столицы готовился рождественский карнавал.

— Я приготовила тебе, Сережа, два костюма на выбор, —

сказала Елена Степановна. — Испанского гранда с плащом и шпагой, — тебе очень пойдет, — и Алеши Поповича. Ну, какой тебе больше нравится?

— С меня достаточно и мундира прапорщика, мама, — ответил Сергей.

— Это неучтиво, Сережа, — обиделась Елена Степановна. — Мне с таким трудом удалось все это достать, истратила столько денег. Сегодня в собрании будет весь наш бомонд.

— Знаешь, мама, я, пожалуй, совсем не пойду, хорошо?

— Что ты, что ты! Ни в коем случае!

— За время своей студенческой жизни я как-то отвык от пышного общества и боюсь, мама, что не оправдаю твоих надежд.

— А разве тебе не хочется повидаться с мадемуазель Гроссе?

— Мари?

Сергей оживился. Мари… Да, ему хочется ее видеть…

Первое увлечение.

Ему очень нравилась эта светловолосая девушка с темной родинкой над верхней губой и голубыми глазами. Вспомнились гимназические годы, таинственные свидания в Пушкинском саду, робкие поцелуи. Она спросила:

— Мы никогда не расстанемся, Сережа?

— Никогда, Мари.

— А если вы уедете в Петербург?

— Я возьму вас с собой, Мари.

— Меня мама не пустит.

— Я украду вас, Мари!

Он ночью тихо подойдет к окну ее комнаты, бросит на балкон веревочную лестницу… Как в рыцарских романах… На углу их будет ждать тройка самых лихих коней… Он увезет ее в величавую северную столицу, в далекий неведомый Петербург. Они будут вместе. Всегда. Всю жизнь!..

Вспомнил и улыбнулся. Наивные полудетские мечты. Он уехал. Один, конечно. Написал ей из Петербурга несколько писем. Вначале: «Дорогая, любимая», потом: «Милая», а еще потом просто: «Здравствуйте, Мари!» Получил в ответ не то два, не то три письма. Вот и все.

А в памяти остался все же приметный след.

— Ты говоришь, мама, там будет мадемуазель Гроссе?

— Я встретила сегодня в соборе мадам Гроссе, она сказала, что приедет с дочерью непременно.

— А она еще мадемуазель?

— Представь, Сережа, да. Но, кажется, Мари будет скоро уже мадам.

— Хорошо, поедем на карнавал. Разреши мне только

обойтись без петушиных нарядов.

— Ну, как знаешь!

Вечером Сергей с матерью поехали в Дворянское собрание. У ярко освещенного подъезда в несколько рядов стояли пролетки, коляски, кареты, слышалась разноязычная речь. Говорили на румынском, молдавском, реже русском и большей частью французском языках.

Появление мадам Лазо с сыном привлекло всеобщее внимание. Густо напудренные пожилые женщины, девушки в маскарадные костюмах не скрывали своего восторга, увидев высокого статного молодого красавца в новом офицерском мундире.

— Сережа! — услышал он за спиной знакомый голос.

— Мари?

Перед ним стояла царевна-лебедь в ослепительно белом платье и осыпанном бриллиантами головном уборе.

Он предложил ей руку, они прошлись по залу к поднялись на балкон. Гремел оркестр. По зеркальному паркету с легким шумом неслись танцующие пары.

— В армию, Сережа? — спросила Мари.

— Да, Мари.

— А если убьют? Я не хочу, Сережа! — И крепко сжала его руку.

— Разве меня одного? Многих убивают. Чем я лучше других? Впрочем, меня убьют еще не так скоро. Пока посылают в Красноярск.

— Правда? — В ее глазах сверкнула искра радости.

Он посмотрел на нее благодарным взглядом.

— Выходите замуж?

Она опустила голову и ничего не ответила.

…К Сергею подходили какие-то отставные офицеры, щеголеватые старички в смокингах с белыми цветками б петличках и орденскими лентами через плечо. Они знали его мальчиком, гимназистом. Как вырос, вытянулся, расцвел!

— Экий красавец!

— Ну-с, молодой человек. Желаем вам добить немцев. Уж вы-то честно послужите отечеству и царю-батюшке.

— Обязательно. Послужу отечеству своему и народу, — ответил Сергей. — Народу и отечеству, — повторил он и, щелкнув каблуками, поклонился знакомой даме и закружился с нею в вальсе.

Вокруг зашептались.

— Вы слышали? — взволнованно сказал престарелый

полковник в отставке какому-то чиновнику в сюртуке с Анной на шее. — Нет, вы слышали? Каково, а? «Народу и отечеству», понимаете? Не царю-батюшке, а народу…

— М-да… — процедил чиновник, глядя вслед танцующему молодому прапорщику. — Знавал я его гимназистом. Учтивый такой юноша был… А теперь… подменили Сергея, подменили, — сокрушенно покачал он головой.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПРАПОРЩИК

В просторном помещении было пусто. Солдаты ушли в баню, и в казарме оставался лишь дневальный. Взобравшись на табуретку поближе к единственной, тускло светившей электрической лампочке, он, шевеля губами, по складам разбирал написанное каракулями письмо. По лицу солдата сбегали к подбородку крупные слезы.

Увлекшись чтением, дневальный не заметил, как открылась дверь и вошел новый командир взвода.

— Чего плачешь, Фролов?

Солдат вздрогнул, соскочил с табурета и, взяв под козырек, с испугом отрапортовал:

— Никак нет, ваше благородие!

— Вольно! А зачем говорить неправду?

— Никак нет, ваше благородие! — упрямо твердил Фролов, стараясь движениями мышц согнать с лица так некстати оброненные слезы.

— Что у тебя в руке? — Офицер показал на зажатое в кулаке солдата письмо. — Ты не скроешь от меня ничего — насквозь вижу.

— Провалиться на месте, ваше благородие!

— Глаза почему мокрые?

— Потею, ваше благородие!

— Первый раз слышу, чтоб от холода глаза потели, — улыбнулся взводный, а затем строго повторил: — Я спрашиваю, что у тебя в руке? Откуда письмо?

Дневальному некуда было деваться.

— Глупости пишут, ваше благородие. Известное дело — деревенская темнота, бессознательная…

— Покажи! — приказал командир.

Едва разжав трясущиеся пальцы, Фролов стал разглаживать помятый листок.

— Ничего, я сам.

Офицер взял из рук солдата письмо и начал читать. Фролов стоял ни жив ни мертв. Кончено. Все пропало. Узнает теперь взводный и про хлеб, и про лебеду, что едят вместо хлеба, и про корову, что пала от бескормицы. Ладно бы еще про хлеб и про корову. А что делать с проклятьями, которые шлют и отец, и мать, и бабка с дедом на головы тех, кто затеял эту проклятую войну?..

«Был Фролов — нету Фролова. За такие крамольные письма быть тебе, Фролов, в дисциплинарке. Возить тебе, Фролов, тачку

на цепи, как собаке».

Мрачные картины рисовались воображению солдата, пока командир внимательно вчитывался в письмо.

— На, возьми, — сказал офицер, возвращая письмо. — Правильно все пишут, Фролов.

— Темнота… Никак нет, ваше благородие!..

— Не бойся, Фролов. — Прапорщик положил руку на плечо солдата и пристально посмотрел ему в глаза. — Ничего плохого я тебе не сделаю. Плакать не надо. Вытри слезы. А письмецо покажи ребятам.

— Эх, да что ребятам, ваше благородие! — оживился Фролов. — У каждого в сундуке есть и похлеще.

— Ладно, об этом как-нибудь потом поговорим, — сказал офицер и, посмотрев на гимнастерку солдата, заметил — А пуговицы застегивать полагается, на то они и пуговицы.

— Виноват, ваше благородие!

Но не успел Фролов исправить изъян в своем туалете, как вошел ротный командир. Солдат вытянул руки по швам.

Подпоручик Смирнов, сухощавый человек с аккуратно подкрученными усиками, окинул своими маленькими колючими глазками казарму, а потом, смерив дневального с ног до головы строгим взглядом, ткнул его нагайкой в грудь.

— Почему пуговица расстегнута?

— Я, ваше благор…

— Молчать, не разговаривать! — крикнул Смирнов. — Распустились, сукины дети! Хочешь под ружье? Получишь. Попрошу, прапорщик Лазо, со мной, — обратился Смирнов к взводному командиру, и офицеры ушли.

Новый командир взвода 15-го стрелкового запасного полка производил на солдат несколько необычное, даже странное впечатление. Он никого не посылал под арест, не ставил под ружье. В его взводе не допускались издевательства над низшими чинами. Солдаты, испытавшие на своей спине муштру царской армии, побои и унижения, никогда не слышали от нового командира обычных офицерских окриков: «Молчать!», «Не разговаривать!» Молодой прапорщик был всегда приветлив. Он знал своих солдат, знал их нужды, настроения, интересовался жизнью их родных.

Лазо рассказывал им о причинах и целях войны, об империалистах Германии, Англии, Франции, России, об их стремлении захватить территории более слабых стран и поработить их народы. Вначале с большой настороженностью, а потом с восторгом и жадностью прислушивались солдаты к тому,

что говорил этот необыкновенный прапорщик.

Рядовой из взвода Сергея Лазо, Назарчук, вспоминал впоследствии:

«Я был на царской военной службе.

В первых числах января 1917 года попал я в Красноярске в учебную команду 15-го стрелкового запасного полка. Офицером моего взвода был Лазо — прапорщик нового выпуска.

Скоро стало видно, что Лазо — офицер не царский. По его обращению можно было определить, что он какой-то близкий и родной всем солдатам. Наказаний — самых малейших — от него никто не получал, и обращался он с нашим братом как справедливый человек.

Один раз на словесных занятиях Лазо вместо словесности повел частную беседу: объяснил нам, с чего загорелась война с Германией, и тут же отвечал солдатам на вопросы, о которых в царское время и гово-рить-то было страшно. Заговорился Лазо до того, что забыл себя, забыл, что он офицер. Несколько раз Лазо повторил, что война и все прочее больше зависят от самих же солдат — ведь у них вся сила в руках… Потом он как будто проснулся и, одумавшись, сказал нам:

— Давайте, ребята, заниматься словесностью!

Тут сразу и я и многие другие солдаты поняли, что Лазо кто-то есть, — стали втихомолку шептаться».

В течение многих лет Красноярский край (бывшая Енисейская губерния) и сам город Красноярск служили местом ссылки отбывших каторгу, а также и административно высланных политических «преступников». В железнодорожных мастерских была по тем временам довольно крупная большевистская организация.

«Каждый искренний революционер находил здесь себе место, — пишет в своих воспоминаниях старый член партии сибирячка А. Померанцева. — Таким местным революционером был Сергей Лазо, двадцатидвухлетний юноша-интеллигент, рвавшийся в бой за торжество революции…

Лазо в эту пору еще находился под влиянием мелкобуржуазной идеологии. Однако он не идет к видным красноярским эсерам, работавшим в кооперации и в других легальных общественных организациях. Он ищет связей с подпольем, он хочет вести настоящую революционную работу…»

Путь к большевикам Лазо нашел не сразу. Первыми его подпольными связями были связи с Николаем Мазуриным и Адой Лебедевой, которые принадлежали к «левым» эсерам и вели в то время вместе с большевиками революционную работу среди

солдат. К этим товарищам Сергея Лазо привлекла общность взглядов на то, что преступная империалистическая война закончится поражением царского правительства и победой революции. Вскоре Лазо стал членом эсеровской организации. Лазо глубоко верил, что рабочие, крестьяне и солдаты подготовлены к активным действиям. Нужно только многое им разъяснить. И поскольку главной вооруженной силой были в то время солдаты, то революционную работу надо прежде всего проводить в армии.

В начале 1917 года по всей России начался новый революционный подъем. 9 января широкая волна демонстраций захлестнула Москву, Петроград, много других городов. Сто тысяч рабочих забастовало в столице, шестнадцать тысяч судостроителей — в Николаеве. Две недели не выходили на работу путиловцы. В день работницы 23 февраля (8 марта) женщины Петрограда вышли на улицы с лозунгами: «Долой царя!», «Долой войну!», «Хлеба!» Вслед за ними выступили их мужья, отцы, братья. Они стали разоружать полицию и жандармов, расстреливавших беззащитных жен, дочерей, сестер.

Царь Николай II (и последний) и его правительство приказали подавить вооруженные выступления рабочих. Но времена изменились, и грозный царский приказ не был выполнен. Винтовки солдат Павловского и других полков волею нашей партии и восставшего народа были направлены не на рабочих, а против городовых, жандармов и прочих царских слуг.

Героической борьбой петроградского пролетариата и присоединившихся к ним солдат и матросов царское правительство было свергнуто. Февральская буржуазно-демократическая революция победила.

Едва были получены известия о свержении самодержавия, Лазо вбежал в казарму и обратился к солдатам с необычным приветствием:

— Здравствуйте, товарищи!

«Все мы оторопели от радости, — вспоминает Назарчук, — изумились новому слову «товарищ». А Лазо хватает одного солдата, другого, обнимает каждого, а у самого на глазах слезы. Объяснив наспех, что произошло, Лазо тут же сказал:

— Не величайте меня «ваше благородие», а просто «товарищ Лазо…»

Не могу я описать того момента, какой переживал в то время каждый солдат. Теперь всем стало понятно, кто такой был Сергей Лазо. Другие офицеры в тот день к нам даже не показались…

В команде он провел с нами всю ночь… разъяснил нам подробно о случившемся и предостерег насчет будущего:

— Это еще не все, еще много будет крови!»

Когда солдаты стали допытываться, что же будет дальше и почему еще прольется много крови, Лазо объяснил:

— Потому, что мы не все одинаковы. Капиталисты и богачи легко не отдадут то, что они награбили у народа. Мы скоро закрепили бы власть за трудящимися, но борьба с врагами народа будет жестокая, так как имеется еще много предателей и врагов народной власти.

Лазо первым из красноярских офицеров снял царские погоны и привел свой взвод на защиту образовавшегося в городе Совета рабочих депутатов.

В архиве Красноярского крайкома КПСС хранятся два удостоверения Лазо, свидетельствующие об его авторитете среди солдат и революционно настроенных офицеров.

В одном из них от 14 марта 1917 года говорится, что прапорщик 15-го Сибирского стрелкового полка Лазо был избран собранием офицеров полка делегатом в Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов, где с самого начала его деятельности проявил революционную активность.

В удостоверении от 19 мая 1917 года записано, что предъявитель сего начальник учебной команды 15-го Сибирского стрелкового запасного полка прапорщик Лазо действительно является выборным делегатом от всего состава солдат Учебной команды 15-го полка, что своими подписями и приложением казенной печати удостоверяется».

Солдаты 4-й роты 15-го Сибирского стрелкового полка вынесли следующее постановление:

«Принимая во внимание положение настоящего времени, чины 4-й роты 15-го Сибирского стрелкового полка на своем общем собрании постановили следующее: заменить своего ротного командира подпоручика Смирнова по следующим причинам:

1. По получении приказа № 64 от 3 марта с. г. в личном разговоре с унтер-офицером и другими заявил себя открытым сторонником старого правительства (его подлинные слова: «Я давал присягу служить императору Николаю II…»). Его словам соответствовали и поступки, как, например, 4 марта он разогнал наше собрание, чем воспрепятствовал законному выбору делегатов от роты, и преследовал обмен мнений по поводу последних событий. К тому же отношение его к солдатам было деспотическое.

2. Выражаем желание иметь своим ротным командиром прапорщика Лазо.

К сему по доверию роты подписуемся (подписи)».

В первые дни после свержения самодержавия офицеры, правые эсеры и меньшевики организовали в Красноярске гарнизонный комитет и выступали против большевиков. Не гнушаясь ничем, меньшевики и правые эсеры распространяли клеветнические слухи о том, что большевики являются агентами кайзера Вильгельма. Они старались вызвать в солдатских, рабочих и крестьянских массах шовинистические настроения, призывали их к борьбе с «анархо-большевиками», к войне «до победного конца». Лазо вместе с большевиками разоблачал грязные измышления предателей революции.

20 мая 1917 года Исполком Красноярского совета телефонограммой № 167 за подписями Е. Дымова и С. Лазо обратился к начальнику гарнизона, ко всем ротам, командам и солдатам с призывом во имя пролитой народной крови, во имя победы революции исполнять точно распоряжения Исполнительного комитета.

В этой телефонограмме Исполком призывал солдат строго беречь оружие и патроны, не впускать в казармы никого без специального письменного разрешения.

«Товарищи солдаты, — заканчивали Е. Дымов и С. Лазо обращение. — Сплотитесь грудью вокруг выбранных вами Советов, только в них ищите искренних друзей народа в нашей Великой революции».

Но контрреволюционеры усиливали свою преступную работу против Советов и большевиков, мобилизуя для этого все силы.

В июле гарнизонный комитет, находившийся все еще в руках правых эсеров и меньшевиков, попытался разгромить большевиков. Он вызвал из Иркутского военного округа, также бывшего в руках врагов, войска для подавления якобы поднятого Красноярским советом восстания. Лазо проводил в этих частях круглые сутки, разъяснял солдатам, что большевики правы, а офицеры, заставляющие их воевать с ними, предают интересы народа.

Гарнизонный комитет был распущен. Вместо него при Красноярском совете была создана солдатская секция. Председателем ее солдаты избрали Сергея Лазо.

В это время Лазо еще более сблизился с большевиками Красноярска, их руководителями и особенно с Адольфом Перенсоном. Перенсон, или, как звали го товарищи, «Борода», был работником большевистской военной организации. Он проявил себя как убежденный ленинец еще во время революции 1905 года, много лет сидел в тюрьмах, был на каторге в горном Зерентуе. Адольф Перенсон был «артельным человеком» и настоящим коммунистом, обладавшим неизменно радостным

настроением, это настроение передавалось другим, сохраняя у них силу и бодрость уха. И еще, что было ценно у Адольфа, — его обширные знания по математике, естествознанию, биологии, которыми он всегда охотно делился с товарищами.

Нет никакого сомнения в том, что эти качества «Бороды» вызвали к нему особую симпатию Сергея Лазо, как известно, увлекавшегося математикой, биологией, естественными науками.

Много поучительного узнал молодой революционер от испытанного в боях за счастье народа старшего товарища.

Лазо постоянно обращался к своему другу со всеми сомнениями, вопросами, как лучше организовать работу в Совете депутатов, в массах. Он с большим интересом слушал рассказы Адольфа Перенсона о его подпольной работе в царской армии, о каторге, ссылке, о большевистской партии, о Ленине. Впоследствии Лазо не раз вспоминал встречи с «Бородой» и с другими товарищами, которые оказали большое влияние на формирование его политических взглядов и привели в ряды партии большевиков,

Когда в августе 1917 года генерал Корнилов выступил против революции и двинул свои полки на Петроград, чтобы «спасти родину», в Красноярске был организован объединенный губернский Исполнительный комитет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

В новый Исполком солдаты избрали и Лазо. Красноярская организация большевиков вела в эти тревожные дни активнейшую работу среди рабочих и солдат, посылая агитаторов, распространяя листовки. Лазо вместе с Перенсоном, Адой Лебедевой и другими выступал на собраниях, митингах, неутомимо призывал к дальнейшему развертыванию революции под лозунгами большевиков, разоблачая предательскую политику правых эсеров и меньшевиков.

И на II съезде Советов Восточной Сибири в начале октября и на I общесибирском съезде Советов, который открылся в Иркутске 16 октября 1917 года, Лазо стойко защищал большевистские позиции.

На I общесибирском съезде развернулась жестокая борьба между большевиками и их идейными противниками. Увидев, что большинство делегатов стоит на платформе советской власти, правые эсеры пытались во что бы то ни стало сорвать съезд. Когда в председатели съезда была выдвинута кандидатура большевика, они заявили, что для них эта кандидатура неприемлема. Спор был решен голосованием, и председателем был избран все же большевик. Тогда начались новые козни.

Лазо в юношеские годы.

Ада Лебедева.

На обсуждении стоял вопрос «о текущем моменте, о тактике Советов и обороне революции и страны».

Правые эсеры вновь запротестовали, заявив, что они считают необходимым отложить решение всех этих вопросов до учредительного собрания. И это предложение провалилось. Меньшевики, как всегда, Много говорили об «объединений революционной демократии». Большевики и поддерживавшие их сибирские «левые» эсеры настаивали на том, чтобы передать всю власть Советам.

На съезде с яркой речью выступил Сергей Лазо. Он обвинял правых эсеров и меньшевиков в неискренности и обмане общественного мнения, фактами доказывал, что их деятельность

враждебна интересам народа. Глубоко убежденный в том, что никакая власть, кроме власти рабочих и крестьян, не сумеет разрешить назревшие вопросы жизни России, Лазо страстно призывал к провозглашению советской власти, способной осуществить волю трудящихся и организовать массы на борьбу за новую жизнь.

Речь Лазо произвела большое впечатление на делегатов и, несомненно, отразилась на характере принятой съездом резолюции.

В резолюции говорилось:

«Всякое соглашательство с буржуазией должно быть решительно отвергнуто, а Всероссийскому съезду Советов взять власть в свои руки. В борьбе за переход власти Советы Сибири окажут Всероссийскому съезду действительную поддержку» [8].

Исполком Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов находился в руках коммунистов. В его состав входил лишь один правый эсер — Боголепов и один меньшевик — Сисин. Среди большевиков были крупнейшие работники: Я. Дубровинский, Г. Вейнбаум, И. Белопольский, В. Яковлев, А. Парадовский, А. Окулов и В. Окулов, Т. Марковский, Печорский. Из «левых» эсеров, проводивших в Красноярске работу в полном согласии и контакте с большевиками, членами Исполкома, были Ада Лебедева, Николай Мазурин и Сергей Лазо.

Но состав Исполкома не решал еще тогда судьбы революционной власти. Время было тревожное, тяжелое. На ответственных должностях в управлениях, банках и других государственных учреждениях Красноярска сидело много меньшевиков, правых эсеров и прочих контрреволюционеров. Ежедневно можно было ожидать вражеских выступлений. Жили настороженно, не замечали ни холода, ни голода, временами питаясь коркой черного хлеба и кружкой холодной воды. По трое, четверо суток люди не ходили домой, выполняя поручения Исполкома. Председатель солдатской секции Лазо, как и многие другие работники, ночевал в Исполкоме не раздеваясь, спал на столах, а рано утром вновь принимался за дела.

28 октября 1917 года (по старому стилю) в далеком сибирском городе узнали о Великой Октябрьской социалистической революции.

Члены Исполкома подавляющим большинством приняли решение признать Советы единственной властью. Агитаторы и пропагандисты были направлены в рабочие организации и воинские части для информации о событиях в Петрограде и подготовки их к захвату власти в Красноярске. Для руководства воинскими частями Исполком создал военный штаб во главе с

Лазо, Соловьевым и Поздняковым. Отрядам Красной гвардии Исполнительный комитет выдал семьсот винтовок и по тридцать патронов на винтовку. На телеграфе установили контроль.

До глубокой ночи заседал в тот день Исполком, обсуждая подробный план захвата власти. В два часа все разошлись. Остались лишь руководители военного штаба — Лазо, Соловьев и Поздняков, которым поручено было занять правительственные учреждения города.

«Занять учреждения… Брать власть… А как ее брать?»

Никакого опыта в таком деле ни у кого из них еще не было. Все трое думали об этом про себя, но никто не решался вслух поделиться с товарищами тревожными мыслями, опасаясь упрека в малодушии.

— Ладно, — сказал Соловьев. — Давайте немного отдохнем, а там видно будет.

— Пожалуй, — согласился Лазо.

Легли кто на чем: один на диване, другой на столе. Лазо составил несколько стульев и растянулся на них, подложив под голову шинель.

Погасили свет. Никому не спалось: не до сна было в такую ночь.

— Спишь, Сергей? — спросил Поздняков.

— Сплю. А ты?

— Я тоже.

— Ну-ну, спи.

— Вот что, товарищи, — сказал Лазо. — Давайте посоветуемся. Дело предстоит сложное и трудное. Одних красногвардейцев маловато. Без пехотной воинской части не обойтись.

— А куда сунуться? Не туда попадешь — арестуют, а то и просто пришлепнут, — заметил Соловьев.

Лазо часто бывал в частях. Солдаты хорошо знали этого высокого, стройного молодого офицера в кителе со споротыми царскими погонами. Он никогда не искал эффектных жестов и красивых слов. Когда он говорил, вспоминают его товарищи, то приподнимался почему-то на носки и смотрел впереди себя далеко-далеко, будто хотел поглубже заглянуть в будущее, к которому призывал и в которое верил.

— Соловьев прав, конечно, — сказал Лазо. — Но я думаю, что если мы обратимся к десятой роте пятнадцатого полка — не ошибемся. Есть и там ненадежный элемент, но, пожалуй, меньше, чем в других частях. Почти все фронтовики понимают, что надо кончать старую жизнь. Пошли, товарищи.

Все поднялись и тихо вышли из Исполкома. Десятая рота

размещалась на ближайшей улице.

Лазо знал членов ротного комитета, разбудил их и сказал:

— Пришли за помощью. Настало время взять власть в свои руки.

— Правильно, — поддержали комитетчики.

Пригласили фельдфебеля.

— Поднимай роту.

— Есть поднять роту!

В ночной тишине внезапно раздалась команда.

— Рота, в ружье!.. Стройсь!..

Не прошло и пяти минут, как во дворе казармы солдаты построились.

— Смир-р-но! — скомандовал фельдфебель.

К солдатам обратился Лазо.

— Товарищи! — волнуясь, начал он. — Вы уже знаете, что в Петрограде восстали рабочие и солдаты. Они свергли Временное правительство и установили советскую власть.

— Ура! — разнеслось по всему двору.

— Нам доверено, товарищи, — продолжал Лазо более твердо и уверенно, — ответственное дело. Исполнительный комитет Совета поручает нам занять правительственные учреждения в Красноярске и установить здесь рабоче-крестьянскую советскую власть.

— Выполним, товарищи, это высокое поручение! — закончил Лазо свою короткую речь.

Солдаты восторженно откликнулись на этот призыв. Воинская часть присоединилась к красногвардейцам, и они вместе под руководством Лазо, Позднякова и Соловьева дружно отправились выполнять революционное задание.

В ночь с 28 на 29 октября в Красноярске была установлена советская власть.

Однако воинские части были еще не полностью в преданных и верных советской власти руках. По указанию Исполкома, 31 октября за подписью председателя солдатской секции Лазо и секретаря Позднякова по красноярскому гарнизону был издан приказ, который должен был парализовать антисоветскую деятельность командного состава гарнизона.

В этом документе указывалось, что все приказы по гарнизону и по отдельным частям (полку, дружине и т. д.), не имеющие подписи председателя солдатской секции или комитета части, считаются незаконными.

«Не исполняйте их! — писали Лазо и Поздняков. — Не дайте увлечь себя ни на одно выступление помимо Исполнительного комитета. Сохраняйте и поддерживайте революционную

дисциплину. Только выдержка и единство действий обеспечат успех революции».

БОЕЦ И ДИПЛОМАТ

С первых же дней Октябрьского переворота волны революции разлились по всей необъятной территории России.

Офицеры, юнкера, купцы, фабриканты и помещики, в страхе бежавшие из Советской России в Сибирь и на Дальний Восток, начали сколачивать там контрреволюционные банды. С помощью своих вдохновителей — империалистов США, Японии, Англии и Франции — они надеялись свергнуть еще не окрепшую советскую власть и восстановить старые порядки.

Впрочем, империалистические державы начали вмешиваться в русские дела еще до октября 1917 года. После Февральской революции они всячески поддерживали Временное правительство, снабжали его деньгами, рассчитывая задушить революцию, закабалить Россию и беспрепятственно грабить ее естественные богатства. Не в меру ретивые заокеанские дельцы, не стесняясь, начали рассматривать Россию чуть ли не как свою «волость». Американским империалистам отнюдь не уступали и их японские коллеги. Оба партнера договаривались с Временным правительством о купле-продаже богатств Дальнего Востока оптом и в розницу.

Японские империалисты старались по возможности опередить своих единомышленников и друзей из Нового Света.

Посетивший в июне 1917 года редакцию читинской газеты «Забайкальская новь» представитель японской буржуазной газеты «Осака-Майничи-Симбун» заявил: «Япония чрезвычайно заинтересована теперь естественными богатствами вашего края. Нашу страну интересуют ваши горные богатства и сырье. Японские капиталисты готовы вложить свои капиталы для учреждения торгово-промышленных предприятий».

После Октябрьской революции империалисты объединили свои усилия, чтобы уничтожить Советскую республику. Они организовывали мятежи, снабжали своих агентов оружием, деньгами, боеприпасами, обмундированием, готовились к военной интервенции, стремились они задушить советскую власть и «костлявой рукой голода», организовав экономическую блокаду нашей страны. Американское правительство запретило отправлять продовольствие в Россию до тех пор, пока у власти большевики.

В конце 1917 года в различных городах и районах России под руководством эсеров начались выступления контрреволюционных сил, стремившихся ликвидировать только что образовавшуюся

молодую Советскую республику и захватить власть в свои руки. Такую попытку предприняли враги революции — белогвардейские офицеры, юнкера, буржуазия, бывшие крупные царские чиновники — и в Иркутске.

В ночь на 8 декабря несколько тысяч хорошо вооруженных офицеров и юнкеров подняли мятеж.

На помощь иркутским большевикам из Красноярска был послан Сергей Лазо с отрядом красногвардейцев.

Готовясь к боям, Лазо писал матери и младшему брату:

«Дорогие мои!

Милая мама и милый мой Степа. Пишу десятого декабря утром со станции Иркутск, куда я только что приехал. В городе один за другим, время от времени, громыхают артиллерийские выстрелы. Сейчас иду в девятый полк и, конечно, сразу попаду на работу, тем более, что меня здесь немного знают. Думал написать тебе отсюда открытку, но боюсь до поры до времени тебя беспокоить, пересылаю это письмо в надежные руки в Красноярск, откуда его тебе перешлют, если что случится…

С вещами я уже распорядился. Все личные бумаги, дневники и т. д. перешлют вам по почте. Я их всецело посвящаю Степе и все дневники, которые лежат в письменном столе в Кишиневе; чужие письма постарайся по возможности отослать адресатам или уничтожить. Передайте мой братский поцелуй Боре[9]. Думаю, Степа, ты так же будешь революционером, как и твой брат.

Крепко целую. Сергей Лазо.

10. XII 1917 г., г. Иркутск».

Штаб революционных войск поручил Лазо с группой в сто пятьдесят — двести красногвардейцев занять самый опасный боевой участок — мост через реку Ангару, связывавший Иркутск с линией железной дороги. Это было боевое крещение для командира и красногвардейцев-рабочих, никогда еще не участвовавших в боях.

Юнкера сильным пулеметным и ружейным огнем обстреливали мост с двух сторон, но сбить отряд Лазо не могли. Молодой командир показал себя умелым, стойким и в тяжелых боях избежал больших потерь.

Одна из активных участниц борьбы с контрреволюцией в Сибири, О. Иогансон, описывая декабрьский мятеж в Иркутске, рассказывает о том, как мужественно вел себя Сергей Лазо в этой сложной и трудной обстановке.

Он использовал каждую свободную минуту. В перерывах между боями Лазо обучал красногвардейцев, составлял схемы и планы предстоящих операций. Он находил время и поработать в штабе. На линии огня он покорял всех своим бесстрашием,

быстротой ориентировки. Лазо хорошо знал, что командиру части не полагается итти первым в бой. Это положение устава он, горячий поборник твердой воинской дисциплины, все же нарушал и в сражениях всегда был на передовой линии огня, что вызывалось требованиями времени, условиями жизни и борьбы… Бойцов всегда увлекает личный пример командира. Они невольно заражаются его настроением и сами проявляют на поле битвы высокое мужество и выдержку. Особенно велико было значение личного примера для молодых, неопытных, слабо подготовленных в военном отношении людей, из которых состоял отряд красноярцев.

Интересны воспоминания о Лазо и другой участницы боев с белогвардейцами в Иркутске, А. Теличкиной.

Белый дом, бывший дворец губернатора, где осталась в момент мятежа часть советских и партийных работников, был отрезан от основных наших сил: юнкера неоднократно пытались захватить его. С каждым днем все труднее становилось отбивать атаки белогвардейцев: не хватало боеприпасов, продовольствия.

«Я помню ночь, — пишет А. Теличкина, — когда Лазо должен был идти в наступление и освободить товарищей, отбивавшихся в Белом доме. В одной из комнат бывшего почтово-телеграфного управления среди груды наваленных на пол винтовок Лазо обсуждал с товарищами план действий. Лазо очень устал. На нем была старая солдатская шинель, длинная и сильно потрепанная; на ногах большие валенки с задранными кверху носками; голова глубоко ушла в солдатскую ушанку.

Товарищи, зная, какое трудное дело ему предстоит, начали уговаривать Лазо поесть немного и отдохнуть.

Он сначала как будто бы согласился, сказал: «Полежу немного». И вытянулся вдоль стены на скамейке. Мы вышли на разведку. Слышим — сзади шаги. Оглядываемся, а это, оказывается, Лазо идет за нами следом. Товарищи без стеснения принялись его ругать за то, что он не хочет отдохнуть перед серьезной операцией. Но он так и не вернулся, идет следом, словно нас не слышит, идет и улыбается…»

Бои в Иркутске требовали умения не только хорошо обороняться и отражать атаки противника, но и активно наступать. Лазо показал себя выдающимся боевым командиром. Он прекрасно ориентировался в запутанной, сложной и изменчивой обстановке уличного боя. В этом сказалась и его неплохая теоретическая осведомленность в военных вопросах. Еще до Октябрьского переворота, летом 1917 года, когда партия большевиков готовила народ к решительной схватке с Временным правительством, Лазо серьезно занялся изучением военной

литературы. Особенно увлекался он литературой по тактике уличных боев.

…Юнкера засели в церкви на Тихвинской площади, пытаясь отогнать красногвардейцев пулеметным огнем. Необходимо было выбить их из этой позиции и освободить церковь, с которой обстреливалась большая территория. Эту операцию поручили Лазо. С отрядом в сто пятьдесят человек он искусно повел наступление.

Вначале бойцы продвигались быстро, перебегая от дома к дому. Но вот они подошли к огромной площади. Трудно пересечь ее под пулеметным и ружейным обстрелом. Лазо приказал короткими перебежками преодолеть опасный участок. Плотно прижав винтовки, пригнувшись к земле, бойцы кубарем перекатывались по снегу. Это мешало врагу взять правильный прицел — пули пролетали мимо. Неожиданно Лазо ринулся вперед. Отряд — за ним. В двери и окна церкви полетели ручные гранаты и бомбы. Жаркий бой длился несколько часов. Пулемет на колокольне был захвачен.

Лазо разгадывал военные хитрости врага.

Один из штабов большевиков находился в прогимназии Гайдук на Троицкой улице. Юнкера, решив захватить этот район, пустились на хитрость. Навьючив на лошадь пулемет, закрытый брезентом, они медленно передвигались по улице, отвлекая наши силы ружейными выстрелами и пулеметными очередями. Лазо, крадучись, забрался на колокольню и, ловко развернувшись, бросил одну за другой три гранаты. Пулемет противника был уничтожен.

— Стой! — бросились к нему заметившие его белогвардейцы.

Отстреливаясь, Лазо возвратился в свой отряд.

Положение в Иркутске оставалось тяжелым. Силы мятежников превышали вооруженные силы Советов. Воспользовавшись этим, правые эсеры добились от Иркутского военно-революционного комитета заключения «Договора о мире», который Лазо в своем письме Красноярскому совету справедливо назвал позорным. По этому договору комиссары из всех учреждений отзывались. Войска как советские, так и белогвардейские распускались по домам. Школы прапорщиков подлежали расформированию, а красногвардейцы и революционные войска, прибывшие из разных мест Сибири в Иркутск, возвращались на свои места. Пленные юнкера освобождались, им присваивались офицерские звания, выдавалось оружие, деньги и разрешался выезд в любом направлении по их желанию. Самбе главное, чего добивались правые эсеры по этому договору, — это создание коалиционной

власти в Иркутске, куда должны были войти реакционнейшие, антисоветские организации, вроде комитета защиты родины и другие.

Но этому не суждено было осуществиться.

Во многих районах Сибири коммунисты организовывали и срочно отправляли вооруженные силы для ликвидации мятежа. Прибывшие в Иркутск красногвардейские отряды из Красноярска, Канска, с Енисея, Черемховских угольных копей и из других мест, ознакомившись с заключенным «Договором о мире», были крайне возмущены. Они заявили решительный протест против такого «мира», который фактически ликвидировал советскую власть. Штаб революционных войск предъявил мятежникам ультиматум о безоговорочном признании советской власти, о полном разоружении, сдаче советским органам всего оружия и демобилизации. Для ответа мятежникам было дано двадцать четыре часа.

Белогвардейцы, предвидя неизбежное поражение, вынуждены были согласиться с предъявленным им ультиматумом.

Так Красная гвардия сорвала позорный договор и восстановила советскую власть в Иркутске в декабре 1917 года.

Организаторы мятежа — полковники царской армии Скипетров, Иванов и Никитин укрылись у своих вдохновителей в одном из иностранных консульств Иркутска.

Центральный исполнительный комитет Сибири, штаб революционных войск и Иркутский комитет партии находились в предместье Иркутска — Глазкове. Подступы к нему охранялись красногвардейцами.

Вскоре после капитуляции мятежников к пропускному пункту Глазково с белыми флагами подошла группа иностранцев. Назвавшись консульским корпусом, иностранцы просили доложить «новой власти» просьбу принять их по важным делам.

Центральный исполнительный комитет Сибири поручил принимать консулов Сергею Лазо и Борису Шумяцкому. Лазо в совершенстве владел французским языком, а Шумяцкий являлся представителем центральной власти.

В большой, хорошо обставленной комнате за широким столом, покрытым красным сукном, в кресле с высокой резной спинкой сидел совсем еще молодой человек со слегка пробивавшимися черными усиками. Он был в военной гимнастерке, подпоясанной широким ремнем. Рядом с ним — коренастый, плотный мужчина несколько постарше.

Когда консулы вошли, Лазо встал, и в ответ на приветствия гостей, произнесенные на ломаном русском языке, поклонился и

сказал по-французски:

— Прошу вас принять наше глубокое уважение и прошу садиться, господа.

Иностранцы оживились. Им понравился этот молодой человек. Он так вежлив, так чудесно говорит по-французски, так приветливо их встречает…

— Вы учились в Париже? — улыбнувшись, спросил французский консул.

— О нет, — ответил Лазо, — образование я получил в своем отечестве. Чем обязан штаб революционных войск вашему посещению, господа?

— Я и мои коллеги вынуждены побеспокоить вас в связи с печальными событиями, — начал консул.

— Готовы выслушать вас, господа.

— Разрешите мне от имени представителей четырех государств — Соединенных Штатов Америки, Англии, Японии и Франции — коротко изложить цель нашего посещения, — продолжал французский консул. — Вы отлично говорите на моем родном языке, и я полагаю, что нам не так уж трудно будет договориться.

— К сожалению, знание языка еще ничего не определяет, месье, — ответил Лазо. — Как вам известно, со многими соотечественниками мы не можем договориться, хотя с малых лет говорим на одном и том же всем нам родном языке. Так слушаем вас, господа, — добавил он, нетерпеливо посмотрев на часы.

Кивком головы американский консул дал понять французскому коллеге, что пора приступить к делу. И тот начал:

— Мы хотели бы потребовать, ну не потребовать, просить от вас письменной гарантии о неприкосновенности жизни, имущества, торговли и всех других видов занятий иностранных подданных. Положение в городе… разбушевавшаяся стихия…

— Не стихия, а организованные действия революционных сил, подавивших мятеж, — поправил Шумяцкий.

— Формулировка не меняет сути, месье. Наши подданные не могут считать себя в безопасности при таких действиях.

— Вам не следует беспокоиться, господа, — ответил Лазо. — Безопасность иностранцев, как и всех граждан республики, обеспечивается советской властью. А что касается «торговли и всех других видов занятий», то мы не уполномочены обсуждать с вами этих вопросов. Если угодно, можем рекомендовать вам обратиться к центральной советской власти, в Москву, в Совет Народных Комиссаров. Какие еще имеются вопросы к нашему штабу?

— Позвольте мне, — наклонив слегка голову набок, сказал

японский консул, и все лицо его как бы растворилось в широкой улыбке.

— Пожалуйста.

— Мы все очень озабочены судьбой наших старых друзей, ваших соотечественников, многоуважаемые господа.

— Очень признательны вам за беспокойство о наших соотечественниках, — с едва уловимой иронией ответил Лазо.

— Наша дружба с Россией уходит вглубь истории, — продолжал японский дипломат. — Нам тяжело наблюдать…

— Что именно? — перебил Лазо.

— Русское офицерство очень тяжело переживает события последних дней! — патетически воскликнул представитель Японии.

— Не находите ли вы неуместным вмешиваться во внутренние дела России, господа? — спросил Лазо.

— О, глубокоуважаемый господин. — Собеседник все больше и все назойливее улыбался, пытаясь своей улыбкой расположить к себе. — Гуманность интернациональна. Она не знает границ. Поверьте, лишь чувства человечности вынуждают нас обратить ваше внимание на братоубийственную войну. Все, что происходит на улицах города, вне норм современной цивилизации.

— Не можем с вами не согласиться, что гуманность— чувство общечеловеческое, — сказал Лазо. — Но думаю, что если бы некоторые поборники мировой цивилизации не способствовали нарушению порядка в Иркутске, удалось бы избежать братоубийственной войны.

Наступила неловкая пауза.

— Я хочу разрешить себе внести деловое предложение, — высокомерно подняв голову, начал представитель самой могучей в то время колониальной державы— царицы морей, остановив жестом японца, который хотел что-то сказать.

— Просим, — ответил Лазо.

— Справедливость требует, чтобы вы согласились хотя бы оставить оружие юнкерам и офицерам. В целях самообороны, конечно, — добавил английский консул. — Весь культурный мир будет возмущен, узнав, что цвет нации в России оставлен безоружным перед лицом темных сил.

— Думаю, господа, — сказал Лазо, — что заботу о цвете русской нации справедливее всего поручить русскому народу. Он более других заинтересован в благополучии цвета своей нации. Не так ли, товарищ Шумяцкий?

— Конечно, так и только так, — ответил Шумяцкий.

Американский консул все время молчал. Он, видимо, выполнял роль тяжелой артиллерии и должен был выступить на

арену борьбы в самую критическую минуту. Довольно ясные и недвусмысленные ответы Лазо и Шумяцкого, их твердая позиция вынудили представителя США бросить в игру последний козырь, который, как ему казалось, должен сразить «красных» наповал.

— Нам было бы очень неприятно сообщить своим правительствам о непримиримости революционных лидеров в Сибири, — довольно твердо, с оттенком угрозы в голосе, сказал опытный пожилой заокеанский дипломат и настороженно посмотрел на сидевших перед ним представителей советской власти.

Лазо и Шумяцкому хотелось сейчас же избавиться от назойливых посетителей, вымогавших у революционного штаба право помогать контрреволюции. Но пришлось подавить в себе это желание, несовместимое с дипломатическим этикетом.

— К сожалению, господа, мы не имеем права вмешиваться в сферу ваших взаимоотношений со своими правительствами, — спокойно и учтиво сказал Лазо. — У вас все?

— К великому огорчению, с вами трудно вести деловой разговор, господа, — развел руками американский представитель.

— Тогда у нас имеется к вам один вопрос, — сказал Лазо. — По нашим сведениям, полковники Скипетров, Иванов и Никитин, поднявшие в городе мятеж, скрываются в одном из иностранных представительств. От имени штаба мы требуем передачи этих преступников в руки революционной власти.

Это было настолько неожиданно, что консулы растерялись.

— Нам неизвестна судьба господ офицеров, которых вы имеете в виду, — решительно сказал после небольшой паузы американец. — Мы не вмешиваемся во внутренние дела России. Примите наше уважение…

Руководителей мятежа консулы, как и следовало ожидать, не выдали. С помощью иностранных представителей царские полковники бежали. Белогвардейцы, понеся большие потери, сложили оружие. Юнкера и офицеры спешили скорее уехать из Иркутска в Маньчжурию и на Амур, в Забайкалье и Приморье.

Часть из них потом раскаялась в своих преступлениях, верой и правдой служила интересам народа. Иные бежали за границу. Другие принесли людям еще много горя и несчастий, вступив в отряды бандитов-атаманов, которые долгие месяцы занимались разбоем в дальневосточных и сибирских городах и селах.

Через несколько дней после подавления мятежа Лазо послал Красноярскому исполкому большое письмо, в котором подробно информировал своих товарищей и руководителей о положении в Иркутске и поделился возникшими у него мыслями и

соображениями в связи с иркутскими событиями.

В каждой строке этого письма чувствуется большая озабоченность Лазо судьбой революционного дела, которому он отдавал все свои силы и способности, всю свою жизнь.

Тяжелая обстановка создалась в Иркутске. Военная жизнь гарнизона была дезорганизована. Революционный комитет назначил Лазо комендантом города. Лазо просит Красноярский совет разрешить ему временно остаться в Иркутске. «Как только наладится военная жизнь города, — пишет он, — постараюсь сложить с себя полномочия коменданта».

Иркутский опыт вызывает у него много предложений, которые он рекомендует провести и в красноярском гарнизоне. Его волнует вопрос о том, как поступить с офицерами; он подробно пишет, что, по его мнению, надо сделать, чтобы без излишних осложнений уволить настроенных против революции царских офицеров, отобрать у них оружие.

Из письма видно, как Лазо умел, не увлекаясь победами, трезво анализировать создавшееся положение и из урока иркутского мятежа делать обобщающие выводы и для других сибирских городов.

Он приходит к совершенно правильному заключению, что выбирать командный состав не следует, так как, «по существу, выбирать не из кого, и мы будем облекать доверием лиц, которые этого, быть может, вовсе не заслуживают…»

Лазо предвидел контрреволюционную роль вооруженного старого сибирского казачества, находившегося в сравнении с крестьянами в привилегированном положении. Эти казаки шли за кулачьем, и он требовал их разоружения. К сожалению, это не было сделано, и казаки вскоре выступили с оружием в руках против Советов Сибири и стали основным костяком контрреволюции.

Не вступив еще официально в Коммунистическую партию, Лазо жил и действовал как большевик. Он энергично наводил революционные порядки в воинских частях, следил за печатью, настойчиво и упорно изучал произведения Маркса, Энгельса, Ленина.

Однажды на митинге, когда он разоблачал правых эсеров, те бросили ему реплику:

— Большевистский агент!

Лазо гордо поднял голову и ответил:

— Я еще не большевик, но горжусь тем, что меня считают большевиком.

А В ЭТО ВРЕМЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ…

Ликвидация иркутского мятежа была лишь как бы прелюдией к той поистине титанической борьбе в Сибири и на Дальнем Востоке, которую пришлось вынести на своих неокрепших плечах молодой советской власти против многочисленных врагов — внутренних и внешних.

Тревожная обстановка складывалась в Забайкалье и Прибайкалье. В отличие от Амурской и Приморской областей в Забайкальской области не было еще крепкой самостоятельной организации коммунистов.

На станции Чита 2-я, в железнодорожном районе, почти на всей Забайкальской железной дороге, на арбагарских угольных шахтах организации большевиков не порвали с оппортунистами, и это повлекло за собой много осложнений.

После Февральской революции в Забайкалье и Прибайкалье не был даже выдвинут большевистский список в учредительное собрание. Забайкальские казаки находились еще на фронте. Солдаты, как известно, «наиболее революционные элементы деревни», также были на фронте. Многие рабочие под влиянием правых эсеров, меньшевиков, анархистов и оппортунистов, сдерживавших революционное движение, сочувственно относились к Временному правительству. И когда в октябре 1917 года в Чите состоялась областная конференция РСДРП, она приняла решение стремиться к дальнейшему объединению с организациями, проповедовавшими враждебные тактике большевиков взгляды.

Февральская революция не внесла почти никаких изменений в жизнь рабочих и крестьян края. Коренные жители — буряты — попрежнему терпели притеснения. В знак протеста они организовали съезды, совещания, на которых решили добиваться национальной автономии, но к их голосу никто не прислушивался. Пользуясь тем, что большинство в читинской организации РСДРП было против большевиков, контрреволюционеры и белогвардейцы распространяли в газетах и в общественных организациях всяческую клевету на большевиков и их руководителей.

Однако лозунги большевистской партии о социалистической пролетарской революции проникали в самые широкие слои населения, в самую толщу народных масс. После Великого Октября печатники Забайкалья высказались за передачу власти Советам. Они отказались набирать в газетах статьи,

направленные против советской власти, в защиту свергнутого Временного правительства. Читинская районная конференция железнодорожников приняла решение бороться против всяких попыток восстановить Временное правительство Керенского.

Революционные массы в Забайкалье большевизировались. Они организовывали Красную гвардию, выносили резолюции о поддержке советской власти, а меньшевики и правые эсеры сколачивали «единый фронт» с комитетом общественной безопасности, городскими думами и другими антипролетарскими организациями. Вскоре они создали в Чите областной орган власти, так называемый «Народный совет», состав которого (большинство из кулаков и зажиточных элементов) не оставлял сомнений в том, что он будет антисоветским. «Народный совет» пытался вбить клин между Иркутской, Приморской и Амурской областями, отрезать Дальний Восток от Советской России, чтобы помешать организации там советской власти.

Работа большевиков, особенно среди крестьян, казаков и бурятского населения, была поставлена очень слабо. Пользуясь этим, казачьи офицеры, атаманы натравливали казаков против крестьян и бурят, якобы стремившихся отнять у них землю. Это была провокация.

Все аграрные вопросы полностью разрешались декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР. Но этот декрет, как и все другие постановления Советского правительства, «Народный совет» или вовсе игнорировал, или всячески извращал и порочил в глазах трудящихся.

Когда советские организации Сибири бросили все силы на подавление иркутского мятежа, руководство «Народного совета» вместо помощи и поддержки послало делегацию с наказом «удержать Иркутский совет от захвата власти и губительной братоубийственной войны».

В опубликованном в газете «Забайкальский рабочий» 11 января 1918 года обращении-декларации ко всему населению Забайкалья «Народный совет» клеветал на Совет Народных Комиссаров и на Октябрьскую революцию, обманывал забайкальцев, обещая «приложить все усилия, чтобы избежать в области губительной, грозящей кровавыми и разрушительными последствиями гражданской войны, пагубные примеры которой… дал несчастный Иркутск». «Народный совет» обвинял руководство Центрального исполнительного комитета Советов Сибири (Центросибирь) и партию большевиков в развязывании гражданской войны и героическую борьбу в Иркутске расценивал как «пагубные примеры». Смысл декларации заключался в отказе от борьбы с контрреволюцией.

«Народный совет» сообщил, что решено «организовать» в Чите временную областную власть для проведения твердой и сильной рукой ряда решительных мер, диктуемых создавшейся обстановкой и направленных к тому, чтобы поддержать в области спокойствие и продержаться, несмотря на все затруднения, впредь до установления во всей Российской республике власти, признанной всем народом или огромным его большинством.

Не признавая власти Советов, «Народный совет» объявил, что к нему «перешли в пределах области временно все права и обязанности, принадлежавшие Временному правительству Российской республики».

Под крылышком «Народного совета» контрреволюция с каждым днем усиливала свою враждебную деятельность.

На территории Маньчжурии с помощью японской военщины и империалистов других стран формировались белогвардейские банды, во главе которых стал сын крупного скотовода-казака есаул Семенов [10].

В Забайкалье Семенов прибыл из Петрограда в конце лета 1917 года для формирования и отправки на фронт бурят-монгольских отрядов. Никаких отрядов ему организовать не удалось. Люди не хотели войны — не действовали ни угрозы, ни обещания. После Великой Октябрьской социалистической революции Семенов продался японской разведке.

Семенов избрал своей резиденцией иностранную территорию в пограничном поселке Маньчжурия и отсюда руководил своей агентурой. Вербовщики атамана рыскали по всему Забайкалью, устанавливали связи с кулаками, купцами, офицерами, и в короткий срок Семенов собрал внушительную силу из офицеров, юнкеров, буржуазных сынков, кулаков — бурят, монголов и китайцев-хунхузов, бежавших из России.

Поселок Маньчжурия был удобным стратегическим пунктом для нападения на Забайкалье. Взятие Читы отрезало бы весь Дальневосточный край от Советской республики. Восточно-Китайская магистраль давала возможность Семенову сноситься с иностранными империалистами и получать от них помощь деньгами и вооружением. К тому же через станцию Маньчжурия, расположенную на советской территории, из Владивостока в Советскую Россию проходило большое количество продовольственных и промышленных товаров. Антисоветская администрация Китайско-Восточной железной дороги задерживала эти грузы, чтобы дать возможность грабить их семеновцам.

Японские генералы объявили Семенова стороннием учредительного собрания, защитником «права, порядка и

цивилизации», и 1 января 1918 года (19 декабря 1917 года) эти защитники «права, порядка и цивилизации» отправились в поход.

Выступление семеновцев началось с того, что они избили на станции Маньчжурия местную военную дружину, разоружили ее, арестовали членов Совета рабочих депутатов и расстреляли их. 3 января в Читу прибыл поезд. В его составе был запломбированный вагон. При вскрытии вагона в нем обнаружили трупы замученных и убитых рабочих депутатов Маньчжурского совета. Убийствами и жестокостью Семенов хотел запугать население Забайкалья. Но его чудовищные преступления вызывали у рабочих Читы, у населения всего Дальнего Востока глубокую ненависть. Красная гвардия готовилась к боевым схваткам с атаманом и его бандой.

«Народный совет» и не собирался активно выступать против Семенова. Более того, 4 января 1918 года он вместе с бесчинствовавшими в Чите офицерами 1-го Читинского казачьего полка пытался разоружить Красную гвардию. Лишь решительный отпор рабочих, особенно железнодорожников, помешал осуществлению этого замысла. Тогда белогвардейцы начали производить обыски в квартирах рабочих. Они отбирали оружие, разыскивали большевиков, чтобы расправиться с ними. Это вызвало бурные протесты, забастовки. Рабочие требовали обуздать распоясавшихся белогвардейцев. Однако «Народный совет» не только не принял никаких мер, но через несколько дней при содействии тех же белогвардейцев разоружил Красную гвардию.

Империалисты не жалели средств для своего ставленника. Япония щедро субсидировала Семенова в надежде, что расходы оправдаются захватом Дальнего Востока со всеми его несметными богатствами. Через одного только капитана Куроки атаману было передано около трех миллионов рублей золотом.

Не скупились на помощь бандитам и империалисты других стран. До сентября 1918 года Семенов получил от французской буржуазии свыше четырех миллионов рублей. Посылали деньги английские империалисты. Американский президент Вильсон дал распоряжение государственному секретарю Лансингу оказывать атаману всяческую помощь. К тому же Семеновцы захватили огромное количество грузов на станции Маньчжурия, стоимость которых по интендантской оценке составляла почти девятнадцать миллионов рублей золотом.

Японские генералы снабжали Семенова продовольствием, оружием, а затем посылали ему на помощь солдат и офицеров.

По предложению японцев Семенов организовал у себя так называемый «железнодорожный отдел». Начальником этого

учреждения был назначен известный черносотенец и японский шпион инженер Бургер, изгнанный ранее рабочими с Забайкальской железной дороги. Считая себя хозяином на участке Китайско-Восточной железной дороги и в Маньчжурии, Бургер послал телеграмму управлению Забайкальской дороги в Иркутск:

«Извещаю, что до восстановления порядка на вверенной мне дороге и до строгой фильтрации служащих ни одного паровоза декапота на станции Маньчжурия не будет»[11].

«Фильтрация», которую намеревался провести Бургер, заставила особенно насторожиться рабочих. Они вспомнили «фильтрацию» 1906 года, проведенную царскими карателями — генералами Меллер-Закомельским и Ренненкампфом на станции Слюдянка (ныне станция Бабушкино), где вместе с другими товарищами без суда и следствия был расстрелян соратник В. И. Ленина И. В. Бабушкин. В памяти рабочих живы были зверства карателей, убивших на станциях Верхнеудинск, Маньчжурия и в Чите многих борцов за дело революции. Немало верных товарищей было арестовано царскими сатрапами, а затем замучено на каторжных работах, в арестантских ротах, в далекой ссылке…

Железнодорожники стали вооружаться, чтобы защитить свои права и свою жизнь. Но сил у них было еще мало, вооружения еще меньше, и они не могли противостоять хорошо технически оснащенным белогвардейским бандам.

«Народный совет» начал вести переговоры с Семеновым, сводившиеся главным образом к тому, чтобы… не допускать в Забайкалье организации советской власти. А пока шли эти «переговоры», Семеновцы перешли в районе Маньчжурии нашу границу, заняли станции Борзя и Оловянную и начали дикую расправу над трудящимися: вешали, расстреливали, пороли всех, кого считали революционерами, жгли дома, насиловали женщин.

Предательство «Народного совета» вызывало глубокое возмущение пролетариата Забайкалья. На помощь рабочим вскоре подошли с фронта империалистической войны революционные казачьи части, направлявшиеся домой. Дни «Народного совета» были сочтены. 16 февраля 1918 года революционные части 2-го Читинского казачьего полка и вновь организовавшиеся к тому времени отряды Красной гвардии свергли власть «Народного совета». Представители буржуазии в «Народном совете» были арестованы, белогвардейские части обезоружены, офицеры взяты под стражу. Власть перешла к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Разгром «Народного совета» и установление советской власти в Чите изменяли, конечно, положение в пользу революции. Но все

же разгул семеновцев продолжался. Они безнаказанно продвигались от маньчжурской границы вперед.

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

Появление в Забайкалье вооруженных отрядов атамана Семенова вызвало в Центральном исполнительном комитете Советов Сибири (Центросибири) серьезное беспокойство. Надо было во что бы то ни стало ликвидировать белогвардейскую банду. И как можно скорее. Но кому доверить руководство этой сложной боевой операцией?

— Предлагаю назначить командующим Забайкальским фронтом члена нашего президиума товарища Лазо, — заявил председатель Центросибири на внеочередном заседании. — Есть ли другие кандидатуры?

Других кандидатов не было.

И в тот же день Сергей Лазо выехал из Иркутска в Читу с ответственным поручением — остановить, разгромить семеновцев, которые слезами, кровью невинных л*рдей, пылающими в огне селами отмечали свое, наступление вглубь Забайкалья.

Николай Михайлович Матвеев, один из организаторов борьбы за советскую власть в Забайкалье, рассказывает о появлении Лазо в Чите так:

«За несколько дней до отправки отрядов Красной гвардии на фронт (в конце февраля) в кабинет председателя исполкома Забайкалья вошел высокий, еще совсем молодой человек, в длинной потертой и как бы задымленной шинели. На нем не было никакого оружия, на перекинутом через плечо ремешке висел один только бинокль. Вытянувшись по-военному перед председателем, он скромно, с оттенком смущения произнес:

— Я командирован на фронт. Моя фамилия — Лазо.

Не торопясь, он вынул из кармана мандат и передал его председателю. В кабинете в это время находилось несколько членов комитета.

Председатель сказал:

— Знакомьтесь, товарищи, с нашим главкомом!

Пожали друг другу руки. Кто-то предложил кресло.

Лазо сразу же, по-деловому, сообщил нам о положении в Сибири и о том, что думает предпринять Центросибирь в отношении фронта. Мы, в свою очередь, рассказали ему о Забайкалье, о силах и замыслах контрреволюции. По его вопросам и репликам видно было, что он хорошо осведомлен о наших забайкальских делах. В конце беседы Лазо сказал, что перед выездом на фронт он считает необходимым ближе

познакомиться с рабочими Читы…»

Лазо побывал у железнодорожников, встретился с членами Совета, выступил на многолюдном митинге в Читинских железнодорожных мастерских.

Молодой командующий не скрывал трудностей предстоящей борьбы за победу революции. Он старался просто и понятно разъяснить слушателям всю сложность обстановки того времени. Он рассказывал об экономической блокаде нашей страны, об угрозе открытой вооруженной интервенции.

— Капиталистические державы стремятся по кускам разорвать тело молодой Советской России, отрезать от нее Украину, Кавказ, Заполярье, Сибирь, Дальний Восток, — говорил Лазо. — Вот, товарищи, обстановка, в которой мы живем и боремся. Нам нельзя рассчитывать на то, что империалисты оставят нас в покое. Семенов — это пробный камень, разведка капиталистического мира, испытание силы и воли революционной России. От того, как скоро нам удастся разгромить агента мировой реакции и его сподвижников, во многом зависит самое существование новой власти.

— Вишь ты, какие дела, — покачал головой машинист в замасленной брезентовой куртке. — Стало быть, характер наш проверяют. Так покажем же, товарищи, международному капиталу, что есть для нашего народа советская власть! — воскликнул он под общий гул одобрений всего зала.

И когда Лазо начал собирать вооруженные силы для отпора семеновским бандам, читинские железнодорожники, печатники начали вступать в ряды Красной гвардии, чтобы вместе с регулярными частями отправиться на фронт.

В начале марта 1918 года Семеновцы заняли станции Маньчжурия, Мациевская, Шарасун и продвигались дальше с намерением захватить всю линию Забайкальской железной дороги.

Скромными боевыми силами располагал тогда Лазо: двести необстрелянных еще красногвардейцев, вооруженных винтовками, пришедшие с фронта империалистической войны казаки 1-го Аргунского полка, две батареи, читинская и иркутская, — вот, пожалуй, и все. Но ждать подкреплений не было времени, обстоятельства требовали немедленных действий, и в ночь на 7 марта советские части выступили против белогвардейцев.

Перед Аргунским полком Лазо поставил задачу отрезать врагу путь к отступлению. Читинская и иркутская батареи заняли позиции под Шарасуном. Красногвардейцы подготовились к

решительной схватке на центральном направлении. Голая степь — ни леса, ни кустарника; невыгодной была позиция красногвардейцев: она простреливалась врагами. Но Лазо был уверен в успехе и сам повел пехоту в бой.

Наступление было столь стремительным, что Семеновцы растерялись и начали в беспорядке отступать. Революционные части преследовали их. Метко посылали снаряд за снарядом артиллеристы. Аргунцы на своих лошадях с криками «ура» настигали бандитов, не давая им опомниться. В этой операции, проведенной молодым командующим с большим искусством,

Семеновцы были разбиты и понесли большие потери. Остатки их отрядов вместе со своим атаманом бежали в Маньчжурию.

Поражение Семенова, не оправдавшего возложенных на него надежд, вызвало большое недовольство империалистов. Но все же они не отказались от его дальнейших услуг и всячески помогали ему организовывать новые отряды для нападения на Забайкалье. Снова дали деньги, вооружение. Японцы направили Семенову солдат и офицеров, послали тяжелую артиллерию, мощный бронепоезд. В течение месяца атаман собрал громадную по тем временам армию — почти десять тысяч человек. Среди них было много бывших царских генералов, офицеров, крупных чиновников, кулаков — казаков и бурят, тысяча двести хунхузов, восемьсот монголов-харачен, немало дезертиров из маньчжурских частей. Чтобы поднять боевой дух своих сподвижников, Семенов предоставил право бандитам «брать трофеи», или, проще говоря, безнаказанно грабить.

Создавалось очень тяжелое положение.

Основные части Забайкальского фронта — аргунские казаки — четыре года не были дома. После разгрома семеновцев они просили разрешить им повидаться с родными, обещая по первому вызову вернуться на фронт. Областной Исполнительный комитет Совета дал такое разрешение, и командующий остался почти без армии.

Чтобы предотвратить грозящую Забайкалью опасность, Лазо обратился по всей линии Забайкальской, Амурской и Уссурийской железных дорог с пламенным призывом: «Всем, всем, всем!» — собрать все силы для решительного отпора новым семеновским бандам. Он предупреждал, что предстоит упорная борьба с хорошо вооруженным врагом.

«Заканчивайте организацию и выезжайте все, кто хочет защищать революцию. Время не ждет».

«Время не ждет!»

Так взывал Лазо.

Он верил, что рабочие, крестьяне горячо откликнутся на его

призыв. Он знал, что советские организации, большевики сделают все, чтобы укрепить фронт.

Но времени было очень мало. До 5 апреля Чжан Цзо-лин [12] обязался не пропускать, белогвардейцев к нашим границам. Но это число приближалось, и не было сомнений в том, что чжанцзолиновцы, купленные японской контрразведкой и тесно связанные с японской военщиной, если даже и сдержат свое слово, то после 5 апреля наверняка разрешат семеновским бандам перейти границу.

Положение командующего осложнялось. Подкрепления подходили небольшими отрядами. Формирование революционных частей в Сибири и Забайкалье шло медленно. Для задержки семеновцев, которые могли выступить в любой день и час, силы Лазо были явно недостаточны.

И вот наступило 5 апреля. Во Владивостоке высадились японские интервенционные войска. И в тот же день из Маньчжурии хлынули на советское Забайкалье белогвардейские банды Семенова.

Действия контрреволюции, стремившейся удушить советскую власть в России, несомненно были согласованы и проводились по единому плану.

7 апреля 1918 года В. И. Ленин телеграфировал Владивостокскому совету:

«Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей.

Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут вероятно все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и жел. — дор. материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями. Готовьте подрыв и взрыв рельсов, увод вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье. Извещайте нас два раза в неделю точно, сколько именно- локомотивов и вагонов вывезено, сколько осталось. Без этого мы не верим и не будем верить ничему… помощь нашу мы обусловим вашими практическими успехами в деле вывоза из Владивостока вагонов и паровозов, в деле подготовки взрыва мостов и прочее.

Ленин»[13].

Таким образом, всем советским и партийным организациям Дальнего Востока и Сибири были даны исчерпывающие указания о тактике и действиях в создавшихся условиях.

Банды Семенова угрожали расправой всему населению Забайкалья и, едва переступив границу, начали свои бесчинства. В телеграмме Центральному комитету Забайкальской железной дороги рабочие станции Маньчжурия рассказывали, каким издевательствам подвергали белогвардейцы ни в чем не повинных людей. «…Все мы чуть с ума не посходили, и мы не знаем, что нам делать». Малейшая задержка с ремонтом локомотива — Семеновцы угрожают расстрелом. Паровозники решили собраться, поговорить — врывается вооруженная банда казаков с криком: «Смирно, руки вверх!» — избивают председателя паровозного комитета, арестовывают машинистов. Семеновцы рыскают по ночам с обысками, ищут оружие, «всех нас: служащих, мастеровых и рабочих — считают большевиками и обещают разделаться с нами».

Небольшие отряды Красной гвардии и подразделения Красной Армии под командованием Лазо пытались сдержать натиск врага, упорно сопротивлялись. Однако во много раз превосходящим силам белогвардейцев удалось оттеснить советские части. Тяжело оставлять станцию за станцией, зная, сколько горя несут людям Семеновцы и японцы. Но иного выхода нет — надо сберечь бойцов от бессмысленной гибели.

Отход из Даурии был особенно трудным и сложным. Лишь благодаря военным способностям Лазо, его искусству маневрирования удалось избежать сколько-нибудь серьезных потерь. Отступая, революционные части не раз прорывали кольцо войск белых, наносили им чувствительные удары, но это не могло облегчить положения.

На железнодорожных станциях Дальнего Востока, в клубах, театрах и других общественных местах было расклеено воззвание партии большевиков и профессиональных союзов с призывом:

«Все под ружье!

…Авангарду российского пролетариата, революционным железнодорожникам, выпало на долю первым выдержать натиск контрреволюционной семеновской банды.

Все железнодорожники должны стать под ружье!

На Востоке заканчивается один из эпизодов классовой борьбы. По одну сторону баррикад рабочие, крестьяне, солдаты и казаки, а по другую — дармоеды, — офицеры и барчуки, — которые при помощи русских и иностранных капиталистов хотят залить кровью трудящихся рабоче-крестьянскую власть. Еще один дружный, решительный натиск, и последний оплот царизма, контрреволюции и капитала, создавшийся на Востоке, будет разбит.

Все под ружье!

Немедленно записывайтесь в Красную Армию; вооружайтесь, защищайте себя, свои семьи, свои интересы. Имена павших будут бессмертны. Необходимые потери спасут от рабства трудящийся класс. Если нужно, отдадим свои жизни ради счастья и свободы наших братьев и сестер. В твердости духа и революционном сознании залог нашей победы.

Все под ружье!»

Этот призыв встретил горячий отклик у рабочих Забайкальской, Амурской и Уссурийской железных дорог.

Читинские железнодорожники объявили мобилизованными всех мужчин от восемнадцати до пятидесяти лет и обязали способных носить оружие ежедневно проходить военное обучение. Такие же решения приняли на своих собраниях яблоновцы, байкальцы и другие железнодорожники, а также горняки и рабочие промышленных центров.

Но пока собирались силы для отпора врагу, банды атамана продолжали свое черное дело. Неслыханные зверства творили они в «непокорных» станицах и волостях Южного Забайкалья. Карательные экспедиции наводили ужас на трудящихся. Они жгли дома, грабили, убивали. Пленных били шомполами, вешали, закапывали живыми в землю. Местные кулаки сводили счеты с крестьянами, казаками, рабочими, передавая семеновцам списки «неблагонадежных», и бандиты после жестоких пыток расстреливали их.

Огромная опасность нависла над Забайкальем. Было объявлено осадное положение. Власть временно перешла в руки Военно-революционного штаба в составе председателя Совнаркома Забайкальской области Н. М. Матвеева, коммуниста, руководившего свержением власти контрреволюционного «Народного совета» в Нерчинске и Сретенске, бывшего офицера царской армии Д. С. Шилова и члена Забайкальского исполнительного комитета Советов, бывшего учителя, высланного за партийную работу из Петербурга в Сибирь, И. А. Бутина.

«К оружию! За советскую власть!» Этот клич быстро распространился по всей Сибири и Дальнему Востоку. В станицах и волостях начались митинги, собрания, сходы. Трудовое население, несмотря на бешеную агитацию кулаков, купцов и агентов Семенова — меньшевиков и правых эсеров, стало объединяться в красногвардейские отряды, красные сотни и полки. Зачастую люди уходили в отряды прямо с митинга, с казачьего или крестьянского схода, с полевых работ.

Взялись за оружие железнодорожники, шахтеры. Освобожденные из лагерей бывшие военнопленные венгры,

немцы, чехи и другие интернационалисты также начали создавать красногвардейские отряды для защиты советской власти.

Центральный исполнительный комитет Сибири перебрасывал в Забайкалье из Омска, Красноярска, Иркутска, Читы, Верхнеудинска и других городов новые отряды Красной гвардии. Дальневосточный крайком партии и краевой Совет послали в помощь Забайкальскому фронту части Красной Армии и Красной гвардии из Владивостока, Никольск-Уссурийского, Хабаровска, Благовещенска.

Почти во всех станицах Восточного Забайкалья создавались отряды конницы. Для борьбы с Семеновым оттачивали клинки испытанные в боях кавалеристы— участники русско-японской войны и войны 1914 года.

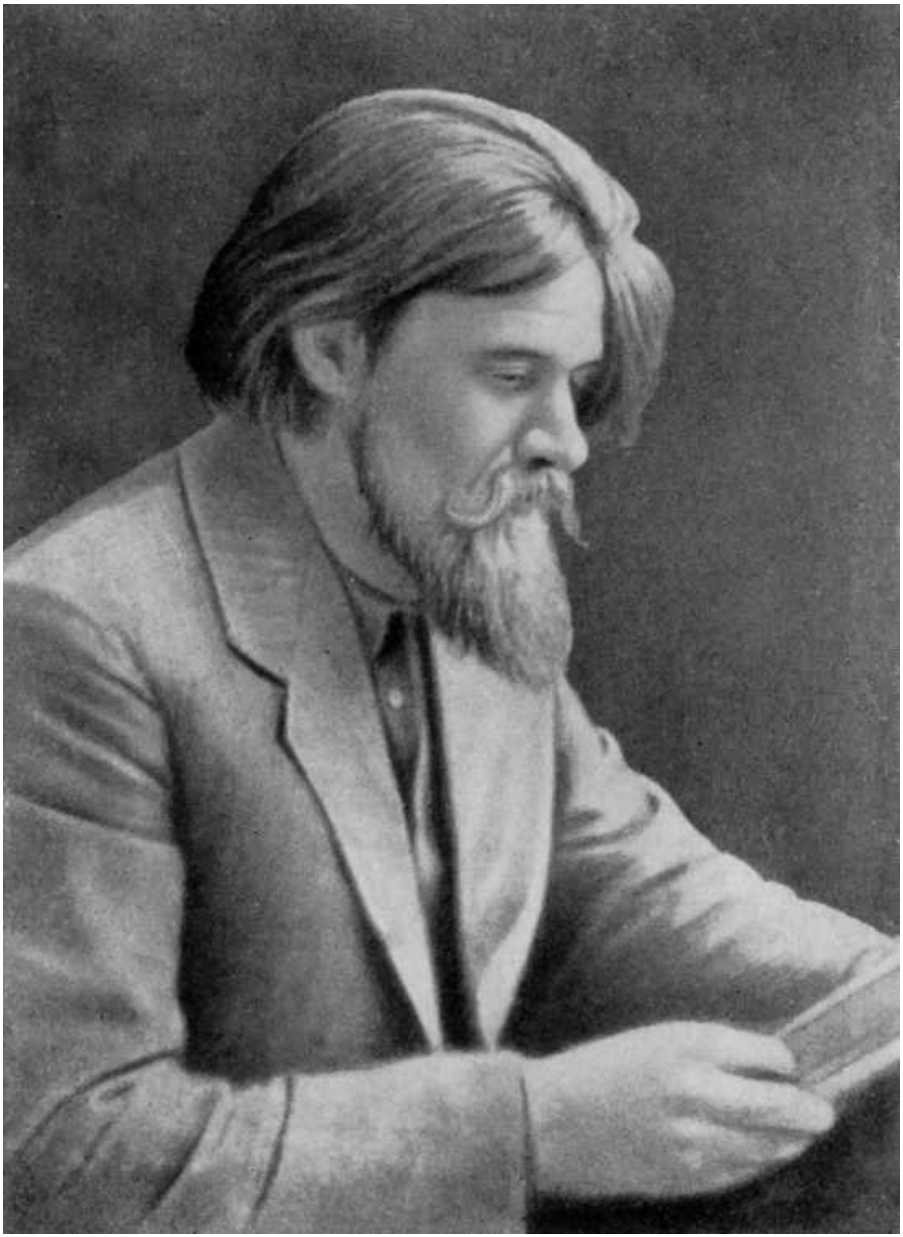
В середине апреля партизанские отряды сформировались в селениях Копунь, Зоргол, на Газимурском заводе и в Ново-Цурухайтуе. Из этих отрядов позднее была создана бригада под названием «Копзоргаз», объединившая тысячу четыреста бойцов.

Все Забайкалье поднялось на защиту Советов от контрреволюции.

Молодежь поселков Верхне- и Нижне-Горюнино, Курунзулая, Ложниково, Онон-Борзя, Маркеты, Кудрино и Олдонды организовала партизанский полк, и около семисот человек двинулось на помощь командованию Забайкальским фронтом. Бывший офицер царской армии Павел Николаевич Журавлев, один из первых партизанских вожаков в Забайкалье, сформировал на Александровском заводе отряд в четыре сотни бойцов. На фронт двигались вооруженные части из Акши, Нерчинска, Сретенска, Уды, Ломов, Ботов. Население восторженно встречало защитников революции, снабжало их всем необходимым, желая успеха и побед.

Тысячи людей вливались в создаваемую большевиками революционную армию, которая под руководством молодого полководца Сергея Георгиевича Лазо собирала силы для разгрома врага.

Был май 1918 года. В Забайкалье оживала природа, чувствовалась настоящая весна: поля и сопки, луга и пади покрылись молодой травой. Свежей листвой зеленел лес и кустарник. На обширных степных просторах и лугах паслись табуны лошадей, стада рогатого скота. Склоны сопок местами были покрыты отарами овец; их охраняли от волков пастухи-буряты, сидевшие в своей национальной одежде на верховых лошадях. Слышен был веселый гомон птиц. Щедро освещало все вокруг и согревало солнце.



Адольф Перенсон.

Б. П. Кларк.

Между сопками и горами виднелись краснолиловые пятна цветущего багульника, о котором один из поэтов писал:

Мой нежный душистый багульник,
Краса забайкальских лесов,

Ты грустно растешь на могилах
Погибших за волю борцов.

Мимо расцветающих полей, зеленеющих склонов гор и сопок один за другим проходили поезда с воинскими частями.

На всех станциях бойцов встречал народ. Люди интересовались, откуда и куда едут красногвардейцы, угощали их махоркой, смешанной с цветами донника.

Вместе с другими отрядами, направлявшимися в распоряжение командующего Забайкальским фронтом, продвигался из Приморья и дальневосточный отряд под командованием Владимира Александровича Бородавкина [14]. Это был боевой командир, до революции работавший в подполье. По заданию партийного комитета он возглавлял охрану Финляндского вокзала в день приезда из-за границы В. И. Ленина в апреле 1917 года. Позже он был командирован в 4-й крепостной полк во Владивостоке, где его избрали председателем полкового комитета и членом военного комиссариата крепости.

Дальневосточный отряд прошел три области: Приморскую, Амурскую и Забайкальскую. На станции Бочкарево (ныне Куйбышево) ему пришлось задержаться на два дня, чтобы переформироваться, подобрать командный состав, обеспечить части вооружением (патронами, снарядами), запасом продовольствия. Надо было еще провести практическую стрельбу из артиллерийских орудий, все проверить, чтобы, прибыв на место назначения, быть готовыми к боям с врагом на фронте.

Командующий проявлял большую распорядительность, всячески помогал быстрому продвижению дальневосточного отряда, как и всех других отрядов, направлявшихся к нему из Сибири и Дальнего Востока. По всей линии железной дороги был разослан приказ Лазо о немедленном, без всякой задержки, пропуске поездов с революционными частями и о том, чтобы на станциях всегда были кипяток и продовольствие. Коменданты станций четко и аккуратно выполняли все его приказы. Лазо зорко следил за продвижением отрядов, не раз запрашивал их телеграммами, в чем они нуждаются, принимал меры, чтобы на ходу устранить все помехи и упущения железнодорожной администрации.

И вот, наконец, дальневосточники у цели.

Эшелон, состоявший из тысячи двухсот пятидесяти человек — пехоты, кавалерии, артиллерии, пулеметных команд, — подошел к станции Адриановка. На платформе — группа военных работников, ожидавших прибытия поезда. От нее отделился

человек в военной форме и направился к вышедшему из вагона командному составу. Все знали, слышали, что Лазо молод. Но никому не верилось все же, что встретивший эшелон молодой представитель забайкальских вооруженных сил и есть Сергей Георгиевич Лазо— командующий фронтом. В ту пору ему было двадцать четыре года.

Это был высокий, стройный человек с матоворумяным, свежим и удивительно располагающим к себе красивым лицом. Темнокарие, почти черные, большие умные глаза весело смотрели из-под густых черных ресниц. Над глазами ласточкой раскинулись черные брови. Одет он был в красноармейскую гимнастерку и защитного цвета галифе. На ногах простые солдатские сапоги, на голове летняя красноармейская фуражка. Через правое плечо на ремешке висел планшет, из которого виднелась карта и тетрадь. Ни сабли, ни револьвера, ни шпор.

После рапорта Брродавкина о благополучном прибытии отряда в распоряжение командующего фронтом командный состав поочередно представился Лазо. Лазо четко отдал честь и, приветливо улыбаясь, пригласил всех в свой вагон, познакомил с членами полевого штаба, рассказал о положении на фронте.

— У нас, знаете ли, помимо борьбы с врагами, много работы и внутри отрядов, — говорил он. — Есть еще и анархисты, и дезорганизаторы, и любители половить в мутной воде рыбку — всякое бывает.

И командующий рассказал, как укрепляется дисциплина в частях.

Эта откровенная беседа позволила легко и просто понять и осмыслить обстановку, в которой предстояло жить и воевать.

НАСТУПЛЕНИЕ

Перед штабом командования фронтом, разместившимся на станции Адриановна в трех вагонах, стройными шеренгами выстроились на линейке бойцы — здоровые, рослые, с загорелыми мужественными лицами. Это были матросы Сибирской и Амурской флотилий и рабочие-добровольцы. Они пришли с Сучанских, Черемховских и Черновских копей, из читинских железнодорожных мастерских, с заводов Владивостока и Хабаровского арсенала, с золотых приисков Забайкалья, Амура и других мест Сибири и Дальнего Востока. Многие из них уже побывали в боях с врагами Октябрьской социалистической революции и одерживали победы. Они подавили мятеж эсеро-меньшевиков и юнкеров в Иркутске, выступления японского агента, атамана Гамова, в Благовещенске-на-Амуре, белогвардейских банд на Гродековском фронте в Приморье. Теперь по зову партии большевиков они прибыли в Забайкалье, чтобы продолжать здесь борьбу за советскую власть.

Лазо обратился к бойцам с краткой речью. Гневно говорил он о врагах народа и врагах революции, о семеновцах, предателях России, слугах иностранных империалистов и японской военщины. В его словах чувствовалась глубокая вера в то, что надежные борцы и защитники советской власти сумеют разгромить белогвардейцев на Забайкальском фронте так же, как разгромили их в Иркутске, на Амуре и в Приморье.

— Теперь, товарищи, можете отдохнуть, понабраться сил, а там — в бой! — сказал Лазо в конце своей речи как-то особенно тепло, приветливо и сердечно.

Бойцы ответили восторженными возгласами:

— Ура!.. Да здравствует советская власть!

На другой день утром на заседание штаба собрались командиры всех готовящихся к наступлению частей. Были здесь аргунцы, интернационалисты — венгры, немцы, чехи, были железнодорожники, моряки, шахтеры. Лазо доложил о данных разведки: Семеновцы подтягивали пополнение, намереваясь захватить станцию Карымскую, чтобы отрезать Читу.

— Важно вырвать инициативу у семеновцев, — говорил Лазо, — неожиданно разгромить их основные силы, расположенные по линии железной дороги до Оловянной, захватить их штаб, и победа будет за нами. Силы наши для этого теперь достаточны. Командирам и комиссарам надо их только хорошо подготовить.

Громовым и многократным «ура» был встречен приказ Лазо о наступлении. Тысячи рук поднялись в воздух, сжимая оружие.

Дальневосточному отряду было поручено наступать по центральному направлению железнодорожной линии и занять станцию Оловянную. Ему в помощь были приданы красногвардейцы — железнодорожники и интернационалисты. На флангах наступали казачьи части 1-го Аргунского полка и другие.

Разведку производили от станции Адриановка на юг. Отгоняя и уничтожая попадавшиеся на пути небольшие вражеские отряды, дальневосточники очистили станцию Бурятскую, разведали Заголуевский Дацан, улус Догой и заняли позиции для освобождения станции Могойтуй.

Начались бои. Приказ Лазо выполнялся точно. Инициатива перешла к революционным войскам. Они дрались самоотверженно, продвигались вперед с большим искусством, нарушая расчеты противника и расстраивая его ряды. Враг отступал, неся большие потери.

12 мая 1918 года в шесть часов утра завязался бой с семеновцами у станции Могойтуй. Неприятель начал обстрел, но первыми же меткими залпами советских артиллеристов артиллерия противника была подавлена.

Началось наступление широким фронтом. Пехота двигалась цепями в центральном направлении, на флангах ее поддерживали казаки Аргунского полка.

Противник, попав под перекрестный огонь пехоты и кавалерии, бежал и на протяжении двадцати трех километров, до станции Ага, не оказывал никакого сопротивления преследовавшим его революционным частям. На станции Ага Семеновцы пытались укрепиться, но это им не удалось: наш бронепоезд с артиллерией и пулеметами ворвался на станцию, и после непродолжительного боя белогвардейцы отступили, оставив большие запасы овса, сена, мяса и несколько орудий.

«Наши потери ничтожны, — сообщал Лазо в очередном бюллетене. — Убит один казак, несколько раненых. Потери противника выяснить вполне не удалось. Пока найдено свыше двухсот трупов. Наши войска вели себя великолепно. Сотни вновь сформированного Аргунского полка принимали горячее участие в разведке. Перед боем и в самом бою проявили большую устойчивость и оказывали незаменимую помощь… Наши части преследуют неприятеля, который отошел к Булаку. На других участках Забайкальского фронта без перемен. Прифронтовое казачество поднялось на защиту советской власти и спешно мобилизует новые силы» [15].

Лазо приказал не давать врагу передышки. В ночь на 14 мая

войска, воодушевленные победами, заняли станцию Булак, а на следующий день началось наступление на станцию Оловянная.

Настроение семеновцев заметно ухудшалось. Только на пути от Адриановки к Оловянной они в небольших боях потеряли несколько сот человек. К их поражению на фронте присоединялась все возрастающая ненависть населения. В тылу у белогвардейцев начали создаваться партизанские отряды.

Революционные войска с боями продвигались вперед, занимая одну позицию за другой. Белогвардейские офицеры с трудом удерживали свои части от бегства.

Семеновцы отходили, оставляя в окопах большое количество патронов. Они сжигали на своем пути дома, грабили жителей. Крестьяне и казаки вооружались чем только могли и со всех концов шли на помощь к Лазо, чтобы скорее покончить со своими обидчиками.

Неравные были условия борьбы. У Семенова работали в ставке генералы и офицеры — крупные специалисты военного дела. Им противостояли прапорщик Лазо, все знания которого в военном искусстве ограничивались более чем скромным курсом пехотного училища, и небольшая группа молодых революционеров-офицеров, пришедших с казачьими частями с фронта империалистической войны: Д. Шилов, П. Журавлев, Г. Богомячков, Я. Жигалин, В. Бронников, Ф. Балябин, Д. Кузнецов, морской офицер В. Радыгин и некоторые другие.

Чувствуя недостаток в специальных военных знаниях, Лазо каждую свободную минуту использовал для того, чтобы лучше овладеть «наукой воевать». Часто ночи напролет просиживал он над военными книгами.

Литературой его снабжал бывший генерал царской армии Таубе. Это был тогда один из немногих генералов, которые сразу же после Великой Октябрьской революции безоговорочно признали советскую власть. Таубе активно работал в военном отделе Центросибири. Лазо пользовался не только его библиотекой, но и часто советовался с ним по различным вопросам стратегии и тактики военного искусства.

Командующий фронтом большую часть времени проводил в войсках. Он появлялся то в одном, то в другом отряде или подразделении, иногда и в первых рядах и на самом опасном участке боевых операций. Он отдавал приказания командирам, учил бойцов, находил время заглянуть в полевой госпиталь, ободрял слабых, еще не бывших в сражениях, «не нюхавших пороха» новичков, сдерживал чрезмерно горячих. Все это очень сближало его с бойцами, роднило с ними. Всюду, куда бы он ни

приходил или ни приезжал, его встречали радостно и любовно, как дорогого друга и старого знакомого.

Лазо обладал удивительной способностью оставаться спокойным и рассудительным в самые, казалось, трагические минуты. Эта черта его характера хорошо действовала на бойцов и командиров. Мужество командующего помогало и им не теряться в любых, даже безвыходных на первый взгляд положениях и обстоятельствах.

Как-то рано утром Лазо вместе с членами полевого штаба объезжал фронт, растянувшийся на несколько километров. Он побывал в интернациональных частях, у красногвардейцев-железнодорожников, которыми командовал стойкий беззаветно преданный делу революции большевик Константин Григорьевич Недорезов. Навестил Лазо и 1-й Аргунский полк, где повидался со своими старыми друзьями — Бронниковым и Метелицей. Здесь же он встретился со своей женой Ольгой Андреевной. Незадолго до этого Лазо женился, — жена его была медицинской сестрой в одном из отрядов аргунцев.

Возвращаясь в штаб, шофер, желая сократить расстояние по степи, резко повернул машину и, сам того не замечая, поехал вдоль позиций врага. Семеновцы, повидимому, приняли Лазо и его спутников за своих офицеров и не обратили на них никакого внимания. Заметив ошибку шофера, Лазо спокойно тронул его за плечо и шепнул на ухо улыбаясь:

— Ну зачем же, товарищ, едешь к чорту в лапы? Мы еще, брат, жить хотим.

— Что вы, товарищ командующий, — побледнев, сказал шофер. — Да я…

И, круто свернув, с бешеной скоростью повел машину к позициям своих частей.

Семеновцы спохватились и открыли по автомобилю ружейный огонь. Часто-часто слышалось тонкое, комариное пение пуль. Лазо продолжал весело разговаривать, шутил и смеялся. Когда опасность миновала, он сказал шоферу:

— А здорово мы их надули, правда?..

По пути Лазо заехал к раненым бойцам в вагон-лазарет. Он расспросил, как они себя чувствуют, в чем нуждаются, рассказал о положении на фронте, прочитал несколько писем и телеграмм, в которых сообщалось о высланных для бойцов подарках от рабочих и крестьян из разных городов и сел страны.

Простой, задушевный разговор, теплое, сердечное отношение командующего вызвали такой энтузиазм среди бойцов, что они, несмотря на незалеченные раны, стали проситься на фронт..

— Товарищ командующий, — обратился к Лазо матрос с

перебитой рукой. — Пальцы работают, ноги на месте. Разрешите вернуться в строй, на вахту революции.

— Нет, нет, — твердо возразил Лазо, — вы должны основательно поправиться… Мы пока обходимся… И враг от нас бежит к границе… Вот зарубцуются ваши раны, тогда милости просим…

Сергей Лазо дружил со многими командирами. Но особенно теплые отношения сложились у него с командиром боевой сотни конников 1-го Аргунского полка Борисом Кларком — сыном политического ссыльного инженера, бывшего начальником службы движения станции Чита. Юношей Борис Кларк принимал участие в революционном движении, после революции 1905–1907 годов был приговорен к каторжным работам. Бежал с каторги в Австралию, а после Февральской революции возвратился в Россию и боролся за укрепление советской власти в Забайкалье.

Жена его А. Кларк-Аносова в своих воспоминаниях приводит несколько интересных деталей из жизни Сергея Лазо, с которым ее познакомил муж в тяжелые дни борьбы с семеновскими бандами. Лазо бывал в доме Кларков. О любви к детям, о чуткости Сергея Лазо повествуют скупые строки воспоминаний:

«…Борис уходит с Красной гвардией на фронт. Я осталась одна со своей мелюзгой, которой у меня от двух до восьми лет — целая шестерка. Я услышала, что на фронте появился командующий, что зовут его Сергей Георгиевич Лазо.

Однажды вечером приезжает с фронта Борис. Заходит. Гляжу — с ним какой-то высокий, черноглазый, чернобровый, опрятно одетый в военную форму человек.

— Знакомься, Нюта, это наш командующий Сергей Георгиевич Лазо.

Я растерялась, а от его крепкого рукопожатия чуть не вскрикнула.

— Вот товарищ Лазо интересуется малышами нашими. Все про них выспрашивает.

Мы прошли в комнату, где стояли шесть детских кроваток, а на них, разметавшись, спали шесть маленьких человечков. Долго стоял Сергей Георгиевич и смотрел на спокойно спящих ребят. Чему он так радостно улыбается?..

Утром стала просыпаться детвора.

За хлопотами я не заметила, как моя «команда» познакомилась с Сергеем Георгиевичем… Заглянула в комнату. Вижу, сидит Сергей Георгиевич, а у него на спине, на руках — везде ребята; как мухи, облепили они его и что-то рассказывают… Ведь дети так чутки к хорошим людям…

Для детей бывал большой праздник, когда отец приезжал с дядей Сережей, как они его называли.

Бывало, приедет, выстроит всех их лесенкой, скомандует «смирно», наделит их незатейливыми фронтовыми гостинцами, скомандует «вольно», и начинается «светопреставление»… Началась «война»… летят подушки, одеяла… Игра заключалась в том, чтобы взять дядю Сережу в плен. И если это удавалось, то детский восторг выражался в оглушительном воинственном крике. Дядя Сережа валился на пол, и на него наседала детвора…

Однажды я спросила Сергея Георгиевича:

— Если убьют Бориса, то как же я останусь со всей шестерней?

Он ответил:

— Убьют Бориса — останусь я, убьют меня — останется Вася (Бронников, командир 1-го Аргунского полка. — М. Г.), убьют Васю — останутся тысячи товарищей, которые «помогут тебе поднять малышей».

Когда Борис Кларк был убит в схватке с белогвардейцами, Лазо не было в Чите…

«От него я получила записку, — вспоминает жена Кларка, — в которой он писал:

«Мерзавцы убили Борю, но я жив, Вася жив и тысячи товарищей живы — отомстим за его смерть. О детях не беспокойся, вырастим. Сергей Лазо»…»

17 мая войска получили краткий и ясный приказ, который заканчивался словами:

«В ночь на 18 мая занять Оловянную. С. Лазо».

Отступая к Оловянной, враг применил военную хитрость и попытался зайти в тыл революционных частей. Обходная группа, состоявшая из одних офицеров, замаскировалась под красногвардейцев и внезапным налетом рассчитывала уничтожить двигавшуюся в арьергарде благовещенскую батарею. Командир батареи Кузнецов и прикрывавшая батарею одна из рот пехоты разгадали замысел противника. В коротком и жарком бою офицеры были разгромлены, и ни один из них не вернулся с поля битвы.

У Оловянной Семенов сосредоточил все свои главные силы, построил окопы и другие оборонительные сооружения. Технически прекрасно оснащенные белогвардейские части и численностью вдвое превосходили революционные войска.

Дальневосточный отряд вел бои на центральном направлении на путях к станции Оловянная. Вражеский бронепоезд, обслуживаемый японскими инструкторами-артиллеристами,

непрерывно обстреливал наступающие цепи Красной гвардии. Советские батареи вели меткий огонь по бронепоезду, вынуждая его к отходу, чтобы дать возможность пехоте продвигаться вперед.

Сразу же по получении приказа командующего утром 17 мая начался бой на подступах к Оловянной. Под градом пуль и снарядов революционные части укрепляли занятые позиции. Командующий лично руководил этим сражением. Численному превосходству вооруженного до зубов врага бойцы Красной гвардии противопоставляли смелость и мужество. Ни на минуту не прекращая наступления, красногвардейцы и аргунцы теснили противника к реке Онон.

После ряда решительных атак дальневосточники в ночь на 18 мая буквально на плечах семеновцев вошли в Оловянную. Оставив сотни винтовок, тысячи патронов и снарядов, много продовольствия и военного имущества, белогвардейцы в панике бежали за реку Онон. Заботливо приготовленный ими в офицерском собрании ужин достался нашим бойцам.

Много врагов было тогда взято в плен. Победа была полная. С большой радостью встретили партийные и советские организации Дальнего Востока телеграмму о том, что их посланцы разбили семеновские банды на участке Адриановка — Оловянная, заняли важные позиции и захватили богатые трофеи.

Страшная картина чудовищных зверств семеновцев открылась в Оловянной. На каждой улице эти «друзья цивилизации, права и порядка», как величали белогвардейцев эсеро-меньшевистские и интервенционистские газеты, оставили следы своих преступлений. Они не щадили и стариков, и подростков, и даже грудных детей. Труп председателя Оловяннинского сельского совета был истерзан до полной неузнаваемости: бандиты отрезали ему уши, вырвали язык, выкололи глаза.

Бойцы бледнели от гнева. Руки их яростно сжимали винтовки:

— Наступать! Уничтожать! Раздавить гадов!

Жители Оловянной восторженно приветствовали революционные войска. В штаб фронта приходили рабочие, крестьяне-бедняки, пастухи-буряты — все, кто испытал на себе произвол и насилие семеновской банды, и горячо благодарили за избавление от грабителей и убийц.

Победа революционных сил вызвала глубокое беспокойство эсеров. Они старались запугать население японскими штыками.

Бывший начальник управления Забайкальской железной дороги, японский агент, эсер Зурабов, изгнанный рабочими, обратился к служащим дороги с воззванием, в котором цинично

писал:

«В случае, если семеновские отряды не выдержат натиска красных частей, в бой вступят японские войска».

Враг надеялся подобными воззваниями деморализовать и железнодорожников и воинские части, полагая, что они струсят перед интервентами и прекратят сопротивление. Но воззвания эти производили обратное действие. Силы революции еще крепче сплотились в едином желании скорее освободить Забайкалье от белогвардейщины.

Заняв Оловянную, Лазо побывал во всех частях. Он проводил беседы с бойцами, командирами и политработниками, подготавливая их к новому походу на семеновцев, укрывшихся за быструю и бурную реку Онон.

В ночь на 25 мая дальневосточный отряд получил приказ занять правый холмистый берег Онона. Железнодорожный мост через реку был взорван. Вражеские части довольно сильно укрепились на командных высотах и держали под обстрелом станцию и поселок, где располагался отряд революционных войск. Перед командованием встала трудная задача. Как переправить через горную реку войска, если единственный мост взорван и противник ведет непрерывный огонь?

Лазо нашел выход — остроумный и смелый.

— Думаю, товарищи, — сказал он на заседании штаба с командирами, — что нам нужно сочетать лобовую атаку с обходным маневром. Аргунцы станут форсировать реку Онон примерно в десяти-пятнадцати верстах от станции и нападут на противника с тыла. Часть наших бойцов вместе с артиллерией завяжет перестрелку с противником, отвлечет его внимание на себя. А в это время группа матросов должна будет начать переправу у самой станции. Ваше мнение, друзья?

— План, конечно, подходящий, товарищ командующий, — не совсем одобрительно заметил кто-то. —

А только… Мост-то ведь взорван. Чтобы попасть на уцелевшие фермы, надо взобраться по разрушенному наполовину пролету, карабкаться саженей восемь вверх по исковерканным рельсам, шпалам и железным клеткам. Посильное ли дело?..

— Дело трудное, знаю, — ответил Лазо, — но иных путей нет. Уверен, что матросы сумеют выполнить это задание. Вы как полагаете? — обратился он к сидевшему в стороне коренастому человеку в тельняшке, боцману одного из тихоокеанских кораблей, командовавшему отрядом матросов.

— Полагаю, товарищ командующий, — ответил тот, — что ребята не подведут. Осилим гидру контрреволюции, товарищ

командующий.

Наступила ночь.

План операции выполнялся строго и точно. С помощью веревок и железных кошек матросы один за другим поднимались по свесившимся в воду конструкциям взорванного пролета. Вскоре на уцелевшую часть моста подтянули и пулеметы. На флангах шла горячая перестрелка. Аргунцы вплавь форсировали Онон и ударили на врага с тыла. К утру на правый берег реки переправился весь отряд. Высоты были очищены от противника.

Отступая, Семеновцы бросили на железной дороге состав с оружием, провиантом, снаряжением и фуражом. Несколько раз они пытались подойти к составу на бронепоезде, чтобы увезти его, но расположившаяся на высотах наша артиллерия меткими выстрелами не позволила противнику приблизиться к вагонам.

Долго белогвардейцы не могли оправиться от разгрома у Оловянной. Атакованные одновременно с фронта и тыла, они, неся большие потери, отходили на юг. Упорные бои шли по всему фронту. Революционные войска под руководством Лазо освобождали одну станцию за другой. 2 июня была занята станция Быркa, в тридцати трех километрах от Оловянной. Через три дня командующий сообщил о том, что «на Восточно-Забайкальском фронте наши казачьи части очистили от семеновских банд все станицы на восток от железной дороги, исключая Абагайтуй».

Наступая и преследуя врага, наши части вслед за Оловянной последовательно заняли станции Борзя, Даурия и Шарасун, подошли к Мациевской.

Мациевская…

Последний бросок… Его успех решает полное очищение советского Забайкалья от белогвардейцев.

Но враг оказал здесь упорное сопротивление. Он принял все меры, чтобы удержаться в Мациевской, подтянул сюда много артиллерии, кавалерии, пехоты. У революционных войск создалось очень тяжелое положение. На винтовку оставалось всего лишь по два-три патрона, снаряды были на исходе. Немало крепких слов сыпалось по адресу нерасторопных работников военных отделов Центросибири и Читинского областного совета, не сумевших вовремя обеспечить фронт необходимым снаряжением.

Лазо старался подбодрить, успокоить товарищей, хотя и сам в душе разделял их возмущение.

— Потерпеть немного придется, — говорил он. — Получены сведения, что в Чите начали производить патроны. Есть телеграмма, что нам выслан вагон с боеприпасами с Дальнего

Востока — не сегодня-завтра подойдет.

«Сегодня-завтра… Ну, а что делать сейчас?.. Ведь если Семеновцы узнают, что нам нечем воевать, они перейдут в наступление и тогда… Кто знает, чем это может кончиться!..»

К счастью, вскоре прибыли вагоны с патронами и снарядами. Началась подготовка к штурму Мациевской.

Бои шли упорные, жестокие. Трескотня пулеметов и ружейных залпов заглушалась мощным гулом рвущихся снарядов. Крики «вперед», «ура» сливались со стонами раненых в рукопашных схватках кавалерии и пехоты. Лазо видели и у артиллерийских батарей, и в отрядах конницы, и среди пехотинцев, которых он личной храбростью и бесстрашием увлекал на решительные атаки в самых опасных местах боевых действий.

Несколько раз станция переходила из рук в руки, В конце концов Семеновцы оставили Мациевскую.

ВЗЯТИЕ ТАВЫН-ТОЛОГОЯ

Противник откатывался к станции Маньчжурия и у самой границы остановился на высоте Пятиглавой, или по-бурятски Тавын-Тологой. Это была выгодная и почти неприступная позиция. Выбить отсюда врага оказалось очень трудно.

Ознакомившись с положением и хорошо изучив подступы к Пятиглавой, Лазо вместе со своим штабом начал разрабатывать план штурма Тавын-Тологоя и дал приказ командирам тщательно к нему подготовиться, На это понадобилось несколько дней.

Наступило временное затишье.

Воспользовавшись тем, что политическая работа в войсках была поставлена еще слабо, предатели и шпионы, пролезшие в части, повели разговоры о том, что довольно воевать.

— Семеновцы теперь долго не опомнятся от разгрома, и вполне можно отдохнуть от фронтовой жизни.

— Мы тут воюем, а дома, поди, с голоду умирают, никто не хочет о нас заботиться, — шептали они, бросая клич: — По домам!

Эти речи о женах, детях, нужде, о домашнем горе производили на многих большое впечатление… В одном из отрядов Копзоргаза о возвращении домой заговорили открыто, громко, не стесняясь. Бойцы поднимались, затягивали ремни, гремели котелками, кружками, манерками, вскидывали на плечи винтовки. Напрасно командиры пытались их задержать. Казалось, ничто и никто не в состоянии был остановить уходивших.

Об этом сообщили Лазо.

В самый острый и напряженный момент, когда командиры в отчаянии и растерянности пытались то криками и угрозами, то просьбами и обещаниями предостеречь своих бойцов от непродуманных действий, а те ворчали и продолжали готовиться в путь-дорогу, неожиданно появился в отряде командующий.

— Ну что, друзья? По домам? — спокойно, но строго спросил он.

Наступила тишина. Кое-кто сбросил на землю вещевой мешок, кое-кто снял с плеча винтовку и опустил глаза.

— И я бы не прочь дома на печке с молодой женой посидеть, — продолжал Лазо. — Рановато только. Поймите, товарищи. — Его голос звучал все громче и громче и слышен был далеко вокруг.

Послушать командующего подошли и бойцы расположенных рядом других отрядов.

— Мы пока не уничтожили врага. Да, мы нанесли ему поражение, но он еще на нашей территории. Он пускает в ход виселицы, пытки и расстрелы, засылает к нам шпионов и доносчиков. Не успокаиваться нам надо, а собирать свои силы для дальнейшего удара и разгрома семеновской банды. Только враги трудящихся могут ставить сейчас вопрос о том, чтобы итти по домам. Подумайте хорошо, что это значит. Когда мы отойдем от наших позиций, семеновские банды вновь двинутся на наши поселки и станицы. Разве вы забыли, как они насиловали наших жен, сестер, матерей, как грабили народное добро и разоряли наши хозяйства? Тысячами новых могил отметят белобандиты ваш уход с фронта.

— Уйти теперь — значит предать революцию, — говорил он. — Не домой нам надо уходить, а хорошо подготовиться и решительным ударом уничтожить японо-семеновскую контрреволюционную банду. С нами партия большевиков! С нами товарищ Ленин!

Обращаясь к тем, кто собирался уходить, Лазо сказал:

— Вы хотите повторить ошибку героев Парижской Коммуны, которые, не уничтожив окончательно врага, упоенные своей победой, дали возможность негодяю Тьеру собрать силы и этим проиграли Коммуну. Кто хочет победы, тот останется и а фронте.

Несколько мгновений длилось молчание. Затем все закипело. Послышались возбужденные, страстные возгласы. Бойцы потрясали оружием.

— Наступать! — неслось со всех сторон.

— Смерть семеновской банде!

— Да здравствует революция!

— Да здравствует Ленин!

В штаб Лазо возвращался вместе с начальником штаба зоргольского отряда Жигалиным.

Ныряя между плешивыми, безлесными сопками, машина быстро двигалась по фронту. Дальше предстояло на виду у противника пересечь широкую долину. Можно объехать правее, подальше от линии обстрела белых батарей, но для этого надо было сделать большой крюк по горам и потерять тридцать-сорок минут времени.

Перед выездом в долину шофер посмотрел на командующего, но тот выразительно кивнул головой и коротко бросил:

— Прямо!

Шофер дал газ, и машина выбежала из-за сопки. Но не успела она проехать по долине и четверти километра, как со стороны Тавын-Тологоя послышался орудийный выстрел. Недалеко от

автомобиля разорвался снаряд. Лазо спокойно продолжал разговор со своим спутником. Лишь когда снаряды начали рваться в двадцати-тридцати метрах вокруг машины, он прервал беседу и, улыбнувшись, почти шутливо сказал водителю:

— Видимо, они решили нас подстрелить. Поезжай, друг, зигзагами, да только не переверни машину.

Шофер благополучно вывел автомобиль из сферы действия неприятельского огня. Убедившись в бесполезности стрельбы, белые прекратили ее.

В этот же день Лазо решил навестить одну из вновь прибывших частей, расположившуюся среди высоких сопок, надежно защищавших от обстрела противника со стороны Тавын-Тологоя. Лошадей бойцы спутали и пустили на траву, а сами прилегли отдохнуть. Чуть в стороне — палатка штаба бригады. На вершине одной из сопок стоял наблюдатель.

— Ребята, машина! — вскрикнул он, заметив на дороге автомобиль.

Бойцы вскочили. Кто бы это мог ехать? Ведь говорили, что машина есть только у главкома. Неужели он?..

— Он, он! Беспременно наш Лазо! — закричали вокруг.

Казак, взводный Коренев, так рассказывает о своей первой встрече с Лазо:

«Автомобиль остановился у палатки штаба. И мы все кинулись туда. Каждому хотелось увидеть Сергея Лазо, про которого среди нас ходили разные чудеса. Тысячная толпа окружила палатку. Ждем выхода его. А никто из нас и не обратил внимания на высокого молодого человека, что стоял у самой палатки. Приняли за шофера. И по одежде-то похож… На ногах ботинки с обмотками. Рубашка серая и брюки такие же, заношены. Вот точь-в-точь так одетого шофера с грузовика растерзали Семеновцы возле озера Зан-Араллтуя. Смотрю на авто, в нем пулемет и наган. Молодец главком, не с пустыми руками ездит!

И что же вы думаете — этот самый молодой человек, похожий на шофера, вдруг в один прыжок очутился на авто, сбросил с головы кепчонку, выпрямился и, к нашему удивлению, крикнул: «Товарищи, внимание! Вы, очевидно, хотите послушать мои сообщения, и я тоже считаю это нужным, полезным…»

Тут мы и поняли, что перед нами сам Лазо. Батюшки, что произошло, поднялось… крики, общий рев восторга: «Это ты Лазо? А мы-то не узнали тебя… Да здравствует Лазо!»

А он стоит на авто, улыбается и ждет, когда мы замолчим. Долго не давали ему говорить, будто одурели. Он уже несколько раз взмахом руки пытался остановить нас, даже нахмурился,

ерошил свои черные волосы. Наконец мы затихли…

После речи Лазо мы были уже не те. Я слышал, как один казак упрекал другого за такой поступок, на который раньше никто бы из нас не обратил внимания. Мы стали замечать друг за другом ошибки, стараться исправлять их: «Ты слышал, что говорил Лазо о дисциплине?»

Мы как следует стали чистить винтовки и клинки.

В чем была сила товарища Лазо? А в том, что он с первой встречи становился близким, родным, он заботился о нас, дорожил жизнью каждого из нас…»

Неудачи и поражения вызвали в стане врага уныние и тревогу. Но все же, как сообщал Лазо в бюллетене от 25 июля 1918 года, атаман не собирался еще сложить оружие. Чтобы укрепить в своей банде пошатнувшуюся веру в успех дела и показать, что со всех сторон ему идут на помощь, он устраивал всевозможные провокации.

Но как убедить людей, что прибывают все новые и новые силы, если значительно поредевшие во время последних боев части давно уже не имеют никакого пополнения?

Семенов нанял в близлежащих селах корейцев и японцев, переодел их в военную форму и с музыкой отправил на фронт. Ночью эти бутафорские части тихонько уводились за десяток километров в тыл, а утром они снова с барабанным боем шли по направлению к передовым позициям. Это должно было создать впечатление, что к атаману непрерывно подходят все новые и новые войска.

Перебежчики поведали еще много любопытных провокационных затей Семенова. Ограбят, допустим, кооператив или захватят на станции Маньчжурия товары, адресованные в Советскую Россию, раздают своим бандитам табак, сахар и другие продукты и приговаривают: «Вот, мол, вам личный подарок японской императрицы». Однажды как-то переодели японского парикмахера в блестящий мундир и представили его как сына известного генерала Куроки, прибывшего с высокой миссией от японского командования.

Все эти дешевые трюки не производили, видимо, большого впечатления на людей, более или менее способных трезво оценивать обстановку. И когда, как сообщал Лазо, разнеслась молва, что большевики захватывают Маньчжурию, семеновские офицеры «гримировались и переодевались даже в японские костюмы».

Все же, пользуясь близостью границы и прикрываясь помощью войск генерала Чжан Цзо-лина и обязательством

советской власти перед Китаем не воевать на его территории, семеновские банды время от времени производили вылазки против революционных частей.

Не желая осложнять отношений с Китаем, командование вынуждено было временно терпеть эти вылазки и тщательно продумать план окончательного разгрома семеновцев на советской территории.

В конце июля Лазо на строго секретном совещании узкой группы военных работников предложил уничтожить врага у Пятиглавой ночной атакой. Совещание командиров одобрило это предложение. Для каждой части в отдельности был разработан подробный план боевых операций.

По приказу командующего главные силы красногвардейцев и интернациональные части ведут наступление вдоль линии железной дороги. В лоб семеновцев атакуют части Журавлева, которого на левом фланге поддерживают и охраняют копунский, зорголский и газимурский отряды. На правом фланге обхват противника и уничтожение его поручено 1-му Аргунскому казачьему полку.

— Но, товарищи, — обращал Лаэо внимание командиров, — ни в коем случае не увлекайтесь успешным наступлением и не переходите границы Маньчжурии.

Такое предупреждение было необходимо, так кай некоторая часть командного состава считала, что если семеновцам удастся уйти в Маньчжурию, то их надо нагнать там и разгромить. Лазо разъяснял, что такие действия могут вызвать выступление против нас маньчжурских частей, а может быть, и японцев, что приведет к далеко идущим осложнениям.

…Ночь с 26 на 27 июля. Семеновцы были уверены, что в пограничной полосе они могут чувствовать себя спокойно, и вели довольно беспечный образ жизни. Офицеры устроили пирушку и собрались весело провести время.

Вдруг в ночной тишине бесшумно, словно из-под земли, у их палаток появились дюжие фигуры красногвардейцев и казаков. В ход были пущены штыки, приклады, сабли. Вскоре грозно прогремели залпы пятнадцати орудий, обстреливавших Тавын-Тологой. Шрапнель рвалась то в одном, то в другом месте над Пятиглавой горой. Зрелище необыкновенное! При свете зажигательных снарядов и рвущейся шрапнели видно было, как с горы скатывались вражеские части, преследуемые революционными войсками.

Лазо носился как ураган. Его громкий призыв: «Вперед!» — слышался будто на всех участках боев одновременно.

Бой длился недолго. Семеновцы были разгромлены: остатки

их бежали на китайскую территорию, побросав пулеметы, винтовки, патроны, снаряжение, одежду, обувь, обоз, большое количество кавалерийских лошадей. Гора Тавын-Тологой и склоны ее, направленные в сторону Маньчжурии, были усеяны трупами врагов. Пленные рассказывали, что атаман уже в начале боя сорвал с себя погоны и бежал за границу. К утру вся советская территория была освобождена от семеновских банд.

Так в одну ночь белогвардейцы были выбиты из неприступных, казалось, позиций.

Через несколько дней чжанцзолиновцы прислали делегацию для переговоров по поводу этих событий. Делегацию встретили командующий Лазо и начальник штаба Русские. Встреча происходила на станции Мациевская 30 июля 1918 года. После долгих споров сторонами был выработан и подписан договор. В этом договоре говорилось, что в «целях поддержания мира между Китайской республикой и Российской республикой советов» будут приняты все меры, чтобы в течение пяти недель Семенов был разоружен. Чжанцзолиновцы дали гарантию не пропускать Семенова и его отряд через русско-китайскую границу. Договором предусматривалось, что советские войска ни в коем случае не имеют права перейти русско-китайскую границу, а войска Китайской республики не имеют права перейти китайско-русскую границу.

Главные силы Забайкальского фронта должны были быть расположены на станции Даурия в сторону Читы, а на разъезде 86 разрешалось иметь передовые посты китайских и советских войск, численностью не более шестидесяти человек каждый.

Заслуги С. Г. Лазо в организации Красной Армии на Забайкальском фронте, в руководстве разгромом американо-японской агентуры — семеновских банд — огромны. Они были по достоинству оценены рабочими Забайкалья и всего Дальнего Востока. Еще в марте 1918 года, после первого поражения семеновцев, Исполнительный комитет Совета железнодорожных депутатов Забайкальской железной дороги постановил: «Избрать командира нашего доблестного отряда революционной Красной гвардии товарища Лазо почетным членом штаба Красной гвардии».

Ни царские генералы, ни офицерские части, ни японские инструкторы не помогли атаману Семенову устоять против революционных сил, руководимых молодым талантливым советским полководцем.

В КОЛЬЦЕ ИНТЕРВЕНТОВ

Контрреволюция в Сибири была тесно связана с отечественной буржуазией и мировым империализмом, выступившими на борьбу против советской власти. Молодой республике наносили удары со всех сторон. Во многих городах возникали заговоры, мятежи, саботаж, диверсии.

«Левые» эсеры, с целью сорвать Брестский договор [16], убили в Москве германского посла Мирбаха и подняли мятеж.

Так называемый «союз защиты родины и свободы», состоявший из эсеров, меньшевиков и белогвардейцев и финансируемый англо-французами, поднял восстание в Ярославле, Костроме.

При поддержке иностранных посольств произошли антисоветские мятежи в Петрограде, Новгороде, Рыбинске.

Эсеры и меньшевики, полностью потерявшие влияние в пролетарских массах и разгромленные в промышленных районах, кинулись на окраины. Объединившись здесь с белогвардейцами, они превратились в прямую агентуру англо-американских, французских и японских империалистов.

Характеризуя обстановку того периода, В. И. Ленин указывал, что «международное положение Советской республики в высшей степени трудное и критическое, ибо самые глубокие и коренные интересы международного капитала и империализма побуждают его стремиться не только к военному натиску на Россию, но и к соглашению о дележе России и удушении Советской власти» [17].

«Дележ» начался.

Англо-американские интервенты захватили Северный край, свергли там советскую власть и, организовав угодное им «правительство» эсера Чайковского, отменили все декреты и законы советской власти.

На Украине с помощью германских войск восстанавливался буржуазно-помещичий строй.

Кавказские меньшевики объявили «независимость» Грузии и образовали так называемое Кавказское правительство. Оно заключило союз с турецкими империалистами, и турецкие войска, заняв Карс, Батум, Ардаган, двинулись на Баку.

Буржуазно-националистическая армянская партия «дашнакцутюн», поддерживаемая эсерами и меньшевиками, опираясь на английских империалистов, захватила власть в Армении.

И без того тяжелое положение советской власти осложнялось

голодом, начавшимся в стране, особенно в городах, — буржуазия и кулачество саботировали хлебную монополию.

В исключительно опасном положении оказалась и Сибирь. По всему Великому сибирскому пути расположился шестидесятитысячный чехословацкий корпус, сформированный еще Временным правительством из бывших. военнопленных солдат австро-венгерской армии.

После Октябрьской социалистической революции союзники России в войне против Германии — Англия и Франция — обратились к Советскому правительству с просьбой об отправке этих чехословацких войск во Францию через Сибирь и Дальний Восток. Франция обязалась переотправить их из Владивостокского порта на франко-немецкий фронт морским путем. Не зная коварных замыслов империалистов, Советское правительство разрешило чехословацкому корпусу проезд по Транссибирской магистрали.

Но просьба союзников оказалась провокацией с далеко идущими целями. Еще в декабре 1917 года во Франции была создана интервенционистская комиссия. В ее работе активное участие принимал представитель Чехословацкого национального совета Бенеш, который информировал видного буржуазного политического деятеля Масарика, находившегося в США, о директивах чешской военной организации ждать «удобного момента для военного выступления в России»[18].

Империалисты США, Англии и Франции рассматривали чехословацкие части в России как ударный кулак. Масарик, ставший позже президентом Чехословакии, вел переговоры с государственным секретарем США Лансингом, президентом США Вильсоном, а также с Черчиллем, представив им подробный план вооруженной интервенции.

Выдававший себя за друга народа и демократа Масарик цинично предлагал чехословацких солдат в качестве пушечного мяса, доказывая, что «чехословацкая армия обходится дешевле, чем американская или британская, ибо жалованье наших солдат намного ниже и вся экипировка значительно дешевле; кроме того, наши люди, — убеждал он, — привыкли к более простому образу жизни» [19].

Империалисты охотно согласились использовать чехословацкие вооруженные силы не для продолжения войны с Германией, а для свержения советской власти. Они вошли в контакт с отделением буржуазного Национального совета Чехословакии в России, работавшего в чехословацком корпусе, снабжали его деньгами, и снабжали очень щедро. Французские империалисты передали Национальному совету по 4 апреля 1918

года восемь миллионов рублей. Сверх этого ряду его руководителей было вручено более трех миллионов.

Английское правительство выдало Национальному совету восемьдесят тысяч фунтов стерлингов.

Чтобы усыпить бдительность советских организаций Сибири, Национальный чехословацкий совет в апреле 1918 года опубликовал в иркутских газетах обращение. В нем утверждалось, что чехословаки «…не будучи гражданами России, во внутренней борьбе ее заняли строго нейтральное положение и не вмешивались в борьбу одних направлений против других… ибо чехословаки убеждены, что русский народ только сам может решить свои распри и свои дела» [20].

Эти лицемерные слова произносились в то время, когда империалистами уже был разработан план свержения советской власти и восстановления буржуазно-помещичьего строя в России и значительная роль в осуществлении этого плана отводилась чехословацкому корпусу. Чтобы обмануть своих солдат и восстановить их против советской власти, в частях начали распространять провокационные слухи, будто большевики хотят выдать чехословаков Германии и Австро-Венгрии.

В мае 1918 года чехословацкий корпус поднял мятеж против советской власти. Вместе с белогвардейцами, эсерами и меньшевиками ему удалось захватить Урал и Поволжье, организовать белогвардейско-эсеровское правительство в Самаре и сибирское белогвардейское правительство в Омске.

Вскоре чехословацкие войска напали на Красную гвардию в Челябинске и 25 мая заняли город, 26-го они совместно с подпольными эсеро-меньшевистскими и офицерскими организациями захватили все государственные и правительственные учреждения в Мариинске и Новониколаевске (ныне Новосибирск). К концу мая, продолжая наступление, чехословаки заняли Канск и Кузнецк.

Вооруженные силы Центросибири состояли в то время всего лишь из десяти тысяч бойцов. Они были разбросаны по всей Сибири, охраняли исключительно города, железные дороги и вели борьбу с местными контрреволюционными группами, поднимавшими мятежи то в одном, то в другом районе. Наиболее стойкие и боеспособные части находились на Забайкальском фронте.

Чехословаки и белогвардейцы имели огромный численный и технический перевес, что облегчало им продвижение по Сибирской железной дороге.

31 мая они захватили станцию Тайга и в тот же день заняли Томск. Не встречая на своем пути особого сопротивления,

чехословацкие отряды тогда же укрепились в Петропавловске и Нижнеудинске. 4 июня белые заняли Кольчугино. Неся тяжелые потери, плохо вооруженная Красная гвардия не могла сдержать напора чехословаков и офицерских частей белогвардейцев и после тяжелых боев на станции Марьяновка отступила. 7 июня пал Омск, а вслед за ним враги захватили Курган.

События развивались с огромной быстротой. Контрреволюционные элементы начали почти открыто вести свою подлую работу. Советы на местах не принимали решительных мер против меньшевиков и эсеров, веря в то, что они не пойдут против советской власти. Но это было грубой ошибкой, за которую советские люди расплачивались тысячами жертв.

Под напором белогвардейщины и белочехов в середине июня Красной гвардии пришлось оставить Барнаул, Ачинск, Красноярск, Бийск. Создалось угрожающее положение для Советского правительства Сибири — Центросибири, находившегося в Иркутске, — и оно в конце июня выехало сначала в Верхнеудинск, а затем в Читу. Белогвардейцы и чехословацкие части начали наступление из Нижнеудинска на Иркутск. Сопротивление затруднялось еще и тем, что мобилизованные красногвардейцы не имели опытных руководителей. 10 июля части Красной Армии и красногвардейцы оставили Иркутск.

В городах и селах Сибири, занятых врагами, началась злобная травля, аресты, убийства коммунистов и людей, сочувствующих советской власти, разгром профессиональных союзов.

30 июня 1918 года начало свою деятельность так называемое «временное сибирское правительство» во главе с эсером Дербером. Это «правительство» в своем обращении к населению лживо заявляло, что «гарантирует всем народам Сибири, без какого бы то ми было исключения, туземным и пришлым… и рассеянным по всему пространству великой Сибири, полную неприкосновенность их гражданских и политических прав».

Всеми этими «гарантиями» эсеровские лжедемократы стремились усыпить бдительность населения. На самом же деле всюду свирепствовал неслыханный террор.

В первые же дни падения советской власти тюрьмы Сибири были переполнены рабочими и вообще людьми, подозреваемыми в сочувствии большевикам. Около трех тысяч человек было арестовано в Омске, до полутора тысяч — в Томске. Среди них в тюрьмах находилось более сорока руководителей профессиональных союзов Сибири.

Каких только провокаций не устраивали враги, чтобы уничтожить лучших, беззаветно преданных революции людей!

Из ачинской тюрьмы в Красноярск переводились якобы для «сохранения жизни» девять крупных советских работников: Слободчиков, Манкевич, Потехин, Пунский и другие. По дороге они были убиты. В Барнауле при переводе заключенных из одного места в другое убили работников профессиональных союзов: водника Дронина, учителя Тихонова, работника кооперации Сычева.

В Новониколаевске эсеро-белогвардейские бандиты явились в арестный дом, забрали находившихся там большевиков — Петухова, Серебрянникова, Горбань, Шпурыгина и Полковникова, отвели их в ближайший кустарник и расстреляли.

Председатель барнаульских профсоюзов Присягин и председатель Барнаульского совета депутатов Цаплин также были выведены белогвардейцами из тюрьмы и убиты.

Профессиональные союзы резко протестовали против арестов, убийств, разгрома пролетарских организаций. Из тысяч арестованных профсоюзам удалось кое-где спасти и заставить освободить десятки товарищей. Однако это было возможно лишь в первые дни существования эсеровской власти, когда она изо всех сил старалась усыпить бдительность рабочего класса и кричала на всех перекрестках — в докладах, газетах, на собраниях — о недопустимости политической мести. Либеральной болтовней и кровавыми делами эсеровское «демократическое» правительство подготавливало почву и расчищало путь к власти царскому адмиралу Колчаку.

Говоря о контрреволюции в Сибири, нельзя не вспомнить о роли сибирской кооперации в свержении советской власти. Об этом довольно откровенно в то время сказал член правления «Закупсбыта» Фомин:

«Переворот в Сибири произошел в условиях исключительного сочувствия к нему сибирской кооперации. Первые дни после свержения советской власти в Новониколаевске в местных торгово-промышленных кругах весьма популярной была острота: «Власть в Сибири перешла к «Закупсбыту» [21].

«Закупсбыт» действительно являлся основной организацией, снабжавшей сибирское «правительство», а после свержения его — Колчака.

Первыми актами сибирское «правительство» отменило декреты Советского правительства, вернуло фабрики, заводы и прочие национализированные предприятия их бывшим владельцам, упразднило рабочий контроль над производством, установило единоличное управление промышленными предприятиями. Фактически была ликвидирована охрана труда.

Буржуазия торжествовала и начала требовать ликвидации

профессиональных союзов, но «правительство», играя в демократию, на это не пошло, однако оно максимально ограничило права профсоюзов, В изданной им инструкции к «положению» от 31 июля 1918 года говорилось, что членами фабрично-заводских комитетов не могут быть лица, бывшие членами Советов депутатов и их исполнительных комитетов. Профессиональные союзы боролись за сохранение больничных касс, но предприниматели отказывались вносить в эти кассы отчисления; «правительство» же делало все для того, чтобы страховые организации рабочих не имели средств и не могли существовать. Промышленники вводили десятичасовой рабочий день, а на вредных для здоровья производствах, где работали шесть часов, ввели восьмичасовой..

Особую злобу затаила эсеровская власть против пролетарских организаций горнорабочих Сибири. На профессиональные союзы репрессии сыпались изо дня в день. Были арестованы члены Западно-Сибирского областного бюро И. Наханович и И. Кудрявцев. Эсеровская контрразведки ежедневно увозила десятки рабочих с Анжерских, Судженских, Кольчугинских, Черемховских копей, Кемеровского завода и других мест. Эти рабочие бесследно исчезали, и никто их никогда больше не видел.

В Сибири создалось положение, какое существовало лишь в самые мрачные времена царизма.

В расцвете сил — двадцати шести лет был расстрелян один из образованнейших марксистов Сибири, председатель Красноярского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Григорий Вейнбаум. Вместе с ним в одну ночь убили и председателя Совета рабочих и солдатских депутатов города Енисейска Валентина Яковлева, члена Красноярского совета коммуниста Якова Дубровинокого, неутомимого солдата революции, известного под кличкой «Твердокаменный» Илью Белопольского.

В это же время погиб замечательный человек и истинный патриот генерал Таубе. Когда белогвардейцы захватили Сибирь, он остался работать в забайкальском подполье. Его выследили, арестовали и предложили вступить в белую армию. Таубе категорически отказался.

— Мои седины не позволяют мне итти на склоне моих лет в лагерь интервентов и врагов трудящихся России, — заявил он.

Враги приговорили его к смертной казни. Но он умер в тюрьме от тифа, прежде чем приговор был приведен в исполнение.

Зверски была замучена и Ада Лебедева.

Лазо не раз с грустью вспоминал исключительно яркий образ

Ады, с которой он был связан в Красноярске крепкой дружбой. Это была умная, веселая, жизнерадостная девушка, прекрасный организатор, страстный агитатор и пропагандист революционных идей. Она первая требовала, чтобы женщины обязательно изучали военное дело и наравне с мужчинами могли с оружием в руках защищать советскую власть.

Старая коммунистка А. Померанцева в своей книге «Центросибирцы», рассказывая об Аде Лебедевой, пишет:

«В самые грозные дни Ада была бодрой и твердой, с тем же улыбчивым огоньком в глазах. Она, чтобы удобнее нести караулы, исполнять обязанности патруля, сняла свои чудные волосы и надела красноармейский костюм; в уборе бойца Ада еще больше помолодела и казалась мальчиком, очень воинственным и серьезным. Ада попала в плен к белогвардейцам; они бросили ее вместе с пятью товарищами в трюм баржи и отправили в Красноярск. 250 пленных революционеров на барже ждали своей участи.

Ночь… Пленных выгнали из трюма. Грохнули мостки, й в этом грохоте словно послышалось: конец. Торопили, толкали и загоняли в длинный узкий проход между цепями охраны: два ряда чехов, а третий — конный — казаков. Выстррили по четверо в ряд. В первом ряду поставили Аду и Марковского[22]. За ними три ряда женщин, дальше — мужчины. Белогвардейцы, держа наперевес винтовки, наголо шашки и нарушая тишину ночи шиканьем, погнали пленных. Под страшным ударом пошатнулась Ада. Марковский закричал:

— Оставьте женщин! Не бейте женщин!

Какой-то казак хватил шашкой Марковского по голове. Он упал, затем, придя в себя, приподнялся и повернул залитое кровью лицо к палачам:

— Негодяи, что вы делаете!

К нему метнулась Ада, маленькая, в солдатском картузике. Озверев, казаки стали хлестать Аду и Марковского… Ада падала от ударов и снова поднималась, как беспомощный ребенок. Аду и Марковского избили. Они едва идут, чаще, все чаще падают… Ада плелась с открытой головой, сбитый ударом нагайки картуз затерялся. На востоке затеплилась заря, а палачи… все рубили и хлестали нагайками пленных. Один из казаков схватил с налета за пояс Аду, бросил поперек седла и понесся в сторону.

Наутро Аду и Марковского нашли за городом. Ада и Марковский были сильно порубаны и истерзаны пытками, они чуть-чуть стонали в предсмертной агонии. Ада лежала в овраге, закрыв глаза своей маленькой рукой, и по пальцам ее из глаз стекала кровь…»

Массовый террор принял особенно широкие масштабы, когда эсеровское «правительство» было свергнуто ставленником империалистов США и Англии — адмиралом Колчаком. От карательных отрядов адмирала стонала вся Сибирь. В тюрьмы и концентрационные лагери колчаковцы заточили более восьмидесяти тысяч рабочих и крестьян. По неполным подсчетам в одной только Енисейской губернии (Красноярский край) палачи разграбили и сожгли двенадцать тысяч крестьянских хозяйств, расстреляли и повесили более десяти тысяч рабочих и крестьян, выпороли более одиннадцати тысяч мужчин и женщин.

В течение нескольких месяцев в Сибири было убито свыше сорока тысяч человек, среди которых — многие сотни революционеров, перенесших царскую каторгу, ссылку.

Вторая областная партийная конференция Сибири вынесла решение организовать восстания против колчаковщины. Дважды рабочие и революционные солдаты пытались свергнуть в Омске власть Колчака, но терпели поражения. Много людей погибло в те памятные дни. В числе других партия потеряла тогда руководителей восстаний — одного из своих крупнейших деятелей, председателя подпольного Сибирского Центрального Комитета Арнольда Нейбута и неоднократно бежавшего из ссылки большевика-подпольщика, комиссара Туруханского края Александра Масленникова.

На смену погибшим сотни тысяч рабочих и крестьян поднимались на борьбу с контрреволюцией.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

В это исключительно тяжелое время партия послала своих лучших людей в Дальневосточный край для борьбы с интервентами и белогвардейщиной.

Из Забайкалья был срочно отозван Сергей Лазо и назначен командующим Прибайкальским фронтом. Перед ним поставили сложную задачу: задержать продвижение чехословаков и белогвардейцев, прикрывать отступление Красной гвардии и Центросибири на восток.

Лазо немедленно выехал на фронт. Прибыв на станцию Хилок, он застал здесь только небольшой отряд курсантов читинской школы красных командиров. Все остальные части отошли уже по направлению к Чите.

На митинге трудящихся Лазо рассказал о положении в Советской России, о причинах, вызвавших отход советских частей, о буржуазных чехословацких националистах — агентах мировой буржуазии. Свою речь Сергей Георгиевич закончил словами:

— …Мы не гибнем, мы не умираем, а временно захворали. Пройдет некоторое время… и мы, выздоровевшие, напряжем все мускулы и снова воскресим советскую власть, которую враги уже не одолеют.

Под напором огромных сил белогвардейцев и чехословаков отряду курсантов также пришлось отступать с боями на восток.

Бронепоезд под командованием Лазо отходил последним, принимая на себя яростные атаки наступающего противника.

Отступая на восток, отряд Лазо взрывал за собой железнодорожные мосты, разрушал пути, водокачки, телеграфные аппараты и связь. В этой сложной обстановке Лазо работал с исключительной энергией и выдержкой, мужеством и хладнокровием. Когда ему сообщали из того или иного эшелона о том, что пробравшиеся враги ведут там контрреволюционную работу, он немедленно отправлялся в этот отряд, разъяснял бойцам подлинный смысл вражеских провокаций, сурово наказывал виновных. Иногда достаточно было одного его появления, чтобы в отряде восстанавливался образцовый порядок.

Лазо вел жестокую борьбу с анархистскими бандами, которые мародерствовали, разлагали фронт.

На каком-то небольшом разъезде во время остановки поезда Лазо увидел на перроне солдата с винтовкой в руках и мешком за плечами. Из мешка несся отчаянный визг поросенка. За солдатом бежала женщина. Она плакала и причитала:

— Ты куда же, ворюга, последнего забрал? Беляки были — грабили, мужа моего зарубили. Теперь свои красные пришли — грабят… Да что же это за напасть!..

Лазо остановил солдата.

— Что у тебя в мешке? — спросил он строго.

— А тебе что? — нахально ответил мародер.

— Какой части? — не теряя хладнокровия, допытывался Лазо.

— Ирод, товарищ начальник, — сказала женщина, обращаясь к командующему. — Приставил ружье к плечу и кричит: «Волоки поросенка — ее то жизни решу!»

— Не волнуйтесь, товарищ, — успокоил женщину Лазо. — Поросенок не пропадет. Его доставят вам домой. — И снова обратился к солдату: — Какой части, спрашиваю?

— Я… отставший, — струсил грабитель, заметив вокруг Лазо группу красногвардейцев.

— Тебе зачем советская власть винтовку доверила?..

— Чтобы контру добивать, — едва пролепетал любитель поживиться чужим добром.

— А эта женщина тоже «контра»?

Ответа не последовало.

— Мать у тебя есть?

— Так точно… С Урала мы, чусовские.

— Пришел бы к твоей матери хулиган вроде тебя и стал бы ее грабить. Это как по-твоему?

— Виноват… возьмите, мамаша… звиняюсь. — И снял с плеч мешок с поросенком.

— Так дело не пойдет, — сказал Лазо. — Где взял, туда и снеси.

— Слушаюсь.

— Проводите его, — приказал Лазо одному из красногвардейцев. — А потом — в трибунал…

В огне гражданской войны, в постоянном общении и тесном содружестве с большевиками, под руководством которых он сражался за советскую власть, окончательно сформировалось мировоззрение Сергея Лазо.

Глубоко принципиальный, прямой, честный в своих мыслях, правдивый и искренний в поведении, он тщательно проверял свою готовность и право вступить в члены Коммунистической партии.

К этому времени Лазо убедился в том, что единственная партия, отражающая полностью интересы всех трудящихся, это партия коммунистов, возглавляемая В. И. Лениным.

В середине августа 1918 года, когда под напором врагов

советские части отступали и большевики готовились покинуть Читу, Лазо подал заявление руководству читинской и иркутской организаций с просьбой принять его в ряды большевиков.

В заявлении он указывал, что, борясь с первых же дней революции вместе с большевиками против контрреволюции, он убедился, что лишь партия большевиков, партия Ленина, является подлинно революционной партией рабочего класса и трудового крестьянства.

«Меня, — писал Лазо, — все окружающие считают большевиком… Впереди предстоит огромная, тяжелая и жестокая борьба с интервентами и белогвардейцами… Нас, возможно, ожидает глубокое подполье, пока на помощь не подойдут силы Красной Армии из Советской России. Я прошу вас оказать мне полное доверие — принять в ряды Коммунистической партии».

В такой необычной боевой обстановке Сергей Лазо был принят в Коммунистическую партию.

21 августа 1918 года в Чите на объединенном заседании пленума Центросибири, Забайкальского областного исполкома, Читинского совета депутатов, представителей фронта и других советских и партийных организаций был создан единый орган власти из девяти человек — Сибирский Советский Народный Комиссариат. В него, помимо Сергея Лазо, вошли: председатель Центросибири, участвовавший в революционном движении с 1905 года Н. Яковлев, большевик-подпольщик, приговоренный царским судом к каторжным работам, Н. Гаврилов, а также Д. Шилов, Ф. Балябин, Н. Матвеев и другие.

Враги наступали стремительно, и через несколько дней руководство Центросибири и ответственные гражданские и военные работники Забайкалья вынуждены были покинуть город. Они съезжались на станцию Урульга, чтобы там наметить дальнейший план действий. И когда Лазо со своим отрядом с беспрерывными боями подошел к Чите, он не мог здесь задерживаться. Надо было скорее добраться к своим товарищам на станцию Урульга. Но все же ненадолго Лазо остановился в Чите. В городе подняли голову враждебные советской власти элементы, которых поддерживали анархисты, и рабочие железнодорожных мастерских и депо просили его выступить у них на митинге.

25 августа в заполненном доотказа клубе народ с нетерпением ожидал начала митинга.

Вот вокруг зашумели, послышался гул одобрительных голосов, аплодисменты. На сцену, приветствуемый собравшимися, бодрой походкой шел Сергей Лазо.

Он поднял руку, приветствия стихли. Лазо рассказал об

успешно проведенной героической борьбе против семеновских банд и о надвинувшейся огромной опасности со стороны интервентов.

— Советы России крепки, сильны, непобедимы, — говорил он. — Сегодня мы разъединены и отделены от Советской России силами, враждебными революции, и потому не можем удержать свой фронт. Советы в Забайкалье сегодня вынуждены прекратить свою деятельность только для того, чтобы, собравшись с новыми силами, скоро, в недалеком историческом завтра, — победить навсегда.

Рабочие полностью разделяли убеждения Лазо, его неистребимую веру в победу над всеми врагами революции, но расставались они с ним с тяжелым чувством. Что ждет их и семьи с уходом революционных частей и прибытием интервентов и белогвардейских банд, в Забайкалье? Снова наступят мрачные времена диких насилий, мучений и расстрелов заподозренных в сочувствии советской власти… Многие рабочие уехали вместе с отрядом командующего.

Из Читы отряд Лазо отошел на станцию Карымская, а затем двинулся дальше по Забайкальской железной дороге на станцию Урульга. Здесь в последний раз заседал Центральный исполнительный комитет Сибири. На этом заседании присутствовали Н. Яковлев, Н. Гаврилов, С. Лазо, а также и члены Исполкома Славин, Лыткин, Исаев и другие.

Лазо сделал такое заявление:

— Товарищи, моя кандидатура в Центросибирь была выдвинута фракцией «левых» эсеров, в состав которой я раньше входил. Считаю «необходимым заявить, что с фракцией и организацией «левых» эсеров я окончательно порвал и вышел из ее состава. Поэтому прошу решить вопрос: имею ли я право считать себя членом Центросибири?

Председательствовавший Н. Яковлев разъяснил, что Лазо, порвав с «левыми» эсерами и перейдя к большевикам, не теряет мандата, так как он был избран не «левыми» эсерами, а съездом Советов и, таким образом, остается членом Центросибири.

В конце августа на станции Урульга была созвана конференция партийных, советских и военных работников, отступавших вместе с армией.

— Надо отвести войска из опасных мест, — говорил на конференции Лазо, — снабдить каждого бойца документами, деньгами, продовольствием и обмундированием… Остались неудовлетворенными железнодорожники, горные рабочие, рабочие приисков, работники революционных станиц. Мы обязаны обеспечить и этих товарищей…

Рабочие читинских мастерских и депо готовы были дать отпор наступавшим интервентам и белогвардейцам, но это повело бы только к огромным жертвам. Большевики убеждали рабочих временно отказаться от боя, чтобы сохранить силы и лучше подготовиться к будущим выступлениям. Лазо считал, что фронтовая война должна быть временно прекращена, и намечал другой путь — партизанскую борьбу.

— Но, — говорил Лазо, — партизанская борьба начнется не теми отрядами, которые мы в настоящее время имеем… Вы скажете: почему нам сразу не перейти на партизанский метод борьбы? Почему не разбиться на мелкие отряды и не начать немедленно действовать? Нет, мы этого сделать не можем. Немедленный переход к партизанской борьбе привел бы к гибели еще недостаточно окрепшие и немногочисленные революционные силы.

Лазо предлагал снабдить руководящих работников всем необходимым, чтобы они имели возможность продолжать революционную деятельность среди населения в городах и деревнях. Он говорил:

— Нам нужно итти в деревню и вести там революционную большевистскую работу, запасаться оружием. Деревня не помирится с белогвардейцами и интервенцией, примкнет к рабочим, партизанская борьба неизбежна.

Большинство участников конференции поняли, что Лазо прав, и поддержали его. Другого выхода в то время не было.

Чехословаки и белогвардейцы наступали широким фронтом. Высадившиеся им на помощь в Приморье войска японских, английских, французских и американских интервентов с боями двинулись к Хабаровску. Чжанцзолиновские сатрапы под давлением японцев нарушили соглашение с Советским правительством о том, что они не допустят формирования белогвардейских войск на территории Маньчжурии. Семенов собрал новую банду в четыре тысячи штыков и снова появился в Забайкалье.

Ряд частей Красной Армии, как, например, 2-й Аргунский полк, из-за чрезмерной усталости, плохого вооружения оказался не в состоянии сражаться с превосходящими его силами противника. 4-я сотня аргунцев разошлась по домам. Прикрывавшая отход артиллерии куенгинская сотня свернула в сторону, оставив благовещенскую батарею без охраны. Это было предательство, в результате которого семеновские банды захватили батарею, взяли в плен ее командира Кузнецова и убили его. На станции Оловянная белые захватили два бронепоезда.

Положение осложнялось еще и тем, что в ряды советских

частей пробрались не только политически бесхребетные люди, но и шпионы, негодяи, предатели. Выполняя задания врагов, они вели подрывную работу, призывали бойцов к ликвидации гражданской войны, уверяя при этом, что чехословаки удовлетворят «все требования демократии». Эта пропаганда разлагала отдельные воинские части, и те самовольно оставляли фронт. Отряды, оставшиеся верными советской власти, не могли, конечно, без снарядов и патронов сдерживать натиск белогвардейцев и интервентов.

Контрреволюция при содействии эсеров и меньшевиков, демагогически пользуясь громкими словами: «демократия», «учредительное собрание», «закон», «порядок» и т. д., вызвала колебание у некоторой части чрезмерно доверчивого середняцкого крестьянства и трудового казачества.

Лазо, учитывая и эти факты, говорил:

— Подождите немного. Партизанская борьба начнется не из тех отрядов, которые сейчас находятся у нас. И крестьяне, казаки — середняки, испытав на себе прелести хозяйничанья интервентов, бандитов, подобных Семенову, Калмыкову, чехословацкому и японскому офицерью, поймут на собственном опыте, куда привели их эсеры и меньшевики, и резко повернут свои силы в сторону Октябрьской революции и поведут совместно с рабочим классом под руководством Коммунистической партии решительную борьбу за торжество советской власти. Тогда мы развернем партизанскую войну. Сейчас же надо нам готовиться к ней, части распустить, удовлетворить бойцов всем, чем возможно.

И конференция приняла такое решение:

«Объявить всех контрреволюционеров… злейшими врагами народного дела и довести до всеобщего сведения, что организованные боевые дружины должны будут неустанно следить за их преступной работой и за кровь и страдания наших товарищей будут беспощадно им мстить.

Всем доблестным революционным войскам, выдержавшим многомесячную борьбу с врагами и оставшимися верными революционному долгу до конца, выразить глубокую братскую признательность»[23].

Военно-революционному комитету было поручено снабдить всем необходимым отряды, уходившие в тайгу, и в дальнейшем оказывать им нужное содействие и помощь.

Отряд Лазо отходил по Забайкальской на Амурскую железную дорогу. Любовно встречали и провожали его рабочие, помогая ему чем только могли.

На станции Зилово железнодорожники встретили поезд Лазо демонстрацией с красными знаменами, пением революционных

песен, лозунгами. Они организовали митинг, на котором выступил Лазо.

— Пролетарская революция победит — в этом не может быть сомнений, — говорил он. — Мы здесь, на далекой окраине, потерпели поражение: советская власть здесь пала. Белогвардейцам помогла зарубежная иностранная контрреволюция. Без нее мы быстро уничтожили бы белогвардейцев. Я, товарищи, знаю, какой вопрос больше всего мучает вас. Что дальше делать? Прежде всего не унывать, не падать духом, не поддаваться панике, не терять веры в победу, ни на минуту не забывать о борьбе, готовиться к ней, работать в подполье, вооружаться! Власть Советов здесь пала временно. Трудовой народ вновь сплотится, подымется, ряды бойцов умножатся во сто крат, и мы опять победим. Революционная Россия непобедима! Да здравствует партия большевиков! Да здравствует советская власть! — закончил свою речь Лазо под бурные овации собравшихся.

Его провожали к поезду с пением революционной песни:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе…

Основная масса красногвардейцев, перешедшая из Забайкалья, продвинувшись в Амурскую область по рекам Зее и Селемдже, рассредоточилась по деревням и селам, золотым приискам и лесным разработкам.

Лазо с небольшим отрядом отправился по Амурской железной дороге дальше на восток, выбирая более удобное место для ухода в тайгу. Он предполагал пробраться тайгой в Якутск, а оттуда снова в Сибирь.

Вскоре отряд прибыл на станцию Ерофей Павлович. Здесь надо было разойтись. Бойцам самим предстояло определить свой дальнейший путь.

Никогда еще, пожалуй, этот волевой, мужественный человек так не волновался, как теперь, прощаясь с боевыми друзьями. Не так уж много прожито вместе, а сколько пережито! Лишь громадное напряжение нервов и железная воля сохранили самообладание Лазо. Его прощальное слово было сердечным и кратким:

— Мы выполнили свой долг, временно расстанемся. Но победа придет! Думаю, что она не за горами. Разойдитесь пока по деревням и поселкам и готовьтесь к грядущим битвам. Мы еще встретимся с вами, друзья! А теперь примите от меня товарищеское спасибо за верную службу народу и революции.

Стояла удивительная тишина. Молча получали бойцы документы, деньги, продовольствие. Никому ни с кем и ни о чем не хотелось говорить. Каждый старался только поближе подойти к Лазо, пожать ему руку.

Вдруг раздался чей-то голос:

— Товарищ командующий, как же так: воевали вместе, а отступать врозь? И мы с вами. Куда вы, туда и мы!

Лазо, подавив вздох, сказал:

— Нет, товарищи, теперь вместе нельзя. Пока надо отдельно, так будет лучше для всех нас.

По указанию партии Лазо должен был уйти в тайгу с группой военных работников, к числе которых была и его жена Ольга Андреевна.

Только одному человеку, не числившемуся в этой группе, Лазо не мог отказать и взял его с собой. Это был молодой казак Виктор, вестовой, который прошел с Лазо Забайкальский фронт и безгранично любил командующего.

Уходить в тайгу решили со станции Малый Невер. Это была даже не станция, а разъезд, поезда здесь редко останавливались, и отсюда казалось легче скрыться незамеченными.

Машинист Агеев, часто помотавший революционным отрядам, привел небольшой состав на Малый Невер. Темной ночью Лазо и его спутники пересели на лошадей и взяли путь… Куда?..

И тут в сознании Лазо промелькнула вся жизнь. Вспомнились молдавские холмы и равнины, горячее солнце, вековые дубы на оргеевских дорогах, рыжий жандарм у афишной тумбы, старый сторож с колотушкой в кишиневском саду, студенческие сходки, карнавал в Дворянском собрании… Но почему-то ярче всего он увидел в своем воображении прощальный вечер перед отъездом в военное училище… «В темную даль» — так назывался рассказ, который прочитал вслух Юрий Булат… Да, в темную даль… Сейчас он действительно едет в темную даль… в неизвестность… в глухую тайгу… На небе ни звездочки, ни единого светлого пятнышка… Все небо обложено непроницае-мой толщей черных туч. Лошади чутьем находят дорогу… Темная, очень темная даль впереди… Но он знает, что за этой темной далью снова будет светить солнце, вновь начнется борьба за светлую жизнь.

Вначале попадались на дороге прииски — Васильевский, Бородинский, а потом лишь домики зимовщиков на таежном тракте напоминали о том, что и здесь, в глухом уголке, существует какая-то жизнь. Но и эти редкие домики — благодать. Можно было протопить печку, согреться, просушить одежду после осенних дождей, выпить кружку горячего чаю. Места для отдыха

надо было выбирать, конечно, с большой осторожностью, чтобы не встретиться случайно с белобандитами, которые рыскали в здешних местах в поисках бежавших с приисков рабочих или ушедших в партизаны крестьян.

До Якутска добраться не пришлось. Не успел еще Лазо со своей группой углубиться в тайгу и на сотню километров, как один старик зимовщик рассказал, что на приисках снова хозяйничают прежние владельцы и в самом Якутске также свирепствуют «беляки».

— Ну что же, — сказал Лазо товарищам. — Придется, видимо, прожить некоторое время в тайге и попытаться установить связь с подпольными партийными организациями.

Отрезанные от населенных мест, Лазо и его товарищи к наступившим холодам оказались в тяжелом положении. Жить пришлось на открытом воздухе, спасаясь у костров от леденящей стужи. Питались дичью — зверьем, птицей. Хлеб и соль доставлял знакомый зимовщик, оказавшийся человеком добросердечным, честным и благородным.

— Оставаться в таком положении невозможно, — сказал Лазо своим товарищам. — Давайте подумаем, что делать. У кого какие предложения?

Кто-то посоветовал разойтись по приискам, устроиться на работу и попытаться там установить связь с партийными организациями. Лазо возразил. Итти на прииски — значит наверняка попасть в лапы белогвардейских карателей. Найдутся предатели, и расправы не миновать.

— Умирать не страшно, — заметил Лазо, — если человек имеет перед собою высокую цель. Жизни не жалко. Но отдать ее надо не так, совсем не так…

Предложение уйти на прииски было отклонено.

Тогда один из видных военных работников, Фрол Балябин, заявил:

— Переберемся на китайскую сторону, там нас никто не выдаст, а когда положение немного изменится, вернемся домой и будем продолжать борьбу с контрреволюцией.

— Нет. Переходить на китайскую сторону нельзя, — сказал Лазо. — Там сильна японская агентура, во-первых, а во-вторых, контрреволюционная банда держит в Маньчжурии свою контрразведку. Предложение товарища Балябина неправильно. Возражаю решительно. Предлагаю перебраться в рабочие районы. Там можно будет связаться с подпольными большевистскими организациями и начать создавать партизанские отряды для борьбы с интервентами и контрреволюцией.

Группа разделилась. Часть во главе с Балябиным отправилась

на китайскую сторону, а Лазо решил пробираться в Приморье.

Возможность перехода на подпольную работу Лазо обдумывал еще в июне, когда англо-американские части захватили наш Север и двигались на соединение с чехословацкими войсками, выступившими на Волге, Урале и в Сибири. Лазо знал, что наиболее сильной по своему составу, по пролетарской прослойке и связям с населением была в то время приморская организация Коммунистической партии. Он был убежден, что она легче всех других может связаться и с внешним миром. Поэтому когда предстояло избрать место подпольной работы, Лазо решил во что бы то ни стало пробиться в Приморье.

С большими трудностями и предосторожностями Лазо и его товарищи добрались до станции Рухлово Амурской железной дороги… Здесь Сергея приютил в будке железнодорожник Иванов из оловяннинских мастерских, знавший его по Забайкалью.

Каждую минуту Лазо подстерегала смертельная опасность. Нужно было как можно скорее уйти отсюда.

Лазо решил поехать во Владивосток. Но как туда попасть? На железных дорогах царил жестокий террор. Белогвардейские офицеры и японцы постоянно совершали облавы в поездах, проверяли документы. Малейшее подозрение — и тюрьма, порка, пытки, смерть.

Документы — это пустяки. У Лазо на всякий случай были чистые бланки, и он изготовил три паспорта — себе, жене и Виктору. Но и с документами на чужое имя ехать далеко не безопасно. Лазо был слишком известен в здешних краях, и его легко могли узнать. К тому же нашлись бы и предатели, которые не прочь получить солидную плату от белогвардейцев или интервентов — ведь за поимку Лазо враги обещали большую награду.

Старый знакомый машинист Агеев, оказавшийся теперь на станции Рухлово, взялся провезти Лазо на своем паровозе. Но ведь это только до следующей узловой станции. А дальше? Нет, вариант неподходящий.

— Есть, нашел! — сообщил через несколько дней после долгих поисков и раздумий тот же Агеев.

— Ну, что ты нашел?

— Вот какое дело, товарищ Лазо.

И машинист предложил более или менее приемлемый выход из положения: сесть в теплушку к рабочим-китайцам. В то время на Дальнем Востоке для них в составе поезда были специальные теплушки. Агеев проследил, что белогвардейские ищейки обычно обходят своим вниманием китайские вагоны. Конечно, такая теплушка тоже не совсем надежна, — сами китайцы могли

невольно выдать Лазо и его спутников: почему вдруг русские сели к ним в вагон? Но делать нечего. Надо рискнуть.

И однажды ночью Лазо с женой и Виктором протиснулись в забитую доотказа китайцами теплушку, направлявшуюся в Хабаровск. Лазо удалось благополучно добраться до Хабаровска, а затем в такой же теплушке и до Владивостока, к берегам Тихого океана.

Это было в декабре 1918 года.

НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

Прошло уже около года, как интервенты начали осуществлять свой замысел — отрезать Дальний Восток от Советской России. На улицах Владивостока, как у себя дома, свободно разгуливали солдаты и офицеры многих стран мира.

Старожилы Владивостока никогда не забудут день 12 января 1918 года — первый день открытого наступления империалистов на тихоокеанское побережье молодой республики.

Утро не предвещало никаких происшествий. Чуть свет протяжно завыли паровозные гудки, и на набережной, запорошенной выпавшим ночью снегом, появились кряжистые грузчики, толпы рабочих Дальзавода и мастерских порта, матросы, кочегары, крановщики. Из грязных лачуг вышли китайцы-разносчики с корзинками на коромыслах:

— Лука! Лыба!.. Яичко!.. — нараспев оповещали они покупателя о своем скромном ассортименте товаров.

Над бухтой Золотой рог висели густые космы черного дыма, выбрасываемого из труб многочисленных пароходов и катеров. Звонко лязгали тяжелые якорные цепи, гудели сирены, визжали подъемники.

Трудовой день начался.

В море появились далекие дымки. Это шли суда из Канады и Японии. Они везли колесные скаты, цилиндры, котлы, вагоны и паровозы. Из пакгаузов на иностранные пароходы отгружали рыбу, морскую капусту, строевой лес, бобы, зерно и прочие грузы.

Все дышало мирной спокойной жизнью.

Но что это?

В полдень из-за острова Аскольда, скалистые берега которого отчетливо видны из Владивостокского порта, появились военные суда. Их нетрудно было узнать по вымпелам — белые полотнища с красными кругами. Впереди грузно шел крейсер, а за ним — два миноносца. Обогнув гранитный мыс острова, суда разошлись в разные стороны: крейсер направился к Золотому рогу, а миноносцы — к корейским берегам. Вскоре, просигналив с борта приказ «очистить место», в бухту вошел крейсер японского военного флота «Ивами». Теснее стали прижиматься к берегам океанские пароходы, расчищая дорогу нежданному гостю.

Весть о приходе японского крейсера быстро распространилась по всему городу. На набережную сбегались толпы людей.

Какие-то подозрительные личности с напряженным любопытством прислушивались ко всему, что говорилось вокруг.

Безукоризненно выбритые, прилично одетые господа протискивались между чумазыми куртками и пиджаками рабочих и исподволь заводили речь о том, что японцы-де ничего дурного никому не сделают и протестовать против них не следует. Но среди простых, людей эти разговоры не имели успеха.

Владивостокский совет послал японскому консулу решительный протест против самовольного прихода крейсера в русские воды. Ответ был получен в обычно вежливом японском стиле. Сообщалось, что военные суда посланы во Владивосток «с целью защиты своих подданных», что Япония нисколько не намерена вмешиваться «в вопрос о политическом устройстве России». Но всем было ясно, что приход крейсера — начало открытой интервенции.

Через два дня, 14 января, близ острова Аскольда появился английский крейсер «Суффольк». Прошло еще три дня, и в бухте бросил якорь второй японский крейсер, «Асахи». Вскоре в бухту Золотой рог пожаловал и американский крейсер «Бруклин».

Из всех нор вылезли на белый свет враги Октябрьской революции.

На Светланской улице близ порта в шикарном ресторане Кокина по вечерам собирались иностранные представители — штатские и военные; меньшевики, эсеры, кадеты, японские шпионы, спекулянты и шансонетки. Под переливы скрипок, гобоев, под звон бокалов шумная компания дельцов бурно спорила о том, кому достанутся горные богатства края — японцам или американцам.

Японцы уверяли, что их деловые круги не пожалеют денег, чтобы по-настоящему заняться добычей полезных ископаемых, а американские офицеры советовали своим партнерам по интервенции не строить воздушных замков: «наш капитал с гораздо большим успехом может разрабатывать дальневосточные недра». А когда споры разгорались особенно горячо и страстно, часто раздавался голос изрядно подвыпившего, экспортированного из США анархиста Двигомирова, известного в то время во Владивостоке демагога:

— Не болтайте, господа, глупостей. Все богатства принадлежат мировому человечеству. Никаких японцев и американцев! Все люди — братья. Разделим все блага между всеми поровну и будем счастливы.

Этот Двигомиров своими демагогическими криками о всеобщем разделе благ мира имел вначале некоторое влияние среди отсталой части рабочих. Чуть ли не ежедневно на самых людных улицах Владивостока, в порту, около мастерских появлялась его долговязая фигура с жирным лоснящимся лицом и

выпученными рачьими глазами. Одевался он «под рабочего». На нем обычно была черная косоворотка и пиджак. Вокруг этого «пророка грядущей жизни» постоянно толпились какие-то подозрительные личности обоего пола.

Вздумает «пророк» обратиться с речью к народу — его приспешники мигом сооружали из досок и пустых ящиков импровизированную трибуну. Взобравшись на нее, Двигомиров простирал в направлении порта и его складов свои длинные руки и, словно зловещая птица, начинал громко кричать:

— Люди! Перед вами огромные богатства. Все это создано вашими руками — вы хозяева. А Совет вам ничего не даст. Слушайте нас, анархистов!.. Мы говорим: берите все, это все ваше. Разделим все блага мира и будем счастливы. Да здравствует анархия — мать порядка!..

Владивостокские рабочие вскоре роняли и по достоинству оценили подлинную сущность этого «пророка» и его «идеи». Где бы он ни выступал, его обычно с позором сгоняли с трибуны. При этом часто возникали скандалы, драки, устраиваемые самими же анархистами.

Огромный вред приносил советской власти Двигомиров со своей бандой. Японцы получали лишний козырь для оправдания интервенции: Советы-де не в состоянии обеспечить «проживающим во Владивостоке и его окрестностях японским гражданам» тишину и спокойствие. Меньшевистская газетенка «Далекая окраина» публиковала речи Двигомирова и тут же комментировала их: вот, мол, еще одно доказательство несостоятельности советской власти — в городе процветает анархия.

Советам, опиравшимся на передовые массы рабочих, приходилось проводить особенно четкую и твердую 'политику, чтобы в окружении многочисленных темных сил создавать вооруженные отряды Красной гвардии, укреплять милицию и с их помощью поддерживать в городе революционный порядок.

Черные тучи сгущались с каждым днем все больше и больше.

Никакими средствами не гнушались империалисты, чтобы мешать нам строить новую, свободную жизнь.

Борясь против саботажа капиталистов, стремившихся закрыть предприятия и создать безработицу, советские организации установили рабочий контроль на заводах, фабриках, в порту, на таможне, в горной промышленности. Империалисты через своих консулов во Владивостоке ежедневно по любому поводу посылали протест за протестом. Они защищали белогвардейцев, протестовали против рабочего контроля, против назначения

комиссаров в банк, на почту, телеграф, таможню, против собраний матросов, против национализации заводов и фабрик, даже тех, которые разрушались, брошенные капиталистами, против репрессий по отношению к саботажникам и вредителям, подкрепляя свои протесты присылкой новых военных кораблей.

Слабо развитое тогда в Приморье сельское хозяйство не могло обеспечить население собственным хлебом. Ежегодно по соглашениям китайские экспортные конторы поставляли в Приморье пшеницу и другое зерно. Консулы США, Англии, Франции в Харбине сговорились с белогвардейским генералом Хорватом, бывшим в то время управляющим Китайско-Восточной железной дорогой, и бежавшими из России главарями российской контрреволюции и объединенными усилиями заставили китайских чиновников закрыть границу. Лишь после решительного протеста партийных, советских, профсоюзных и всех других общественных организаций Дальнего Востока и Сибири, поддержанного китайскими и корейскими рабочими, китайские власти вынуждены были пропустить через границу закупленную в Маньчжурии пшеницу в Приморье.

По всему Дальнему Востоку и Сибири начали возникать подстрекаемые международным капиталом вооруженные банды. Помимо Семенова, появились атаманы Орлов, Калмыков и многие другие. То там, то здесь вспыхивали белогвардейские мятежи. 6 марта атаман Гамов захватил власть в Благовещенске. Недолго, правда, пришлось ему хозяйничать в городе. Через несколько дней революционные войска разгромили мятежников. Гамов вместе с эсером Кожевниковым, бывшим комиссаром Временного правительства по Амурской области, и жалкими остатками банды бежал за границу, ограбив казначейство на тридцать семь миллионов рублей.

Едва затихли пушки под Благовещенском, пришли вести о том, что империалисты совместно с предателями родины Гучковым, Колчаком и Путиловым разработали план военной интервенции. По этому плану Уссурийскую дорогу должна была занять Америка, Амурскую и Забайкальскую, до Иркутска, — Япония.

Все было готово для осуществления этого злодейского замысла. Не хватало только какого-нибудь повода, чтобы оправдать перед мировым общественным мнением захват российской земли.

И японские империалисты стали его придумывать, прибегая к самым гнусным провокациям.

Вначале их шпионы и агенты вместе с контрреволюционными элементами пытались террором населения — грабежами,

нападениями на отдельных лиц днем на улицах — доказать несостоятельность советской власти. Когда Совет принял решительные меры против бандитизма, враги 4 апреля убили двух и ранили одного — своих же японцев, работавших во владивостокском отделении конторы «Исидо».

Не прошло и суток, как командующий японской эскадрой контр-адмирал Хирохару Като обратился к населению Владивостока со следующим воззванием:

«К сожалению и неожиданности, ныне в городе произошли среди бела дня убийство и ранение трех японцев, что заставило меня принять на свою ответственность защиту жизни и имущества подданных Японской империи, и, следовательно, я принужден высадить десант с вверенной мне эскадры и принять меры, какие считаю соответствующими. О дальнейшем направлении испрошена у императорского правительства инструкция».

Были, конечно, в этом воззвании и приличествующая этикету доза любезностей в адрес русских властей и русского народа и разглагольствование о чувстве глубокой дружбы.

5 апреля в девять часов утра с японских броненосцев начали спускать катера, шлюпки, и вскоре к деревянному молу стали причаливать войска, походные двуколки, кухни, пулеметы. Четко отбивая шаг, длинной вереницей потянулись в город колонны солдат и офицеров.

Вслед за японцами по Светланской улице промаршировали две роты солдат в сопровождении отряда моряков, высаженных с английского крейсера.

25 апреля во Владивосток прибыли эшелоны чехословацких войск. Они были встречены советской властью предупредительно, дружелюбно. Им отвели лучшие казармы крепости, их снабжали лучшими продуктами, обмундированием. Словом, было проявлено внимание, как к родным братьям.

Члены буржуазного Национального чехословацкого совета доктор Гире, Шпачек, Гурба и другие отметили хорошее отношение советской власти признательностью и благодарностью.

— Мы идем туда, — заявляли они, — где можем безотлагательно продолжать борьбу против наших вековых угнетателей — германцев, — на французский фронт. К России, как к братской славянской стране, мы всегда были и будем лойяльны. Как демократический народ, мы приветствуем свержение царского режима, попиравшего человеческие права, но в дальнейшую борьбу русского народа мы не вмешивались и вмешиваться не будем…

Но это были фальшивые слова.

Чехословаки и не думали уезжать из Владивостока. Ясно было, что империалисты подкупили их для свержения советской власти в Приморье.

Следует отметить, что далеко не все чехословацкие войска принимали участие в выступлении интервентов.

2 июня, вскоре после прибытия во Владивосток, революционно настроенные чехословацкие солдаты организовали Комитет коммунистов, который начал издавать на родном языке свою газету «Правда». В восстании 29 июня из пятнадцати тысяч чехословацких солдат, находившихся во Владивостоке, участвовало немногим больше половины. Три чехословацких полка были разоружены тогда за отказ выступить против Советов.

В такой сложной политической обстановке Советы энергично проводили в жизнь декреты правительства о национализации земли, рабочем контроле, организовывали армию для борьбы с многочисленными врагами родины, которые в то время заполонили весь наш Дальний Восток и Сибирь.

В ночь на 29 июня интервенты всех мастей вместе с чехословаками, белогвардейцами, эсерами и меньшевиками выступили против Советов, арестовали членов Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, многих активистов, членов партии и сочувствующих ей, заняли все правительственные учреждения Владивостока и свергли советскую власть. Маленький гарнизон города не мог противостоять этой силе.

Лицемерно распинаясь в «дружбе и симпатии к русскому народу» и пугая опасностью, которая якобы грозит от «открытой и тайной работы австро-германских военнопленных, шпионов и эмиссаров», интервенты заявили, что берут город Владивосток и его окрестности под временную охрану союзных держав. Во главе полиции был поставлен американец Джонсон.

Чехословацкие части и белогвардейские банды стали продвигаться от Владивостока к Благовещенску. Образовался Уссурийский фронт. Красногвардейские отряды Приморья вначале успешно отбивали попытки врагов пробиваться на север. Но вскоре в бой вступили японская дивизия, несколько батальонов английских, американских и французских войск. Создался огромный перевес сил в пользу интервентов. Красногвардейцы вынуждены были с боями отходить к Хабаровску и далее.

В. И. Ленин писал тогда:

«Внешний враг Российской Советской Социалистической Республики, это — в данный момент англо-французский и японо-американский империализм. Этот враг наступает на Россию

сейчас, он грабит наши земли, он захватил Архангельск и от Владивостока продвинулся (если верить французским газетам) до Никольска-Уссурийского. Этот враг подкупил генералов и офицеров чехословацкого корпуса. Этот враг наступает на мирную Россию так же зверски и грабительски, как наступали германцы…

Англо-японские капиталисты хотят восстановить власть помещиков и капиталистов в России…» [24]

V съезд Советов Дальневосточного края, происходивший тогда в Хабаровске, в своем воззвании к трудящимся Америки, Англии, Японии и Франции рассказывал о враждебном отношении, злодеяниях, грабежах, творимых правительственными войсками их стран на советской территории. Съезд требовал, чтобы виновники этих зверств были наказаны, а войска немедленно отозваны.

Обращаясь к населению края с призывом бороться с интервентами и белогвардейцами, съезд заявлял: «…Мы будем бороться всеми силами, имеющимися в нашем распоряжении. Ни одной пяди своей социалистической родины не уступим без боя. Если же под напором огромных вражеских сил мы должны будем отойти от теперь занятых нами позиций, то сделаем это лишь в последнюю минуту… для того, чтобы, собравшись со свежими силами, вновь ринуться на обнаглевших врагов»[25].

После захвата чехословацкими мятежниками Владивостока Масарик в письме государственному департаменту США униженно просил признать Национальный совет как представителя будущего правительства чехословацкого государства. Цинично восхваляя свои заслуги, он писал:

«Я располагаю тремя армиями (в России, Франции, Италии) и являюсь, я бы сказал, господином Сибири и половины России».

А в меморандуме правительству США Масарик делит нашу страну на куски, рекомендуя объединить Сибирь и Урал с восточной частью России вплоть до Волги. И при этом нагло пишет:

«Я должен предостеречь против часто выдвигаемого лозунга: «русский народ должен сам решить, сам себе помочь» и т. д. В настоящее время русского народа не существует, поскольку он дезорганизован!»

Он убеждает американское правительство: «…Большевики не могут руководить Россией и навести там порядок».

Так империалисты в злобной ненависти к социалистической революции делили между собою Россию, считая себя ее хозяевами, одним росчерком пера хотели ликвидировать великий русский народ и установить неспособность большевиков навести

порядок в своей стране.

Коммунисты Владивостока ушли в подполье.

На Тихом океане наступили бурные дни.

В «ТАЕЖНОМ ДВОРЦЕ»

Чертежник Козленко не вызывал у хозяина никаких подозрений.

Мужчина вежливый, аккуратный. Хоть и молод, а бороду носит, — видать, солидный.

Все имущество приезжих было более чем скромным: два старых тулупа и кое-какая мелочь в солдатском сундучке. Хозяин оказался человеком довольно любезным — принес откуда-то ящик, соорудил из него стол, протопил печь, и стало как будто даже уютно.

Но жизнь на кухне, хоть и в подходящем тихом рабочем районе — Голубиной пади, — была не столь уж привлекательной, и семья чертежника попыталась найти более подходящее жилье.

И случай скоро представился. В той же Голубиной пади сдавал комнату врач.

Комната была хорошая, но мебели никакой. Чертежник смастерил из досок козлы, устроил кровати, сделал стол, табуретки. И обед нужно было приготовить: жена поступила на работу, наклеивала бандероли на папиросы в таможне. Приходилось иногда заниматься и черчением, чтобы оправдать как-то свою специальность.

Обаятельный образ «чертежника», его ум и богатые душевные качества ярко рисует в своих воспоминаниях А. Фадеев.

«В январе 1919 года мне поручили проводить большевика Дельвига с квартиры в Рабочей Слободке, где он скрывался, на Первую Речку, где жили двое железнодорожных рабочих-большевиков: один — Ершов, другого — фамилии не помню — звали «дядя Митя»… Я был тогда очень молодым членом партии, работавшим главным образом по всяким техническим поручениям. Провожал я Дельвига уже поздно вечером… У Ершова и дяди Мити мы застали довольно много народа… Среди всех этих людей я обратил внимание на одно очень примечательное лицо. Представьте себе молодого человека лет двадцати трех, ростом выше всех на голову, с лицом поразительной интеллектуальной красоты. Смуглое лицо, брови крылатые, волосы черные, густые, глаза темные, поблескивающие, черная вьющаяся бородка. А в движениях какая-то угловатость, характерная для людей застенчивых. Все были оживлены, давно не виделись друг с другом, а он чувствовал себя, как мне сначала показалось, неловко среди всего этого оживления. Но это впечатление рассеялось, когда он заговорил: голос у него был

очень решительный, громкий, он чуть картавил — приятной такой картавостью.

Я обратил внимание на него не только потому, что у него была такая необычная внешность, а и потому, что заметил, что многие из присутствующих относятся к нему по-особенному — нежно и уважительно…»

В этот вечер Лазо делал доклад о текущем моменте. Он поразил всех собравшихся своей необычайной логикой, глубоким анализом империалистических противоречий на Тихом океане.

«Примерно часа в три или четыре ночи, — продолжает А. Фадеев, — я отвел Дельвига обратно, а потом вернулся к себе на квартиру, где жил вместе со своим двоюродным братом Игорем Сибирцевым… Он достал из кармана несколько листков бумаги и сказал:

— Посмотри, какие тезисы!

Я взглянул. Эти листочки были исписаны Химическим карандашом очень ровным, четким почерком. Я начал читать и понял, что это тезисы того доклада, который я слышал. Они были так написаны, что любой человек мог разобрать каждое слово. Тезисы были точные, ясные, сжатые. Я еще не знал, чей доклад слышал и чьи это тезисы, — не удержался и спросил: «Кто их написал?» И тут я впервые услышал о Сергее Лазо.

— Какая изумительная логика, — сказал я брату. — Как все точно сформулировано!

— Да это же изумительный человек: прекрасный математик, блестящий шахматист. И это, очевидно, у него сказывается во всем. Это один из крупнейших наших работников. Он был командующим Забайкальским фронтом и проявил себя как исключительно талантливый полководец в борьбе с Семеновым.

Более близко я познакомился с Лазо уже во время партизанского движения на Сучане…»

Контрразведчики интервентов и белогвардейцев узнали о прибытии Лазо в Приморье. Ищейки сбились с ног, — они метались по городу, заглядывали в лица прохожих. Как хотелось шпикам поймать где-нибудь именитого «красного» и доставить его по начальству! Повышение по службе, деньги — чего только не обещали тому, кто избавит Дальний Восток от грозного прапорщика, побеждавшего в боях многоопытных генералов.

Однажды хозяин квартиры вошел в комнату своего квартиранта необычайно возбужденным:

— Сенсация, господин Козленко! — воскликнул он.

— А что такое?

— Вы не слышали? Говорят, что это чудовище Лазо здесь!

— Простите, не понимаю, — сказал чертежник. — Какой Лазо?

— Вы ничего не знаете о Лазо? Удивляюсь, — недоуменно пожал плечами квартирный хозяин. — Ну, этот прапорщик, который принес столько огорчений атаману Семенову!

— Ах да, да! Что-то как будто где-то слышал.

— Ну вот. А теперь, говорят, пробрался сюда.

— Скажите, пожалуйста! — сочувственно заметил чертежник. — Действительно… История…

В этот же день на квартире рабочего-коммуниста Николая Меркулова собрались члены подпольного Дальневосточного областного комитета партии.

— В городе Лазо оставаться больше невозможно, — сказала секретарь обкома Мария Михайловна Сахьянова. — Всюду его ищут. Какие будут суждения по этому вопросу?

Суждения были очень короткими. Все единодушно решили, что необходимо уберечь Лазо от грозящей ему опасности, законспирировать его и скрыть в надежном месте.

На другой день чертежник Козленко предупредил хозяина квартиры о том, что он должен уехать из Владивостока.

— Работы нигде найти не могу, не на что жить.

— Какая жалость! Куда же теперь?

— Попытаюсь пробраться на запад.

— Желаю успеха!

И, попрощавшись по-дружески с квартирохозяином, чертежник с женой, забрав свой сундучок, уехал.

Куда?..

После трагической ночи с 28 на 29 июня, когда интервенты и белогвардейцы совершили контрреволюционный переворот, во Владивостоке начался террор. В ту же ночь был арестован председатель Совета К. Суханов, бывший петроградский студент, речь которого на собрании сибирских землячеств произвела на студента Лазо такое большое впечатление. Вместе с К. Сухановым[26] арестовали члена Исполнительного комитета Совета Д. Мельникова и многих других ответственных работников Совета и партии.

…Контрразведчики разыскивали большевиков для расправы над ними. Жить в городе стало невозможно. Комитет партии предложил группе руководящих работников перебраться в тайгу. В вырытой в надежном месте землянке решили поселить Сергея Лазо и его неизменного адъютанта по Забайкальскому фронту Мишу Попова, который в это время также находился в Приморье.

Выехать из Владивостока было не легко. Следовало иметь

разрешение и пропуск коменданта крепости. Технический отдел подпольного комитета партии работал блестяще, и пропуска, изготовленные им, с приложением казенной печати принимались контролерами контрразведки за настоящие. Лазо и Попов благополучно добрались по железной дороге до 26-й версты, а отсюда пошли к землянке по таежным тропам.

Землянка была маленькая, человека на два-три, а к приходу Лазо в ней находилось уже восемь товарищей: сучанский шахтер Иван Давыдов, студент Виктор Владивостоков, председатель Центрального бюро профсоюзов Владивостока Григорий Раев, член Владивостокского исполкома Федор Шумятский, член Благовещенского исполкома В. Павилихин, секретарь Благовещенского совета Боборыкин, автор этой книги и красноармеец Сальников.

Тепло и радостно встретили Сергея Лазо и Мишу Попова друзья, знавшие их по совместной борьбе на Забайкальском фронте.

Вскоре Лазо заявил товарищам:

— Надо немедленно взяться за строительство новой землянки, а то мы здесь задохнемся. Я уже присмотрел подходящее место на самом верху ущелья, где все заросло «чортовым деревом». Там никто до нас не доберется.

Место действительно было отменное. Кругом густой лес и непроходимый колючий кустарник. Пожалуй, даже зверю трудно было пробраться через эти самой природой созданные заграждения. У подножья крутой отвесной скалы и началось строительство «дворца».

В характере Лазо была прекрасная черта: задумав какое-либо дело, он не успокаивался до тех пор, пока не доводил его до конца. Так было и с «таежным дворцом», как в шутку называли новую постройку. Все были мобилизованы на строительство. Работали с утра до поздней ночи. Больше всех трудился Лазо, показывая пример другим. Он таскал из глубокой лесной чащи тяжелые бревна, ставил стропила и подпорки, клал венцы и ни разу при этом не пожаловался на усталость или мороз, который изрядно давал себя чувствовать. Работая, он негромко напевал и подбадривал товарищей.

Недели две упорного и напряженного труда — и удалось построить довольно хорошее помещение, в котором можно было разместить человек пятнадцать. В сравнении с прежней землянкой действительно «дворец». Он имел более четырех метров в ширину и метров десять в длину. В нем была настоящая дверь, три маленьких окошечка. Спали на нарах, покрытых толстым слоем мягкой травы и соломенными циновками, —

чудесная постель по тем временам! Ни одной лампы, конечно, не было, — их заменяли коптилки. К вечеру окошечки закрывались с наружной стороны, хотя в этом и не было особой надобности: глухая стена леса защищала «дворец» от посторонних взоров.

Новое жилье потребовало и новых забот.

В старой землянке была сложена из камня печурка, и это вполне всех устраивало. Теперь надо было думать о настоящей печке: обогреть большое помещение печуркой оказалось невозможным.

Но где взять такую печку?

— Выстроили дворец, достанем и печку. — сказал Лазо.

Утром он неожиданно исчез, никого не предупредив. Прошел день — Лазо не возвращался. Обитателей «дворца» охватила тревога. Вечером поднялась снежная буря. Тайга шумела. На поиски Лазо была послана разведка. Она бродила всю ночь и вернулась без него. Всех обуревали тяжелые мысли. Не заблудился ли он? Не попал ли в руки врагов? Так прошел еще день. Ночью, сквозь свист и завывание ветра, вдруг послышался шум и треск, словно неподалеку от «дворца» через чащу пробиралось несколько человек. Все взяли винтовки, приготовились к обороне. Но вот между деревьями показалась крупная фигура человека. Он шел, покачиваясь под какой-то громоздкой ношей, задевая ею за деревья, ломая сучья. Фигура приблизилась.

— Сергей! — воскликнул кто-то.

Действительно, это был он, нагруженный железной печкой, трубами к ней, постелью, продовольствием.

— Не замерз, Сергей?

Я мороза не боюся,
Я у печки согреюся… —

торжествующе запел он, свалив свой груз у ног таежников.

Все радовались благополучному возвращению Лазо, благодарили за трофеи, добытые, как оказалось, под самым носом у врага. Однако самостийность, самовольный уход из землянки были осуждены, и Сергей обещал впредь не совершать подобных путешествий.

С этого времени во «дворце» стало совсем уютно и хорошо.

Иногда по вечерам, когда за окнами шумела вьюга, кто-нибудь из товарищей тихо заводил песню. Так же тихо ее подхватывали другие, и на душе таежников становилось как-то по-особенному тепло. Пели «Замучен в тяжелой неволе», «Ермака», «Варшавянку», «Дубинушку». Пели украинские песни.

Лазо тоже любил петь и подтягивал своим приятным голосом.

За стеной «дворца» спала тайга. Каждый звук, даже легкий шорох отчетливо долетал до ушей. Стоило пробежать лисе, зайцу, или кроту начать рыть нору, как все умолкали, настораживались. Иногда кто-нибудь выходил наружу, полз по лесу, стараясь отыскать невидимого врага.

Лазо всегда оставался спокойным. Он хорошо знал тайгу, умел распознавать всякие шорохи и приметы и часто высмеивал своих подчас не в меру осторожных друзей.

— Чего вы испугались? Это же самый обыкновенный крот. Давайте спать.

И, укрывшись одеялом с головой, засыпал моментально, как ребенок.

Комитет партии присылал литературу — все, что мог найти. Во «дворце» постепенно накапливались книги и образовалась небольшая, но ценная библиотека.

Когда кончались дневные заботы о дровах, продовольствии, воде, затихали споры, разговоры, песни и все крепко засыпали, у лежанки Лазо еще долго светилась самодельная коптилка, при свете которой он читал. Сергей читал быстро, очень сосредоточенно и в то же время успевал делать необходимые записи. Часто, отрывая глаза от книги, он задумывался, брал тетрадь и отмечал в ней свои мысли и замечания по поводу прочитанного. Потом снова погружался в чтение — и так до глубокой ночи.

Лазо изучал в тайге новые произведения В. И. Ленина.

Работу Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» Лазо называл гениальным трудом, непревзойденным по логике и силе защиты прав рабочего класса. Он восхищался глубоким анализом внутреннего положения России, разоблачением предательской политики меньшевиков, эсеров и прочих антисоветских элементов и партий.

— Да, да, — говорил Лазо, — контрреволюционеры не собьют нас с правильного пути. Нас не запугают интервенты и буржуазия. Они потерпят жестокое поражение от рабочих и трудящихся крестьян. Ленин прав: прочная победа в России обеспечена пролетариату.

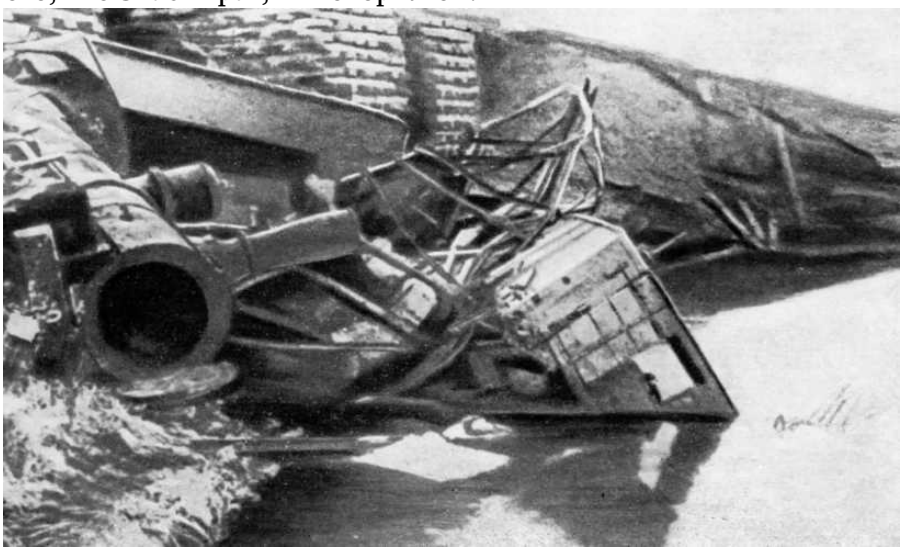
Не раз Лазо говорил о необходимости переиздать во Владивостоке статьи В. И. Ленина, как только появится для этого возможность.

— Хорошо будет, если каждый рабочий, крестьянин, казак, вся наша замечательная молодежь будет знать работы Владимира Ильича… Книги Ленина надо издавать большими тиражами.

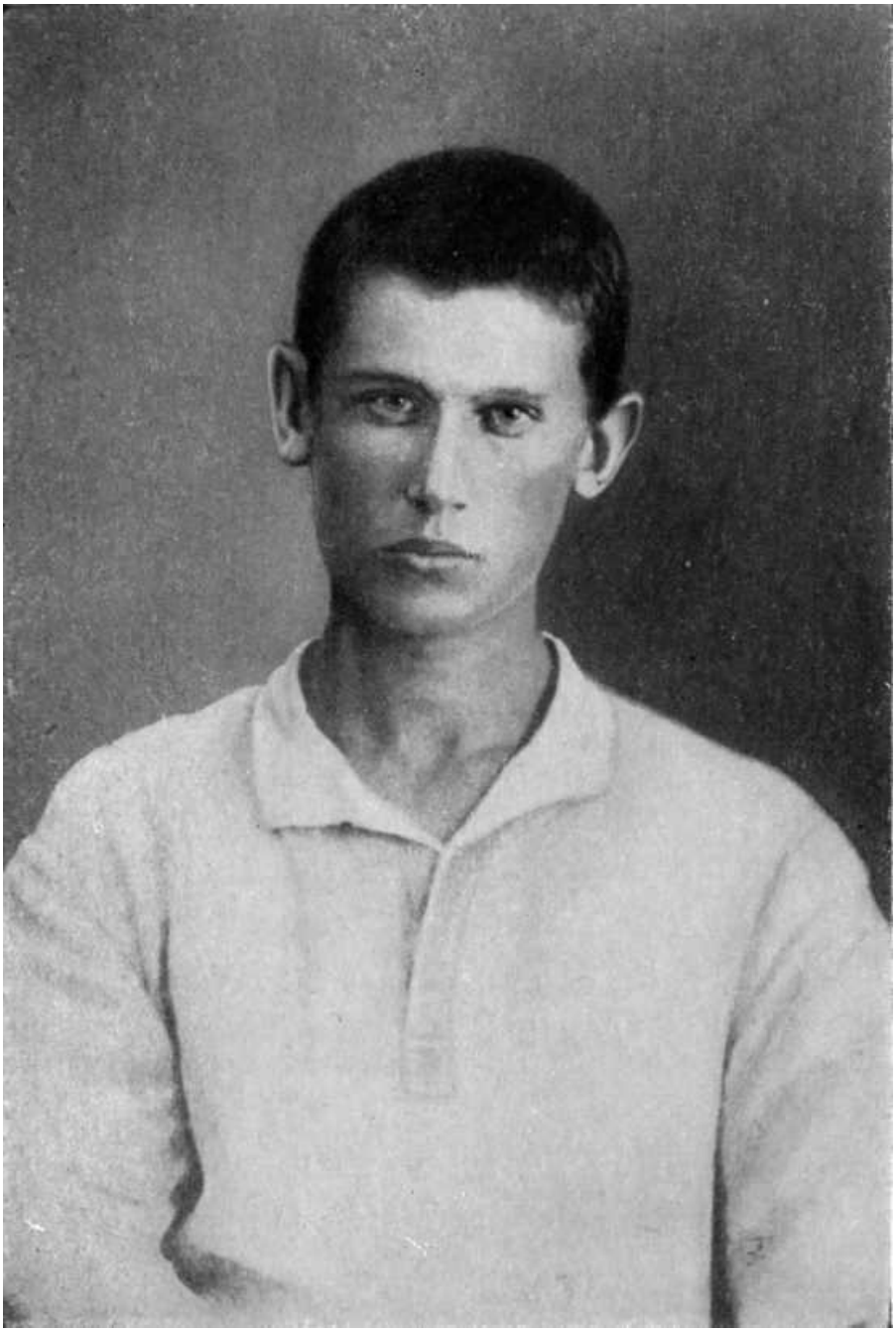
Одновременно с трудами В. И. Ленина Лазо продолжал

усиленно изучать военное дело. Главной вооруженной силой интервентов на Дальнем Востоке была японская армия. Именно поэтому Лазо внимательно прочитывал все, что могло дать о ней наиболее полное представление.

— Для того чтобы врага победить, надо прежде всего его изучить, надо его хорошо, знать, а главное — надо знать больше того, что знает враг, — говорил он.



Поезд, взорванный партизанами на мосту Уссурийской железной дороги.



А. А. Фадеев.

Лазо интересовался книгами о японской стратегии и тактике, читал много военной литературы. Увлекался он и книгами по специальным техническим вопросам — механике, беспроволочному телеграфу. И, как всегда прежде, занимался

математикой, историей, философией.

В списке прочитанных Лазо книг за 1918–1919 годы, кроме произведений Маркса, Энгельса, Ленина, десятки названий художественных произведений русской и мировой классики. Это был талантливый, всесторонне образованный, постоянно и упорно работавший над собой человек.

В «таежном дворце» пришлось прожить три долгих зимних месяца. Это вынужденное бездействие было бы для всех гораздо более тяжелым, если бы в землянке не было Сергея Лазо, замечательного собеседника, неутомимого рассказчика, каждый день находившего для товарищей какое-нибудь интересное и полезное занятие.

Когда связисты комитета привозили газеты и свежую информацию, во «дворце» становилось шумно. Обсуждались новые вести о Советской России, о Красной Армии, о врагах и борьбе с ними.

Лазо мог долго, бесконечно говорить о будущем.

— Это будет прекрасное время! — мечтательно восклицал он.

В ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДАХ ПРИМОРЬЯ

К весне 1919 года Колчаку с помощью интервентов удалось создать четырехсоттысячную армию. Он прорвал линию наших войск и захватил ряд городов. Опьяненное первыми успехами, колчаковское командование решило форсированным маршем пройти к Волге. Оно рассчитывало соединиться в районе Самары с Деникиным, подходившим с юга, и затем общими силами повести наступление на Москву.

3 апреля 1919 года на чрезвычайном заседании пленума Московского совета рабочих и красноармейских депутатов Ленин говорил:

«Все силы международных капиталистов хотят нам дать этой весной последний бой. К счастью, это силы дряхлеющего, умирающего, безнадежно больного старика — международного капитализма. Но, как бы то ни было, сейчас военные силы, скопленные против нас, чрезвычайно велики. В частности, Колчак двинул теперь все свои резервы, он имеет у себя добровольцев-белогвардейцев, банды очень внушительных размеров, он имеет помощь Англии и Америки оружием и припасами в громадных размерах» [27].

Надежды и мечты врагов оказались несбыточными. Красная Армия к тому времени окрепла, в нее влились войска, организованные из коммунистов и пролетариев Ленинграда, Москвы, Иваново-Вознесенска. Под руководством М. В. Фрунзе Красная Армия перешла в решительное наступление, заняв сначала Уфу, а затем в ожесточенных боях отбросив силы интервентов и колчаковцев за Урал. Деникинские войска были остановлены на линии река Сейм — Лиски — Балашов, а войска Юденича отогнаны за Ямбург.

В Приморье же продолжала свирепствовать контрреволюция.

Зверства эсеро-меньшевистского сибирского «правительства» бледнели в сравнении с тем, что пришлось испытать народу, когда «верховным правителем России» водворился Колчак. Карательные отряды интервентов, атаманов Дутова, Анненкова, Красильникова и многих других сподвижников «верховного правителя» с невероятной жестокостью расправлялись с теми людьми, на которых падало хотя бы малейшее подозрение в сочувствии советской власти.

Для пополнения своей армии Колчак объявил призыв

молодежи на военную службу. Дальневосточный обком партии обратился тогда к рабочим и крестьянам с воззванием:

«Мы обращаемся к вам с призывом, — ответить на эту мобилизацию дружным отказом. Пусть в ряды контрреволюционной армии идут только те, кто с охотой будет защищать правительство купцов и спекулянтов. Пусть в рядах этой армии не будет ни одного рабочего и ни одного крестьянина.

…В дни тяжелых испытаний для трудового народа, когда над ним висит старая плеть и нагайка, дружнее сомкните свои ряды, покажите этому правительству, что вы его не признаете, что вы не дадите ему ни одного солдата…»

Этот призыв встретил у населения горячее сочувствие и поддержку. Сельские сходы Загорской, Николо-Михайловской, Озерной, Кедровской, Бельцовской, Архангельской, Успенки, Степановки, Ивановки и других деревень вынесли постановление: «Не давать солдат в колчаковские отряды».

Лозунги: «Ни одного солдата Колчаку», «На борьбу с врагами трудящихся», — стали самыми популярными среди населения Приморья, Амура и Забайкалья.

Молодежь отказывалась итти в армию «верховного правителя России».

Колчаковские и японские карательные отряды стали рыскать по селам, вылавливать «дезертиров», расправляться с ними, их родными и близкими. Тем, кто твердо решил не служить Колчаку, не оставалось ничего другого, как уйти в тайгу или в отдаленные от контрреволюционных гарнизонов селения. Но и там нельзя было просто отсиживаться, дожидаясь прихода Красной Армии. Надо было защищать свои семьи от грабежей и насилия белогвардейцев и интервентов. Создавалась очень благоприятная обстановка для быстрого развертывания партизанского движения.

Перед партийной организацией края со всей остротой встал вопрос: что же делать дальше? Некоторые товарищи считали, что развертывать в данный момент партизанское движение нельзя, так как это приведет к бессмысленному истреблению пролетариата, революционной части крестьянства и казачества, а также и самих организаторов-коммунистов. По их мнению, надо было накапливать силы, вооружение, снаряжение, заняться политической работой в массах, а потом, когда Красная Армия разобьет интервентов и колчаковцев в Сибири и они в панике начнут отступать на Дальний Восток, бросить все на окончательный разгром врага. Это была неправильная линия, — она противоречила директивам Центрального Комитета партии, фактически помогала интервентам и белогвардейцам.

Другая группа товарищей настаивала на том, чтобы немедленно и максимально расширять партизанское движение. Она доказывала, что необходимо всеми мерами расшатать в городе и деревне колчаковскую государственную машину, разрушить железнодорожный транспорт, чтобы помешать интервентам и белогвардейцам подвозить войска, вооружение, снаряжение и продовольствие своим воинским частям. Нужно было также дезорганизовать работу на фабриках, заводах, в порту, на судах, вести агитацию среди белых и интервенционных войск, призывая их драться не с рабочими и крестьянами Советской России, а с капиталистами и помещиками. Кроме того, партизанские отряды должны уничтожать живую силу противника, по возможности отвлекать ее от сибирского фронта, чтобы облегчить продвижение Красной Армии из Советской России на восток.

Споры были разрешены на Дальневосточной конференции в апреле 1919 года, на которой были представители всех подпольных большевистских организаций Иркутска, Забайкалья, Приамурья и Приморья. Мнение второй группы получило огромное большинство голосов. Делегату конференции Лазо поручили разработать план развертывания партизанского движения и снабжения партизанских отрядов всем необходимым для успешной борьбы. Вернувшись в «таежный дворец», он горячо принялся за дело.

В это время из Москвы прибыл представитель Центрального Комитета партии, член Военно-революционного комитета Сибири Дмитрий Дмитриевич Киселев. Его приезд влил много бодрости и уверенности в ряды партийных работников, отдаленных от Советской России тысячами километров. Они с радостью узнали, что против интервентов и белогвардейцев создается трехмиллионная рабоче-крестьянская Красная Армия, что усиливается подпольная работа партийных организаций Красноярска, Иркутска, Верхнеудинска, Читы, Благовещенска. Стало известно и о том, что партизанское движение охватило всю Сибирь, Забайкалье, Амурскую область. Д. Д. Киселев передал также указания Центрального Комитета партии усилить партизанское движение и на Дальнем Востоке.

Вернувшись в Россию, Д. Д. Киселев докладывал В. И. Ленину о борьбе за советскую власть трудящихся Сибири и Дальнего Востока.

Выполняя решения Центрального Комитета, Дальневосточный краевой комитет партии послал в партизанские отряды группу партийных работников: С. Лазо, Ф. Шумятского, М. Попова, В. Владивостокова, А. Фадеева, И. Сибирцева и многих

других.

Лазо и его товарищи покинули «таежный дворец» и пробрались к заливу Петра Великого, чтобы переправиться в Сучанскую долину. Там после захвата американо-японскими отрядами и колчаковцами Сучанского рудника партизанское движение принимало особенно широкие размеры.

Из залива Петра Великого в Сучанскую долину можно было проникнуть сухопутным путем только через Шкотовскую долину. Но в эту долину вел узкий проход, сжатый с двух сторон высокими отрогами Сихотэ-Алиня, который занимали американские и японо-белогвардейские части. Они располагались по железнодорожной ветке, ведущей от станции Угольная на Сучан. Пришлось избрать другой путь, водный, — через Уссурийский залив.

Лазо и его товарищи заранее условились остановиться на рыбном промысле владивостокского рыбопромышленника Золотарева, находившегося возле корейской деревни Чимбур. У Золотарева работало несколько скрывавшихся красногвардейцев. Они держали с «таежным дворцом» постоянную связь: снабжали большевиков рыбой и другими продуктами, доставляли газеты и информацию. Сучанскому шахтеру Ивану Давыдову было поручено приготовить шаланду с хорошим проводником для переброски всей группы через залив.

Темной ночью таежники благополучно спустились к промыслу Золотарева, где их ожидала парусная шаланда. Еще издали ясно видны были возле берега мелькавшие в тумане огни. Приблизившись, увидели миноносец. Он искал, видимо, партизан и контрабандистов. Несколько дней назад партизанский отряд владивостокских рабочих, организованный военным отделом обкома партии, уничтожил группу белогвардейских офицеров на Болгарской заимке, расположенной неподалеку, и враги усилили сторожевую охрану.

Вблизи деревни Чимбур, на опушке тайги решено было подождать, пока Ваня Давыдов сходит на разведку. Ваня скоро вернулся и сообщил, что офицеры миноносца сейчас пьянствуют на берегу, но, как только туман рассеется, судно уйдет обратно во Владивосток.

Около полуночи миноносец ушел.

Лазо со своими друзьями пришел в рыбацкий поселок. Там они нагрузили шаланду боевыми и продовольственными припасами: патронами, рыбой, рисом, крупой, хлебом, сели в нее и отправились через залив, держа курс на деревню Петровку.

Но что это?

В нескольких километрах от берега в тумане снова

замелькали огни. Это был тот же миноносец. Оказалось, что он не ушел во Владивосток, а бороздил залив вдоль и поперек. Раза два он прошел на расстоянии не более ста пятидесяти — двухсот метров от шаланды. Лишь густой туман и отличная работа опытного проводника-корейца, умело отводившего шаланду от миноносца, помешали белогвардейцам обнаружить Лазо и его спутников.

На рассвете показался отлогий берег с широко раскинувшимся селом — это и была деревня Петровка, расположенная в Сучанской долине. На шаланде был поднят красный флаг, и она причалила к берегу. Радостно приветствовали группу коммунистов владивостокские портовые рабочие, находившиеся в штабе петровского партизанского отряда.

Не теряя ни минуты, Лазо совершил объезд партизанских частей и сельских Советов. Во многих деревнях Сучанской долины в ту пору сохранилась советская власть. Лазо собирал крестьян, беседовал с ними. Он был одним из сильнейших агитаторов-революционеров на Дальнем Востоке. Его страстные речи зажигали слушателей. Лазо не только выступал на митингах и собраниях. Он любил бродить по селам, встречаться с людьми просто на улицах, тут же знакомиться с ними. Он умел быстро узнавать людей, завоевывать их расположение и подчинять своей воле.

— Здравствуйте, товарищи! — подошел он как-то к группе крестьян, сидевших на бревнах возле церковной ограды. — Как поживаете?

— Какая там жизнь! — ответил бородатый крестьянин, плохо одетый и обутый. — Дождя нет, семена никудышные, того и гляди — зубы на полку, а то и вовсе к господу богу в рай.

— Да, неважны дела, — посочувствовал Лазо и присел рядом. — А места-то благодатные, — сказал он задумчиво. — Чего-чего только тут нет! Неисчислимые богатства. Побогаче здешних мест, пожалуй, и в мире не найдешь.

— Попробуй поищи! — с гордостью поддержал юркий сухопарый крестьянин. — Что угля, что железа, что пушнины. Чего душа желает!

— Только ли это? А золото и серебро? — напомнил Лазо. — А цинк и олово? Про рыбу и говорить нечего — сами знаете. А леса, друзья мои? Им и цены нет! О приморских лесах легенды, сказки рассказывают. Лес — это ведь бумажные фабрики, химические заводы. Миллиарды рублей. Прекрасная жизнь!

— Из лубка, скажем, — продолжал он, — можно вырабатывать необходимые в хозяйстве мешки. А сколько меда

можно собирать на Дальнем Востоке! Сотни тысяч пудов! Ведь липового леса в Приморье не занимать.

— Да тут тебе такого меду надают — кровью захлебнешься от беляков и заморской дряни, — хмуро обронил один из собеседников.

— А унывать, друзья мои, ни к чему. Этим горю не поможешь, — заметил Лазо. — Надо, стиснув зубы, сделать так, чтобы общими силами разгромить всю эту нечисть. Если весь народ поднимется против наших врагов, им скоро придет конец. Не было и нет в мире такой силы, которая сумела бы подавить волю народа к свободной жизни. И когда этот день настанет, товарищи, все богатства края будут принадлежать всему народу. Счастливую жизнь вы сами построите тогда на своей свободной земле…

Так постепенно, казалось, из брошенных как бы невзначай слов о семенах, о крестьянском хозяйстве делались политические выводы. И потому, что выводы эти логически вытекали из разговора, — они убеждали слушателей своей правдивостью, вызывали горячие симпатии к тому, кто эти выводы делал.

Лазо обладал завидным умением наблюдать жизнь, обобщать явления, факты. В его записной книжке было много заметок, которые, на первый взгляд, не имели не только прямого, но даже косвенного отношения к тому делу, которым он занимался, — организацией партизан. Среди названий деревень, сел, среди фамилий мелькали цифры. Здесь и количество пахотной земли, выпасов, здесь и урожаи хлебов, яйценоскость кур и удои молока. Иные страницы походили на записную книжку статистика земельного отдела, партийного работника, агитатора, пропагандиста.

Кое-кто из товарищей не прочь был иногда даже пошутить по этому поводу. Но как помогали эти записи организатору, а впоследствии и командующему приморских партизан! Ведь по ним он выяснял уровень жизни в том или ином селе, ставил, если можно так выразиться, политический диагноз, угадывал настроения жителей, отдельных людей. С помощью этих записей он старался уточнить, где вернее всего можно добыть продовольствие, лошадей, фураж для партизанских отрядов.

Когда Лазо прибыл в село Фроловку, сюда же возвратилась из Ольгинского уезда группа молодых пропагандистов и агитаторов. Сотни километров прошли они пешком, принесли много ценнейших сведений о политических настроениях и хозяйственном положении крестьянства. Тетради и блокноты Саши Булыги (А. Фадеева) отличались особой полнотой необходимых данных и подробной характеристикой отдельных

лиц и хозяйств. Игорь Сибирцев, да и многие другие также представили интересные и важные материалы о жизни крестьян, об их отношении к рабочим, к политическим партиям, к белогвардейской власти и интервенции.

Лазо очень подробно расспрашивал обо всем, что видели и слышали товарищи во время многодневных странствований по Ольгинскому уезду.

Но были среди пропагандистов и агитаторов и недостаточно опытные молодые люди, не сумевшие собрать обстоятельный материал.

— Вот вы назвали только что фамилию Колесникова, — остановил Лазо во время беседы товарища Дольникова.

— Да, Колесников.

— А корова у него есть?

— Не знаю, товарищ Лазо, не записал.

— А свиньи, овцы?

— Не видел, не знаю.

— Не поинтересовались?

— Мы выяснили его настроение. Человек будто наш, сознательный товарищ. А вот насчет свиней и коров…

— Напрасно не поинтересовались, — сказал Лазо. — Это, друзья мои, не праздное любопытство. Далеко не праздное. Имущественное положение играет в жизни человека большую роль.

«Пламя революционного восстания рабочих и крестьян охватило все села Сучана, — писали партизаны в своем обращении к населению. — Бандиты расстреливают и порют раскаленными на огне шомполами крестьян и рабочих. Мы восстали потому, что страстно хотим помочь нашей Советской стране свергнуть палача Колчака и восстановить советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке и прогнать интервентов».

Колчаковский управляющий Ольгинским уездом сообщал управляющему Приморской областью, что после того, как партизаны на Сучанской железнодорожной ветке напали на поезда, уничтожив при этом нескольких белогвардейцев, к нему явились представители американского командования для совместного обсуждения создавшегося положения. Американцы просили информировать их о всех действиях большевиков. Они говорили, что для охраны линии железной дороги Ново-Нежино — Романовна ими выделены военные части и уполномоченные, а в пассажирских поездах будет находиться их вооруженная охрана. Американцы заверили колчаковского управляющего, что американское командование все силы употребит на то, чтобы порядок на линии Сучанской железной дороги не был нарушен.

Партизанам пришлось выдержать несколько боев с американскими интервентами. В обзоре печати за 24 мая 1919 года военно-статистическое отделение Приамурского военного округа отмечало, что принявшие на себя охрану района Шкотовской железнодорожной ветки интервенционные войска вели бой с партизанами; что из Владивостока был направлен дополнительно американский батальон при легких орудиях и пулеметах и что для осмотра Шкотовского района туда прибыл генерал Гревс.

Партизаны Ольгинского уезда непрерывно обстреливали эшелоны с колчаковцами, вступали в бои с американцами, которые шли на помощь белогвардейцам. Положение интервентов и колчаковцев осложнялось еще и тем, что они на каждом шагу встречали к себе враждебное отношение населения.

1 июня 1919 года управляющий Приморской областью Циммерман сообщал колчаковскому министру внутренних дел, что «политическая ситуация Приморской области в данный момент в высшей степени сложная».

Обстановка действительно была такова, и колчаковский слуга Циммерман докладывал своему шефу о неудачах и поражениях. Он жаловался на прогрессивное развитие «большевистских выступлений» по всему уезду, на планомерные и последовательные удары по крупным промышленным центрам. Он сетовал по поводу остановки заводов и выражал особое недовольство всеобщей сучанской забастовкой.

«На Сучане, — докладывал он, — до забастовки насчитывалось до 2 500 человек рабочих; теперь большинство из них разошлось по красноармейским организациям, раскинутым по деревням и сопкам. Причина забастовки имеет почти исключительно политический характер. Вынесен протест против правительства Колчака и требование ухода из области всех союзных сил.

…Положение в уездах крайне тяжелое: Ольгинский уезд, за исключением северной части — Императорской гавани [28] и Датты и южной — Шкотовского района, весь занят большевиками.

…Красными произведены были дерзкие налеты на линию железной дороги к югу от Никольск-Уссурийска. Обстреливались пассажирские и воинские поезда. Есть раненые и убитые. Убит полковник Москвин, ехавший из Шкотова во Владивосток… Были случаи также уничтожения железнодорожных мостов, повреждения телеграфных столбов, чем приостанавливалось на время движение. Вообще красными делается все для нарушения порядка на железнодорожных линиях»[29].

Не обо всем докладывал своему министру Циммерман. Он

забыл сообщить, что отряд японских интервентов и белогвардейцев, охранявших стекольный завод Пьянкова, был почти полностью уничтожен. Но и этот неполный отчет о положении в области дает яркую картину организованной Дальневосточным комитетом Коммунистической партии жестокой борьбы партизан с колчаковщиной и интервенцией.

Партизанское движение на Дальнем Востоке быстро развивалось и охватывало почти все население края.

КОМАНДУЮЩИЙ ПАРТИЗАНСКИМИ ОТРЯДАМИ

Для объединения действия партизанских отрядов и решения насущных вопросов советского строительства 27 июня 1919 года в селе Сергеевке Ольгинского уезда Приморской области открылся первый съезд трудящихся. Почетным председателем съезда избрали Владимира Ильича Ленина.

Это был необычный и очень интересный съезд.

Во-первых, он был многонациональным. В Ольгинском уезде жили не только русские, но и украинцы, корейцы, китайцы, латыши, эстонцы, финны, молдаване, многие другие народности. Все они прислали своих делегатов.

Во-вторых, съезд этот происходил чуть ли не на передовой линии огня.

За сотни километров, пробираясь сквозь кордоны интервентов и белогвардейцев, преодолевая горные кручи, по таежным тропам шли делегаты и гости на этот знаменательный съезд, заседавший в здании сельской школы.

В нескольких километрах от Сергеевки шли бои. Враги пытались окружить село, захватить участников съезда, расправиться с ними. Но партизаны со всех сторон зорко охраняли посланцев народа. Под гром артиллерийских выстрелов, трескотню пулеметов и оружейных залпов делегаты слушали сообщения с мест, доклады о деятельности партизанского штаба, о политическом моменте, об организации власти, обсуждали декларацию консульскому корпусу. Шестнадцать вопросов стояло на повестке дня. Все, что волновало население в то время, нашло отражение в работе съезда. Здесь принимались решения о том, как лучше организовать снабжение продовольствием и как лучше использовать лесные богатства, земельные угодья, морские и горные промыслы; говорили об источниках доходов и просветительных кружках, о борьбе с алкоголизмом, о маяках и контрибуциях, о путях сообщения и национальном вопросе — корейском, китайском и прочих народностей. На трибуну поднимались ораторы, которые еще несколько часов тому назад вели тяжелые бои на подступах к Сергеевке. Спустившись с трибуны, многие делегаты тут же брали в руки винтовку, патронташ, бомбу и отправлялись на фронт, чтобы сменить своих уставших в бою товарищей и друзей.

Шесть дней продолжался этот необыкновенный съезд. Работа

его не прерывалась ни на минуту.

Все эти дни делегат Лазо лично руководил сражениями, появляясь то на одном, то на другом участке боев. В коротких перерывах он вновь появлялся в зале заседаний, выходил на трибуну, чтобы высказать свое мнение по обсуждавшемуся вопросу, или принимал участие в какой-нибудь комиссии по выработке резолюции.

Все решения съезда были пронизаны ленинскими идеями — непреклонным стремлением бороться до конца и победить.

В резолюции по докладу представителя краевого комитета коммунистов о политическом моменте съезд с возмущением отмечал, сколько горя и страданий принесли трудящимся Дальнего Востока белогвардейцы. Адмирал Колчак своей неслыханной жестокостью — массовыми убийствами, уничтожением целых деревень — вызвал всеобщую ненависть. Все трудовое население выступило с оружием в руках, чтобы защитить свой домашний очаг, свою жизнь.

Гневно осудили делегаты съезда лицемерие союзников, заявивших вначале о своем невмешательстве во внутренние дела России, а затем захвативших Сибирскую железную дорогу, рудники и другие самые важные отрасли промышленности.

Виновниками свержения истинно народной власти Советов съезд считал городские и земские самоуправления и правые социалистические организации, которые стали на путь борьбы с народной трудовой властью.

«Называющее себя Всероссийским правительством (Омское), — говорилось в постановлении съезда, — считать врагом народа и беспощадно с ним бороться. Единственной властью России признать Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов и Совет Народных Комиссаров — власть, служащую интересам трудового народа всего мира и находящуюся в г. Москве».

Съезд потребовал «немедленного освобождения местностей, занятых иностранными войсками, и вывода их из пределов России, Сибири и Дальнего Востока» и принял решение «восстановить во всем Ольгинском уезде Советы рабочих и крестьянских депутатов, избрав… Исполнительный Комитет, коему передать всю полноту власти в уезде» [30].

Эта резолюция была принята единогласно и распространена по всему Приморью.

Съезд обсудил и принял выработанную специальной комиссией декларацию консульскому корпусу во Владивостоке для доведения до сведения их правительств, народа и войска,

находящегося в Сибири и на Дальнем Востоке.

В декларации говорилось о том, что в ответ на неслыханные насилия над мирным населением трудящиеся Ольгинского уезда взялись за оружие, изгнали колчаковцев и восстановили Советы. «Вы своим присутствием и своими действиями, — заявлял съезд иностранным дипломатам, — разжигаете и поддерживаете кровавую гражданскую войну в России, раздирающую нас и наши земли на куски. Вы помогаете кучке спекулянтов, торговцев, капиталистов, промышленников, офицеров и чиновников издеваться над во-лей большинства, творить неслыханное насилие над рабочими и крестьянами. Мы заявляем вам, экспедиционным войскам, что не воюем с народом ваших стран и не хотим воевать с вами.

Но до тех пор, пока вы находитесь на нашей территории вооруженными, пока вы поддерживаете врагов, мы будем вести борьбу до последней капли крови…»

На четвертом заседании 29 июня, открывшемся в восемь часов утра, съезд заслушал информацию Лазо о боях партизан с американскими войсками под Романовкой. 30 июня на закрытом заседании были утверждены по докладу Лазо основные положения об организации и управлении партизанскими отрядами: во главе всех отрядов уезда стоит командующий отрядами уезда, избранный революционным Исполнительным комитетом Советов и утвержденный партизанами всех отрядов. Командующий отрядами самостоятелен в исполнении боевых операций, но в отношении общих целей и задач ведет работу по указаниям революционного Исполнительного комитета.

О земле, лесе, горных богатствах и по всем другим вопросам съезд принял решения, учитывая интересы трудящихся и в полном соответствии с декретами Совета Народных Комиссаров.

Корейские делегаты просили предоставить им места в Исполкоме, и съезд вынес решение: «Предоставить место в Исполкоме корейским представителям». Аграрная проблема в отношении корейцев и прочих национальностей разрешалась также по законам Российской Советской республики: все пользуются землей «на равных основаниях с русскими гражданами» и «должны нести все обязанности и повинности с ними наравне» [31].

Съезд строго оберегал революционную законность, стремился привить населению чувство ответственности за свои дела, запрещал самостийные действия. В постановлениях съезда говорилось, что конфискации, реквизиции и контрибуции проводятся лишь по решению народного суда, причем конфисковать имущество можно только у контрреволюционеров,

спиртоносов, спиртогонов и подобных им лиц. Съезд предупредил, что при конфискации и реквизиции необходимо сохранять книги и другие культурные ценности, образцовые усадьбы, сады, породистый скот, оленьи питомники, пчельники.

Вокруг некоторых вопросов разгорались жаркие споры. Огромное политическое значение и особую остроту имел тогда вопрос о ценах на рыбу и на хлеб. В Ольгинском уезде много рыбаков, но еще больше хлеборобов. Понятно, что хлеборобам легче обойтись без рыбы, чем рыбакам без хлеба. И получилось так, что цены на хлеб были очень высокие, а на рыбу более чем скромные. Нужно было как-то урегулировать этот сложный вопрос, грозивший расколом между двумя большими группами населения.

Сергей Лазо проявил здесь еще одну сторону своего дарования. Он выступил и как страстный боец и как умный политик. Тактично и осторожно полемизировал он с хлеборобами, которые категорически возражали против снижения цен на хлеб и повышения цен на рыбу и долго не хотели уступать своих позиций. Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что только благодаря спокойной и убедительной агитации Лазо удалось провести цены, намеченные краевым комитетом партии.

На съезде Лазо был единодушно избран командующим партизанскими отрядами Приморской области. Этим народные массы выразили свое доверие представителю партии большевиков.

Отряд Гаврилы Шевченко считался самым тяжелым среди партизанских отрядов Сучанской и Цемухинской долин. Шевченко был боевым партизаном, одним из первых казаков, начавшим борьбу с белогвардейцами на Гродековском фронте в 1918 году. Своими смелыми операциями он доставил много огорчений колчаковцам и на Уссурийском фронте. Но вместе с тем Шевченко не подчинялся революционному штабу, разыгрывал «батьку-атамана» и дрался с белыми на свой риск и страх. Самостийные действия командира, несмотря на его популярность, бесспорную храбрость, преданность делу революции, не давали возможности единым организованным фронтом бить врага. Отряд Шевченко был очень разнородным и поэтому требовал особого внимания.

С него и начал Лазо работу по укреплению революционной дисциплины. По решению Дальневосточного областного комитета партии нужно было подчинить разрозненные партизанские отряды единому командованию. Вместе со своим штабом и уполномоченным обкома партии Лазо прибыл в село Новороссия,

где стоял цемухинский отряд Шевченко.

Начальник штаба отряда И. Мелехин в своих воспоминаниях так описывает это событие.

«Лазо тепло поздоровался, пожав всем нам руку, внимательно посмотрел на карту, разложенную на столе, и сказал:

— Да, у вас пятиверстка! Замечательно! Редкая карта в настоящих условиях. Хорошо бы всем отрядам иметь такие карты.

Он стал расспрашивать о расположении противника, следя за пометками на карте. Разобравшись в нашей военной обстановке, Лазо сказал нам, что в Южное Приморье стягиваются крупные силы белых для ликвидации партизанского движения. Сучанскую ветку американцы и японцы усиливают новыми воинскими частями… Ясно, белогвардейцы совместно с интервентами вскоре поведут большое наступление. Надо быть готовым.

Наш командир отряда Шевченко, закрутив ус, вставил реплику:

— Пусть идут, мы не особенно испугались и паникерами не были.

Он искоса посмотрел на Лазо.

— Это хорошо, что вы не испугались! Но необходимо укрепить отряды и сделать их более боеспособными, выбросить неустойчивые элементы.

— Я знаю своих ребят — не подведут! Нечего по-пустому слова тратить! — запальчиво возразил Шевченко.

Все переглянулись. Лазо уловил какое-то скрытое недовольство, но не подал виду и, еще более оживившись, продолжал беседу о воспитании бойцов и о подборе крепкого, надежного командного состава.

В комнату вошла хозяйка, предложила покушать и выпить чаю. Все обрадовались возможности замять неловкость, вызванную поведением Шевченко. За чаем беседа продолжалась. Лазо расспрашивал о жизни отряда, о настроении бойцов, о связи с населением.

— Ну, а как у вас с дисциплиной в отряде, товарищи? — неожиданно спросил Лазо и посмотрел сначала на командира, а потом на начальника штаба.

Мне пришлось сознаться:

— Дисциплина у нас хромает даже у командиров…

— Хорошо бы сегодня же собрать комсостав и поговорить с бойцами, — выразил желание Лазо».

После беседы с командным составом Лазо попросил созвать митинг.

Перед зданием революционного штаба собрались сотни людей. Весть о том, что приехал командующий, была встречена

сочувственно и дружелюбно далеко не всеми партизанами. Ведь до этого командующего, по существу, не было, и в партизанской среде наблюдались и анархистские тенденции и некоторая расхлябанность. И теперь, когда началась централизация партизанского движения, наиболее отсталые элементы заволновались, зашумели.

На митинге был выборный председатель, все, что полагается, но никто не мог удержать разбушевавшейся стихии. Два-три часа шла жестокая борьба между организованным началом и анархистской вольницей. Страсти подчас разгорались с такой силой, что кое-кто угрожал даже друг другу штыками, размахивал шашками.

И вот на трибуну взошел Лазо.

Большое самообладание, умение говорить с народом простым, образным, доходящим до сознания, до сердца языком помогли Лазо овладеть вниманием слушателей. «Иногда, — вспоминает присутствовавший на этом митинге А. Фадеев, — отдельные партизанские вожаки начинали понимать, что он старается подчинить их себе, взять их в руки, й снова поднимали крик, но он стоял спокойно, ждал, пока они кончат, и не уходил с трибуны. Когда они переставали кричать, он продолжал свою речь. Я помню, иных из ораторов пытались стащить с трибуны, но против Лазо таких выпадов не было — так велико было его обаяние».

Этот митинг закончился полной победой Лазо.

Шевченко согласился с критикой его действий и был оставлен командиром цемухинского отряда.

Под энергичным воздействием нового командующего в отрядах проводились регулярные полевые занятия, был введен дисциплинарный устав, имевший большое значение для укрепления боеспособности партизан.

Устав обязывал старых партизан делиться боевым опытом с новичками, держать в исправности и чистоте свое оружие, точно и немедленно выполнять все приказы отделенных, взводных и ротных командиров. Партизан обязан быть честным, вежливым по отношению к населению. Между партизанами должно быть чувство глубокого искреннего уважения: «наша сила в спайке и товариществе». Если случайно партизан попадется колчаковцам, пусть не надеется вымолить себе пощаду разглашением военной тайны. Смерти в плену все равно не избежать, так лучше умереть честным бойцом, с высоко поднятой головой, нежели предателем.

Партизаны свято соблюдали этот устав, ставший законом для всех партизанских отрядов Приморья.

Лазо пробыл в отряде Шевченко несколько дней. Он покорил

всех своей простотой, приветливостью, организованностью, трудоспособностью. Одеждой он не отличался от обычных партизан. Спал удивительно мало. Улягутся бойцы на покой, в штабе остается лишь дежурный, а вместе с ним бодрствует и командующий. Пристроившись у маленькой керосиновой лампочки, он что-то пишет или читает. Засыпал он быстро но сон у него был необычный. Если его будили, он тотчас вскакивал, сгонял как бы с лица рукою сон, словно он вовсе и не спал, а думал именно о том, о чем его сейчас спрашивали.

В селе Фроловке Ольгинского уезда коммунисты организовали митинг. Собралось несколько тысяч человек: крестьяне окрестных деревень — русские, китайцы, корейцы; пришли шахтеры-сучанцы со своими вожаками — передовыми рабочими — большевиками Локтевым, Мартыновым, шахтеры — зыбунцы, цемухинцы, майхинцы. Многие явились с семьями. Все были возмущены зверствами колчаковцев и интервентов. Настроение было боевое.

Митинг этот открыл представитель Дальневосточного краевого комитета партии. Все внимательно выслушали сообщение о решениях партии усилить борьбу Советов с врагами революции — бандами Деникина, Краснова, Юденича, Колчака и интервентами.

«Хорошо!.. Правильно!..» — неслись одобрительные возгласы.

Вдруг из центра села раздалось дружное «ура». Через минуту выяснилось, что это приветствовали идущего на митинг Лазо. Крестьяне и шахтеры окружили его, подхватили и на руках пронесли к трибуне.

Лазо рассказал собравшимся о зверствах, творимых белогвардейцами и интервентами:

В деревню Казанку приехал карательный отряд колчаковцев в четыреста человек во главе с генералом Смирновым. Офицеры согнали всех жителей на сход, а затем окружили их и стали допрашивать, кто за советскую власть, есть ли большевики. Сход угрюмо молчал. Тогда генерал приказал своим подручным публично на глазах у всех пороть мужиков раскаленными шомполами, требуя сдать оружие, выдать большевиков и сочувствующих им. Восемнадцать человек получили по восьмидесяти ударов шомполами. Крестьянин Полунов был расстрелян.

— Да разве колчаковские генералы и офицеры только в Казанке издевались над тружениками? — говорил Лазо. — Рассказывали ли вам, как колчаковцы в Ивановке избили и изувечили семьи Копая и других? Знаете ли вы, как убили товарища Кошмана? Бандиты на глазах его родителей и

населения отрубили Кошману руки и ноги. Это было в деревне Хмельницкой…

В Гордеевке каратели застали девять стариков, не успевших скрыться, — все остальное население бежало от палачей и насильников в тайгу. Стариков сначала допрашивали о партизанах, затем выпороли, потом жестоко били шомполами, подвешивали к потолку, обливали кипятком; но они ничего не сказали палачам. Тогда офицеры построили стариков в ряд и собственноручно расстреляли.

И в Приморье слышали о богатом селе Ивановке в Амурской области. Многие бывали в Ивановской школе, в больнице, в библиотеке, в мастерских. Японские интервенты вместе с карателями-белогвардейцами сожгли школу и больницу. Они загнали в избы триста жителей и сожгли дома вместе с людьми. Все, кто остался жив и способен носить оружие, ушли в партизанские отряды.

— Дорогие братья, рабочие, крестьяне и партизаны! — говорил Лазо. — Белобандиты и интервенты постараются пролить еще много нашей крови. Мы должны помнить, что если мы не будем бороться с врагами, если мы не сорганизуемся, у нас победы не будет…

Сучанская долина — дальневосточный Донбасс — была опорой, душой партизанского движения в Приморье. Здесь нужно было нанести сильный удар по интервентам и белогвардейцам, а затем двинуть партизанские части к центру интервентов, во Владивосток.

Дальневосточный областной комитет партии поставил перед партизанами задачу захватить Сучанский угольный район, разрушить подъемники [32] и прекратить подачу угля Владивостокскому порту, Уссурийской и Китайско-Восточной железным дорогам. Успешное выполнение этого плана имело огромное значение. Оно задержало бы движение поездов и пароходов, подвозивших в Сибирь и на Урал Колчаку и интервентам оружие, снаряды и продовольствие.

Одновременно с этим партийный комитет приступил к организации всеобщей забастовки на Китайско-Восточной и Уссурийской железных дорогах, во Владивостоке и других городах и районах Приморья.

Забастовка началась в конце июня.

2 июля 1919 года на всех железнодорожных станциях и в городах Дальнего Востока был вывешен приказ так называемого «верховного уполномоченного российского правительства на Дальнем Востоке» генерал-лейтенанта Хорвата. В этом приказе

Хорват отмечал, что многие местности Уссурийского края охвачены большевистским восстанием, и сетовал по поводу того, что большевики портят железнодорожные пути, взрывают мосты и мешают действиям белых войск в Приморье, а также доставке из Владивостока необходимого военного снаряжения Колчаку.

Хорват объявил Уссурийскую дорогу на военном положений и приказал всем забастовщикам немедленно выйти на работу. Тех же, кто не подчинится приказу, он грозил предать прифронтовому военно-полевому суду.

Угроза расстрелов, многочисленные аресты, выселение из квартир вместе с семьями не сломили, однако, боевого духа рабочих. На Сучане, во Владивостоке, Никольск-Уссурийском, Спасске, на Китайско-Восточной железной дороге — всюду рабочие продолжала забастовку. Они показали высокую политическую зрелость, чрезвычайную сплоченность, организованность, безграничную преданность революции и советской власти.

Партизанские отряды Лазо вызывали большую тревогу в стане врагов. Начальник владивостокского отделения управления милиции Уссурийской железной дороги Петров сообщал 6 июля 1919 года:

«Секретно

Полковнику Г. Альтману…

Большевики прислали к рабочим делегатов и просят их продержаться до 10 июля с. г., так как в настоящее время все большевистские отряды отрываются от линии железной дороги и сосредоточиваются в бухте Тавайза под командой прапорщика Лазо. Имеет намерение напасть на Владивосток и захватить патроны на Второй Речке, взорвать склады, а также взорвать Минный городок в Гнилом Углу…»

Популярно было имя «прапорщика Лазо». Действия партизан были настолько успешны, что врагам чудилось уже не только нападение их на Владивосток и захват патронных складов, но и взрыв погребов со снарядами на Второй Речке и даже взрыв Минного городка в Гнилом Углу. Если бы партизаны взорвали Минный городок, то это повлекло бы за собой разрушение не только крепости: от самого города Владивостока осталась бы груда развалин. Большевистская организация никогда не давала и не могла давать таких директив. Белогвардейцы от страха теряли голову и пытались запугать население теми «ужасами», какие якобы несут с собой партизаны.

Партизаны Сучанской долины готовились к трудным боевым операциям. Во всех отрядах проверяли запасы оружия, патронов, снаряжения. Утром, чуть свет, горнист играл сбор и в

назначенном месте съезжались упражняться в верховой езде и рубке кавалеристы. Пехотные части тренировались в стрельбе, проводили тактические учения.

Крестьяне заботились о партизанах, снабжали их продовольствием и даже одеждой. Женщины стирали и шили им белье. Многие подростки были прекрасными лазутчиками, пробирались в части белогвардейцев и интервентов и передавали партизанам все, что разведывали, видели и слышали у врагов.

Вскоре партизаны Ольгинского уезда получили приказ:

«В ближайшие дни отряды должны принять меры для порчи путей и проводов. Для этой цели отправляйте небольшие команды, они незаметно будут делать это дело. Ведите непрерывную разведку, выясните, где и как охраняется железная дорога, ведет ли противник разведку в нашу сторону.

Если по линии имеются посты противников, то их нужно тревожить. Для этой цели посылайте двух-трех надежных партизан. Не предпринимайте крупных операций. Не передвигая значительных сил, мы должны все время тревожить противника, ни на один час не оставлять его в покое и разрушать мосты. Особенно на это мы должны обратить исключительное внимание ввиду того, что на узкоколейке не прекращается борьба отрядов Петрова [33] и других с американцами и японцами.

Всякое расстройство железной дороги и телеграфа внесет расстройство в ряды наших врагов в Сучанском районе.

Копию этого донесения спешно отправьте в петровский и майхинский отряды. Информируйте, что будет сообщаться из Петровки и Многоудобного.

Если в Петровке действительно взяты пленные, то таковых не отпускать и не обменивать до получения указаний от штаба или от меня.

С пленными обращаться хорошо.

Командующий Сергей Лазо».

Незадолго до общего наступления партизанской разведкой тетюхинско-ольгинского отряда были задержаны на реке Сучане несколько американских военнослужащих — любителей-рыболовов. Трое солдат и два офицера приехали поудить рыбу в полном вооружении,

Партизаны неслышно окружили американцев и знаками предложили им сдать оружие. Перепуганные рыболовы выполнили приказание и понуро поплелись за партизанами: они, видимо, решили, что их ведут на расстрел. Американцев доставили в штаб.

Штабисты долго раздумывали, где найти товарища, который хотя бы немного знал английский язык. Пока американцы

умывались и приводили себя в порядок, партизаны пытались поговорить с ними интернациональными словами: пролетариат, капитализм, империализм, интервенция, революция, Ленин… Язык революции оказался доходчивым и понятным заокеанским солдатам, таким же, как и партизаны, пролетариям и крестьянам. Но слов этих было все же очень мало, и объясниться как следует не удавалось.

Наконец нашелся товарищ, знавший английский язык. Он объяснил американцам, что партизаны не расстреливают пленных, и перевел им выдержку из приказа Лазо об обращении с пленными. Затем подробно рассказал, за что русские рабочие и крестьяне сражаются с белогвардейцами и интервентами.

Американцы слушали внимательно, потом выразили недовольство тем, что их начальство обмануло, привезя в Россию якобы для защиты порядка. Они увидели, что помогают врагам порядка, и обещали убедить в этом своих товарищей, если их освободят.

Партизаны, по указанию своего штаба, согласились освободить американцев в обмен на казначея ольгинского отряда Ивана Петровича Самусенко, арестованного на Сучане интервентами.

По этому поводу произошел любопытный разговор между представителями партизанского штаба Ильюховым и Слинкиным и американским полковником Пендельтоном.

— Для нас солдат дороже всего, — кичливо и высокомерно заявил Пендельтон. — Все ваши партизаны не стоят одного нашего солдата.

— Господин полковник может легко убедиться в том, что каждый наш гражданин и партизан много дороже не только ваших солдат, но и ваших офицеров, — заявил Ильюхов.

Пендельтон не нашел сразу слов для ответа.

— Да, да, господин полковник, — продолжал Ильюхов. — Мы за одного нашего партизана Самусенко возвратим вам трех ваших солдат и двух офицеров.

— О! — обрадовался американский полковник. — Это очень, очень хорошо. Согласен, согласен. Самусенко будет немедленно освобожден.

Прошло немного времени, и обмен состоялся. Самусенко был спасен от верной смерти.

СУЧАНСКИЙ БОЙ

В середине лета 1919 года войска белогвардейцев и интервентов занимали Сучанский рудник и были расположены на всей линии Сучанской железнодорожной ветки. Войска всех родов оружия стояли на станциях Сица и Фанза, Бархатная и Тахэ, Сихотэ-Алинь и Кангауз, Романовка и Ново-Нежино.

По указанию Дальневосточного областного комитета партии Лазо должен был разработать план стремительного удара по противнику во всех основных пунктах одновременно.

Это была сложная стратегическая задача. Не так-то легко и просто с полутора тысячами партизан разгромить три с половиной тысячи во много раз лучше вооруженных врагов.

Получив точные данные разведки о численности войск противника и их боевых средствах на каждом пункте, Лазо со своим штабом составил подробный план наступления и представил его на рассмотрение областного комитета партии. Этот план был одобрен.

Партизанские части разделили на несколько отрядов. Первый отряд под командованием Владивостокова, расположенный в Казанке, получил задание напасть на станцию Сица. Второй отряд под командованием Петрова-Тетерина должен был ворваться на станцию Фанза и после ее захвата взорвать подъемники на станциях Сихотэ-Алинь, Тахэ и Бархатная. Третий отряд сучанцев под командованием Кравченко получил задание соединиться с отрядом владивостокских грузчиков, стоявших в Петровской долине с командиром Сосиновичем, и они совместными действиями должны были занять станции Кангауз и Моленный Мыс. Цемухинцам и майхинцам поручили захватить станции Романовка и Ново-Нежино. Командир этого отряда Шевченко был болен, и Лазо сам его заменил. В помощники ему был назначен боевой командир батальона владивостокских рабочих Аврелии.

Тетюхинско-ольгинский отряд под командованием Степана Глазкова находился в селении Новицком, между бухтой Чен-ю-вай и Сучанским рудником. Он должен был охранять побережье, не допуская возможной высадки врага с Японского моря, и в то же время отвлекать на себя силы противника, расположившиеся на Сучанском руднике.

Ответственным руководителем по выполнению задания отрядами Владивостокова и Глазкова был назначен Николай Ильюхов, один из организаторов партизанских отрядов на Сучане.

Партизаны под командованием Сергея Лазо готовились к

атаке.

…В штабе то и дело раздавались телефонные звонки. Связисты принимали донесения из партизанских отрядов, передавали приказы командующего. К полудню начали съезжаться командиры на совещание. Надо было проверить готовность к наступлению, уточнить все детали боевых операций.

Верхом на лошадях, а кто и пешком, прибывали в штаб испытанные в сражениях партизанские вожаки. Они информировали командующего о положении дел в своих отрядах: о количестве живой силы, вооружении, запасах продовольствия и снаряжения, о настроениях партизан.

Лазо внимательно выслушал всех, дал много ценных советов и указаний, а в заключение сказал:

— Партия возлагает на нас большие задачи. Мы должны захватить железнодорожную ветку, взорвать подъемники, мосты, пускать под откос поезда, парализовать дорогу, чтобы белогвардейцы и интервенты не получили ни одного вагона сучанского угля. Понятно, товарищи командиры?

— Понятно, товарищ командующий.

— Враг сильнее нас и по численности и по вооружению. Но он не располагает самым верным оружием, которым мы с вами бесконечно богаты, — идеями Великой социалистической революции., А это оружие — самое сильное. Оно непобедимо. Желаю успеха, друзья!..

На землю спустилась ночь. В темносинем небе зажглись звезды. Из-за сопки поднялась луна, серебря вершины леса и гор. Тишина. Лазо, взглянув на часы, обратился к Аврелину:

— Что ж? Пора!

Связные направились в отряды. Через час они донесли Лазо., что отряды выступили и будут во-время в указанных местах.

— Командиры, по местам! — скомандовал Лазо цемухинцам и майхинцам. — Прошу вести части осторожно, не производить шума…

— Пройдем так, что листа не. шевельнем, товарищ командующий! — отозвался один из командиров.

Бойцы маршировали мимо Лазо. Он заботливо провожал взглядом каждого. Вот, поблескивая штыками, проскользнула последняя рота и скрылась в низине.

Отряд Лазо прибыл на позицию раньше остальных. Это обеспокоило командующего.

Но вскоре один за другим явились вестовые с донесениями, полученными по полевому телеграфу. Сообщалось, что отряды прибыли на места благополучно и начнут боевые действия точно

в назначенное время.

Лазо повеселел, обошел части, поговорил с бойцами, давал им советы, как лучше вести себя на поле битвы.

Время тянулось медленно. Луна скрылась за сопку. Ночной мрак сгустился. Лазо подошел к Аврелину и скомандовал:

— Цепь, вперед!

Раздался выстрел, за ним второй, третий…

Началась стрельба по всей линии..

Запылали пожары. Застигнутые врасплох интервенты и белогвардейцы метались из стороны в сторону, беспорядочно отстреливаясь, натыкаясь на штыки, попадая под меткие пули партизан.

Кравченко и Сосинович ворвались с бойцами на станцию Кангауз и Моленный Мыс.

Лучшие стрелки из партизан — ольгинцы и тетюхинцы — снимали японцев у Сучанского рудника.

Цемухинский и владивостокский отряды прервали у села Романовка телеграфное сообщение, сожгли все деревянные мосты через реки и ключи, разгромили американскую воинскую часть.

Выполняя намеченный штабом план, партизаны всячески тормозили движение по железной дороге. Они взрывали мосты, устраивали крушения и столкновения поездов, спускали их под откосы.

…Несколько дней продолжались бои в Сучанской долине. Намеченный план операции партизаны выполняли блестяще.

Интервенты и белогвардейцы в панике, бросая оружие, патроны, склады продовольствия и обмундирования, бежали на Сучанский рудник и в другие пункты.

Решение Дальневосточного областного комитета партии лишить интервентов и белогвардейцев возможности пользоваться сучанским углем партизаны под руководством Лазо выполнили. На всех трех перевалах — Бархатной, Тахэ и Сихотэ-Алинь — были взорваны подъемники. Дорогостоящие части машин партизаны сняли и сохранили для советской власти.

Сучанская железнодорожная ветка была разрушена, и снабжение колчаковской армии на некоторое время прекратилось.

Генерал Хорват телеграфировал 17 сентября наместнику Колчака на Дальнем Востоке генералу Розанову о том, что после постановки охраны на подъемниках движение по Сучанской ветке Сучан — Кангауз может быть восстановлено лишь через две-три недели.

Из этой телеграммы, написанной спустя два с лишним месяца после сучанских событий, видно, какой сокрушительный удар

нанесли партизаны колчаковцам и интервентам и сколько времени понадобилось врагам, чтобы привести в порядок разрушенную дорогу.

Операции партизан на Сучане имели большое значение. Они отвлекли значительные вооруженные силы белогвардейцев и интервентов, которые предназначались к отправке на Западный фронт против Красной Армии. Несмотря на то, что интервенты имели больше солдат, пулеметов, пушек, винтовок, неограниченное количество патронов, они потерпели поражение.

В победах на Сучане Лазо еще раз показал свои выдающиеся способности военачальника, свою находчивость, смелость, свою твердую волю.

«Мне много приходилось видеть смелых командиров, — вспоминает А. Фадеев, — я видел людей азартных, отчаянных, которые бросаются в бой первыми, полные страсти и боевого темперамента. Я видел просто хладнокровных, храбрых людей. Но по поведению даже этих людей всегда можно видеть, что они находятся в бою, что их спокойствие необычное, не такое, как дома, в нормальной обстановке. Это спокойствие мужественного человека, который привык к боям и знает, что он должен быть хладнокровен. Сергей Лазо в бою оставался, в сущности, таким же, как всегда: со своими приподнятыми бровями, с обычным внимательным и точно несколько удивленным выражением лица, безразличный к тому, что может лично с ним случиться. Он делал только то, что необходимо было для решения поставленной им боевой задачи».

Замысел империалистов открыть поход на Москву объединенными силами Колчака и Деникина провалился. Рабочие и крестьяне Сибири, организованные в партизанские отряды, нападали на колчаковцев и интервентов, помогая продвижению Красной Армии на восток. Население с радостью встречало советскую власть.

Подводя итоги годовой борьбы с интервентами и белогвардейцами, Ленин писал:

«Как ни тяжел этот год, но в нем та польза, что не только верхи, но и широкие массы, вплоть до крестьян самых глухих уездов и окраин, получили опыт, который заставил их придти к тем же выводам, к которым пришли мы. Это дает нам твердость и уверенность в победе. Без Колчака сибирский крестьянин не пришел бы в один год к убеждению, что ему нужна наша, рабочая власть. Только тяжелый опыт этого года убедил его в этом…

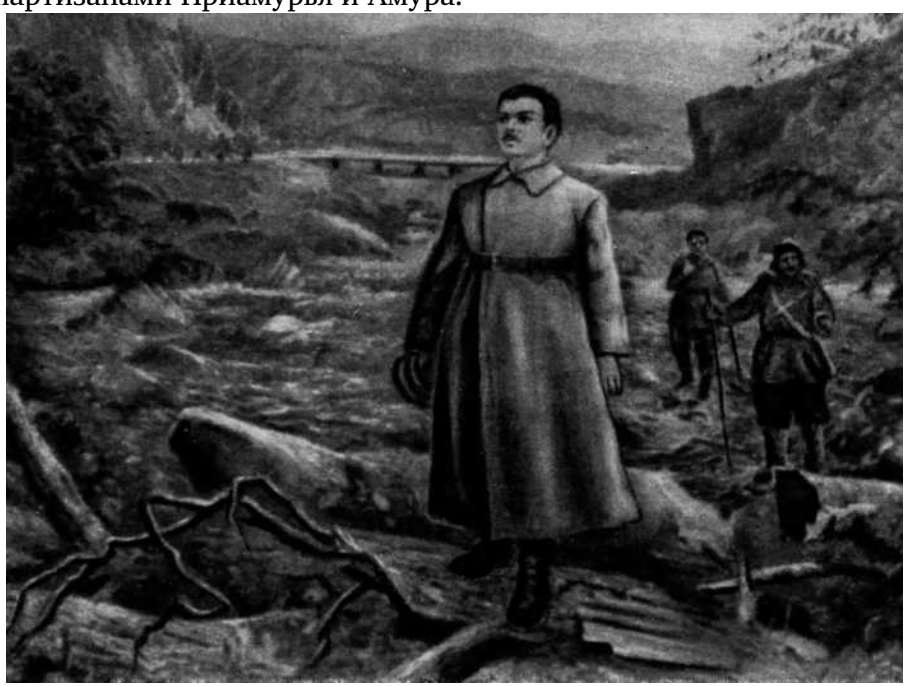
На Восточном фронте мы сейчас одерживаем крупные победы, которые позволяют нам надеяться, что на востоке в

несколько недель мы ликвидируем Колчака»[34].

Все шире и шире развертывалась деятельность большевистского подполья в Приморье. Активность партизан усиливалась с каждым днем. Они не давали врагам передышки ни на одном участке, ни в одном селе, ни в одном городе, ни на одной железнодорожной станции. Небывалая с 1905 года забастовка железнодорожников охватила весь Приморский район.

Белогвардейцы и интервенты решили во что бы то ни стало подавить партизанское движение в Приморье и бросили на Сучанскую и Анучинскую Долины войско численностью свыше девяти тысяч штыков. Противник боялся оставить Сучанскую долину в руках партизанских отрядов. Пользуясь лесным массивом, Уссурийским заливом и заливом Петра Великого, партизаны могли незаметно пробраться на полуостров и оказаться у фортов Владивостока. Вся Уссурийская железная дорога, расположенная в тридцати-сорока километрах от Сучанской долины, находилась под контролем партизанских отрядов.

Оберегая жизнь людей, Лазо с командирами отрядов решили не принимать боя — перевес сил противника был слишком велик — и отойти в тайгу, а затем продвинуться в Никольск-Уссурийскую, Иманскую долины и далее — на соединение с партизанами Приамурья и Амура.



Лазо в Сучанской долине. С картины художника Палашкова.

Адъютант Лазо Миша Попов.

Тактика партизан заключалась теперь в том, чтобы отвлекать силы врага и, где возможно, без ущерба для себя наносить ему удары, уничтожать его живую силу. Лазо сообщил свой план по телефону через штаб Сучанского района Военно-революционному

комитету области в Анучино. Комитет одобрил это предложение.

Партизанские отряды отходили в тайгу для перестройки.

Переход на новые позиции не обошелся без жертв. Вместе с группой владивостокских рабочих погиб преданнейший делу революции боец, член Центрального бюро профсоюзов Владивостока коммунист Трифонов, прибывший в партизанский отряд летом 1919 года. Между деревнями Кролевцы и Кневичи, близ речки Баталянза, группу Трифонова настигли белогвардейцы. Первым же залпом несколько человек было убито и ранено. Несмотря на ранение, Трифонов бросился вплавь через речку, переплыл ее, но и на противоположном берегу оказались белые; они захватили его и убили вместе с другими ранеными партизанами.

Лазо предлагал дать бой интервентам при переходе их из деревни Бровничи в Хмельницкую, между которыми на расстоянии пяти километров тянулось ущелье, известное у населения под названием «щеки». Партизаны прозвали его «Дарданеллами». Если в ущелье устроить засаду, пройти через эти «Дарданеллы» невозможно. С правой стороны тропинки — отвесная скала, левая во многих местах заливалась бурной речкой Сучан, несущей огромные валуны.

Заняв ущелье, Лазо с бойцами сучанского отряда готовился к бою. Но вражеская агентура — кулаки — сообщила противнику о засаде. Изменив направление, интервенты и белогвардейцы двинулись через хребты в Хмельницкую, минуя «Дарданеллы», с намерением окружить партизанские части и уничтожить их.

Узнав от перебежавшего добровольца-разведчика из крестьян о плане неприятеля, Лазо немедленно приказал отступить в тайгу.

За отступающими двинулись японские и белогвардейские отряды.

Надо было срочно сообщить в революционный штаб и Исполком об изменении плана партизан и о движении вражеских отрядов на Хмельницкую. Лазо поручил доставить донесение в штаб своему адъютанту Мише Попову и шахтеру-партизану Байбородову.

Миша был преданный, храбрый юноша. С первых же дней революции он стал в ряды большевиков, вместе, с ними жил, работал и боролся. Родился Миша и вырос в Нерчинско-Заводском районе в Забайкалье, воспитывался политическими каторжанами. Еще мальчиком он видел, как царские жандармы жестоко мучили политических каторжан и издевались над ними, стремясь унизить их человеческое достоинство.

Комсомолец Байбородов, как и Миша, отличался мужеством

и беззаветной преданностью делу революции.

Доставив приказ Лазо по назначению, юноши возвращались в свой отряд, не подозревая, что Хмельницкая уже оставлена партизанами и что в ней свирепствуют бандиты генерала Смирнова. Верховые ординарцы, посланные Лазо навстречу Попову и Байбородову, разъехались с ними.

Комсомольцы уверенно въехали в расположение белогвардейских частей. Заметив врагов, они повернули лошадей и поскакали. Вслед раздался залп, другой. Байбородов был сражен наповал, Миша, придавленный убитой под ним лошадью и раненный в ногу, не мог подняться. Бандиты набросились на него и увезли в штаб генерала Смирнова.

Белогвардейцы жестоко избили Мишу, но ничего от него не узнали. Поощряемые своими хозяевами, японскими офицерами, белогвардейцы решили пытками добиться необходимых им сведений. Два офицера приступили к «работе», остальные наблюдали, став полукольцом.

— Сколько партизан? Где они? Что решили делать? — выворачивая руки Попову, спрашивали по очереди бандиты. — В каком месте находится штаб Лазо?

Комсомолец молчал.

Мучители загоняли Мише Попову иголки под ногти, выворачивали ему ноги, кололи шилом. Испытывая невыносимые страдания, напрягая последние силы, комсомолец не отвечал на вопросы палачей.

Крестьяне, согнанные белыми на «допрос» Миши, с ужасом смотрели на дикую расправу. Еще совсем недавно, несколько дней назад, Миша Попов вместе с их дочерьми и сыновьями плясал, веселился, пел. Крестьяне бросились на колени перед офицерами, умоляли их прекратить пытки.

Разъяренные железной волей юного партизана, который так героически переносил весь ужас чудовищных истязаний, офицеры посоветовали генералу Смирнову испробовать излюбленное японскими интервентами средство — раскаленные шомпола.

Полуживой Миша твердил:

— Ничего вам, палачи, не скажу. Да здравствует Ленин! Да здравствуют большевики! Да здравствует Лазо!

Белогвардейцы, так и не получив от Попова никаких сведений, замучили его насмерть.

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

Часть партизанских отрядов стягивалась к деревне Молчановка, расположенной в узком конце Сучанской долины, замкнутой впереди труднопроходимыми хребтами Сихотэ-Алиня. Как только партизаны отошли, Сучанская долина была занята интервенционными войсками и белогвардейцами.

По решению командования партизаны должны были двинуться через перевал в Никольск-Уссурийский, Спасский и Иманский уезды.

Скрытые агенты интервентов и кулаки распространяли среди партизан слухи о том, что белогвардейцы якобы обошли революционные войска с западной стороны долины и сжимают партизан в смертельном кольце. Лазо заподозрил провокацию и с группой бойцов отправился обследовать хребет. С тревогой ожидали партизаны командующего. «Неужели все пути отрезаны?» Возвращение Лазо рассеяло их тревогу.

— Тайга свободна от белогвардейцев, — сказал Лазо. — Не только японцам не пройти через хребет, но даже и нам, партизанам, будет трудновато.

Распределив запасы продовольствия и патроны, бойцы разбились на мелкие отряды и двинулись по тайге и долинам Улахэ и Сандагоу.

После занятия Сучанской долины интервентами Сергей Лазо не мог там оставаться. Итти во Владивосток тоже было опасно: все пути на этом направлении заняли интервенты и белогвардейцы. Лазо двинулся с небольшим отрядом на запад, в Анучино, где находился временный Военно-революционный комитет Приморской области.

В пути Лазо тяжело заболел и в Анучино явился в очень плохом состоянии. Революционный комитет обязал его прежде всего полечиться в лазарете.

Лазо вместе с несколькими ранеными товарищами отправился в лазарет, который был переброшен вглубь тайги: в районе Анучино шли бои. Революционный комитет дал Лазо имевшуюся у него единственную лошадь. Но в пути Лазо уступил ее раненому партизану, а сам, едва передвигая ноги, поплелся пешком. Найти лазарет на условленном месте не удалось: врач, заслышав гул горных орудий, треск пулеметов и, винтовок, перевел его в другое место — в долину Сандагоу.

Изнемогая от усталости, прокладывая тропки среди непроходимых зарослей, Лазо и его спутники бродили, по тайге в

поисках лазарета двенадцать дней. Шли медленно, наугад. В пути один из раненых, молодой партизан, умер. Четыре дня больные питались одними лепешками, но скоро и их не стало: вышла мука. Убили лошадь, ели конину без соли. Но кончилась и конина. Последние дни единственным продуктом питания были листья дикого винограда и разные коренья. Наконец добрались до небольшой деревни Табахеза. Оставив там раненых на попечении учительницы и сообщив в Чугуевку военному комиссару о необходимости устроить их, Лазо отправился на дальнейшие поиски лазарета.

Местонахождение лазарета Лазо знал по двухверстной карте, и с помощью компаса он надеялся легко его найти. Но это оказалось не так просто. В тайге малейшее отклонение от ориентира может завести в такие дебри, из которых выбраться очень трудно.

Еще двое суток скитался Лазо по лесным чащам, ночуя под открытым небом. Как-то, проснувшись, он увидел в нескольких шагах от себя свежие следы тигра. Отчаявшись найти лазарет, Лазо повернул обратно. Встретившийся связист-партизан указал ему путь к лазарету: он находился почти совсем рядом, всего лишь в одном километре.

В своих воспоминаниях находившийся в то время в лазарете партизан Лев так рассказывает о приходе Сергея Лазо:

«В один из теплых августовских дней из нашего шалаша мы увидели внезапно выросшую на тропинке высокую фигуру человека с винтовкой и походным мешком за спиной. Когда он подошел ближе, у наших караульных вырвался крик изумления:

— Лазо?!

Мы знали, что Лазо должен был в это время находиться в Анучинском районе, верст за сто от места нашей стоянки… Я с интересом присматривался к человеку, имя которого гремело по всей тайге. Вид у Лазо был ужасный. Лицо его отекло от развившейся болезни почек; к тому же оно было поражено экземой. Ноги до того распухли, что потеряли свою форму. Лазо едва шел, шатаясь от усталости. Мы предложили ему место в нашем шалаше…

Приход Лазо внес свежую, бодрую струю в жизнь раненых и больных, находившихся в таежном лазарете. Сам тяжело больной, он помогал в уходе за ранеными, в минуты уныния ободрял падавших духом. А надо сказать, что наше положение было поистине печальным. Наши съестные припасы заключались всего в одном мешке черной муки и мешке картофеля. Ощущалась острая нужда в медикаментах, перевязочных материалах. Изнуренные от медленно залечивающихся ран и плохого питания,

отрезанные от всего мира, в постоянной опасности быть открытыми японскими или колчаковскими отрядами, которые уже давно разыскивали наш лазарет, мы настроены были очень мрачно. Не унывал лишь один Лазо. Часто среди угрюмой таежной тишины звучал его голос. Лазо говорил о великих задачах русской революции, ее трудностях и грядущей победе.

Выздоравливающие раненые выписывались и уходили: кто в город, кто в зимовье партизан. Никто из нас не мог указать тропу или дорогу, дающую возможность обойти врага, но Лазо и тут был как дома:

— Не забудь, товарищ, пройти вниз по ручью до старой китайской фанзы. Там будет кладка. Дальнейший путь советую продолжать ночью.

Лазо знал, что всякие мелочи имеют громадное значение в жизни таежника-партизана. Он с гордостью называл себя опытным таежником. В своем мешке Лазо носил все предметы, необходимые таежнику: лопатку, топорик, котелок, веревку, немного крупы, сухарей, ножик, там же были у него и изолированные от сырости спички.

Лазо стал понемногу поправляться: сильный организм брал свое: я тогда ближе познакомился с ним. Лазо был очень интересным собеседником. Это объяснялось не только многогранностью его натуры и широким образованием, но и многочисленными интересными наблюдениями, сделанными им во время его общественной деятельности. Меня поражала в Лазо его удивительная способность проявлять дарования на самых разнообразных поприщах. Своим призванием, как говорил он мне во время одной из наших бесед, он считал математические науки. Математику он знал так хорошо, что при нормальных условиях он в свои двадцать шесть лет, вероятно, был бы приват-доцентом и читал бы лекции. Будучи и сам знаком с высшей математикой и механикой, я мог убедиться в том, что его познания были далеко не заурядными для студента второго курса, каким он считался, — они носили характер самостоятельных изысканий. Мечтой Лазо было достать серьезные труды по математике. Кроме математики, Лазо знал медицину, в этом он почти не уступал врачу».

Лазо поправлялся медленно. Предписанная ему врачом диета из-за недостатка продуктов оставалась лишь в области пожеланий. Но он удивительно применялся к местным условиям, пил настой из каких-то собранных доктором в тайге трав, и силы его с каждым днем крепли.

После лечения и отдыха Лазо должен был вновь отправиться в Сучанскую долину, чтобы помочь населению создать новые

партизанские отряды. Затем ему рекомендовалось пробраться во Владивосток на нелегальную работу и возглавить там военный отдел областного комитета партии, который необходимо было укрепить.

С мая Сергей не видел своей семьи. Весь период пребывания его в партизанских отрядах Сучанской долины и в таежном лазарете он не имел возможности отлучаться. Жена его Ольга Андреевна вместе с недавно родившейся дочуркой Адой жила в деревне Гордеевке под видом учительницы, тщательно скрывая от всех, что Лазо ее муж. Несмотря на сильное желание повидаться с женой, посмотреть дочь, которую он еще не видел, Лазо не сразу пошел в деревню. Он боялся своим появлением подвести крестьян. Узнай белогвардейцы и их агенты о том, что жители принимали Лазо, они разгромили бы деревню.

Два дня провел Лазо в тайге вблизи деревни, выбирая удобный момент, чтобы навестить семью конспиративно. Это тайное свидание ему удалось устроить так, что о нем никто из посторонних не узнал.

«Во всех домах было темно, — рассказывает об этом свидании О. А. Лазо, — керосин был редкостью. Ложились очень рано. Мы долго возились с ребятишками, и только в нашей избе был свет. Поздно вечером раздался стук в дверь. Я в это время была в другой комнате. Туда вбежала испуганная хозяйка и сообщила, что пришел какой-то вооруженный человек «ненашинский», которого она не знает, очевидно, это «колчак». Я вышла и была поражена: за столом, где горела маленькая лампочка, сидит Сергей с огромным мешком за спиной и с палкой в руках. Он зашел в единственную освещенную избу, чтобы справиться о приезде учительницы. Увидев неожиданно меня, Сергей, взволнованный, вскочил. Я не без труда сделала вид, будто его совершенно не знаю, и завела разговор, как с посторонним человеком. Сергей спросил, нет ли городских газет. Я взяла маленькую фотографию дочери, вложила ее в одну из газет и дала ему. Он с жадностью схватил газету и раскрыл ее. Оттуда выкатилась карточка и чуть не упала на пол. Он сейчас же прикрыл ее и уже больше газету не разворачивал.

Через несколько минут, чтобы не возбуждать подозрений хозяйки, поблагодарив ее за то, что она дала ему возможность отдохнуть, Сергей поправил на спине огромный таежный мешок, вложил туда газеты, надел шапку с ушами, взял свою палку и вышел из избы. Я накинула платок и через несколько минут вышла на улицу.

Было темно. Я не знала, догадается ли Сергей, что я выйду. Пройдя несколько шагов, я заметила вдали вспыхивающий

огонек. Когда я подошла поближе, то увидела, как Сергей, укрывшись под деревом, безуспешно старается зажечь спичку. В руках он держал карточку. Он посмотрел на меня немного застенчиво, улыбнулся и сказал:

— Хочу посмотреть, на кого похожа.

Я заслонила его от ветра, он зажег спичку и осветил личико маленькой девочки с черной головкой.

— Ну, на кого же похожа? — спросила я его.

— Трудно разобрать, она такая маленькая, но кажется, немного на меня.

Мне нельзя было с ним долго оставаться. Было опасно показать, что у меня есть связь с партизанами, — в деревню мог каждую минуту нагрянуть белый карательный отряд».

Еще не совсем оправившись от болезни, Лазо начал совершать длительные прогулки, изучая таежные тропы, ведущие к жилым местам. Он никогда не расставался с двухверстной картой и компасом, разведывая окрестности тайги на большие расстояния.

С каждой неделей здоровье Лазо крепло. Ежедневные тренировки в ходьбе помогли ему вскоре добираться из лазарета в села Сучанской и Анучинской долин, где он устанавливал связи с небольшими группами скрывавшихся партизан и их руководителями. Одновременно он занялся составлением плана дальнейшей военно-политической работы.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

На улицах Владивостока изредка появлялся человек в черных брюках из «чортовой кожи», ватной куртке, шапке-ушанке и простых сапогах. Одежда его всегда была в муке, в кармане у него лежало удостоверение о том, что он работает грузчиком на первореченской мельнице.

Грузчик этот занимался не совсем обычным для этой профессии делом. Он руководил военным отделом подпольного Дальневосточного областного комитета партии. Трудно даже представить, какой переполох произошел бы у врагов, если бы хозяйничавший в городе колчаковский генерал Розанов узнал о том, что грузчик этот знаменитый в крае Сергей Лазо, прибывший во Владивосток с ответственным партийным поручением — подготовить вооруженное восстание.

Еще будучи в таежном лазарете, Лазо разработал и представил Дальневосточному обкому план, как организовать военно-политическую работу. Обком одобрил этот план. Всемерно разлагать колчаковскую армию, разрушать тыл врага — телеграф, транспорт, промышленность, — собирать силы для свержения власти предателей народа — вот главные задачи, которые необходимо было решать. Особое место отводилось в плане подготовке воинских частей врага к переходу на сторону революции.

Лазо, не окрепнувшему еще как следует после болезни, приходилось очень много работать.

Новые условия борьбы требовали перестройки партизанских отрядов. Создавались небольшие группы, способные легко и быстро передвигаться, вводилась известная специализация — по подрывной работе, нарушению связи и т. п. Надо было позаботиться о снабжении партизан патронами, оружием, медикаментами, продовольствием, организовать зимние базы, заготовить продукты для партизан на случай ухода в глубокий тыл.

Выполняя принятое обкомом решение о работе партизанских отрядов, Лазо писал военному комиссару области:

«…Военный отдел работает усиленно, имея связь как в пролетарских, так и в военных организациях. Обком поставил правильно вопросы партизанского движения, надо только хорошо, по-большевистски выполнить его решение от августа 1919 года. Партизанские командиры должны помнить, что надвигается зима и необходимо теперь же выделить людей для строительства

зимних баз в тайге, подготовить места для хранения продовольствия.

Мы… скоро победим, но для победы еще нужны будут жертвы…»

Военный отдел обкома партии налаживал работу нелегальных партийных ячеек почти во всех колчаковских частях, за исключением гардемаринов, казаков и личной охраны Розанова. Он создавал вооруженные дружины в организациях грузчиков, на заводах, среди портовых рабочих, рабочих временных мастерских. Число отрядов росло, их действия расширялись. Всю территорию области разделили на военные районы: Сучанский, Никольско-Спасский, Иманский, Ольгинский; в каждый из этих районов были назначены командующие.

Чтобы обеспечить на зиму партизан продовольствием, временный Военно-революционный комитет издал приказ, в котором обязал крестьян сдавать известную часть своих хлебных запасов зерном или мукой.

Бедняки совершенно освобождались от обложения. Крепкие хозяйства должны были доставить на ссыпные пункты не более пятнадцати пудов. Середняки вносили от двух до пяти пудов. Приказ этот вызвал кое-где, особенно среди кулаков, недовольство, но все же огромное большинство крестьян сознавало, что хлеб необходим для питания сыновей и отцов, боровшихся в рядах партизанских отрядов, и давали больше муки или зерна, чем от них требовалось.

Красная Армия одерживала победу за победой. Было ликвидировано наступление Юденича. На деникинском фронте взяты Курск и другие города. В тылу Деникина и Колчака росли крестьянские восстания. Вооруженные силы интервентов и белогвардейцев явно разлагались. Укрепить тыл Колчаку не удалось. Порки и грабежи сделали свое дело: население возненавидело «верховного правителя России», его сподвижников и его порядки.

Фронт Колчака под нажимом Красной Армии разваливался: солдаты разбегались по домам, уходили в места, занятые большевиками.

Партизанские отряды усиливали борьбу.

7 ноября 1919 года командир партизанского отряда Петров-Тетерин доносил из Иманской долины военному комиссару области: «Муравьево-Амурским отрядом т. Мелехина взорван мост. Мною взорвано депо с паровозом… взят обоз Иманской сотни». Далее Петров-Тетерин сообщал о боях, с противником на различных участках и планах своих дальнейших операций.

Лазо очень дорожил донесениями отрядов. На их основе он

делал безошибочный анализ расположения частей белых и интервентов и строил план работы военного отдела. Из писем Петрова-Тетерина и других партизанских командиров видно было, что отряды из Сучанской долины двигались через Иманскую долину на запад к Амуру — это было чрезвычайно важно для установления единства действий.

Из Спасского, Иманского, Сучанского, Никольск-Уссурийского и других районов области военный отдел получал сведения об успешной работе коммунистов в частях врага, солдаты которых готовы были перейти на сторону революции.

Видя неизбежный развал колчаковщины, меньшевики, эсеры и прочие представители так называемой «демократии» сговорились с генералом Гайдой свергнуть власть Колчака, передать власть эсерам, а затем созвать учредительное собрание.

Кто же он — генерал Гайда, которого пресловутые «демократы» пригласили в качестве союзника и единомышленника в борьбе с «правителем омским»?

Гайда — офицер австрийской армии, один из организаторов чехословацких выступлений в Сибири. Это он еще 25 июля 1918 года создал военно-полевые суды для расправы с людьми, которые призывали к забастовкам и подозревались в содействии советским войскам.

Потом Гайда служил у Колчака. Они не поладили между собой, произошел серьезный конфликт. Колчак разжаловал Гайду и уволил его.

В ноябре 1919 года Гайда прибыл во Владивосток и договорился с местными «демократами» свергнуть колчаковщину.

17 ноября Гайда начал восстание. В нем участвовали и некоторые офицеры из гарнизона Владивостока и Никольск-Уссурийского, часть солдат и незначительное количество рабочих и крестьян.

Выступление Гайды шло сначала успешно, так как японцы, американцы и союзное командование заявили о своем нейтралитете. Восставшим удалось занять вокзал и несколько учреждений. Но утром 18 ноября части колчаковского генерала Розанова, поддержанные интервентами, нарушившими нейтралитет, разгромили повстанцев. Несколько сот человек было убито и ранено в бою, более четырехсот пленных расстреляно японцами. Полторы тысячи человек, арестованных Розановым, подверглись жестокой расправе.

Восстание Гайды по своему характеру и конечным целям было глубоко враждебно интересам трудящихся, но все же оно сыграло известную положительную роль.

Самый факт того, что власть Колчака при определенных

условиях можно свергнуть, произвел сильное впечатление на солдат, рабочих и крестьян Сибири и Дальнего Востока.

В декабре Красная Армия заняла Харьков, Полтаву, Киев, а в январе — Царицын, Новочеркасск, Ростов-на-Дону. Революционные войска теснили деникинские полчища к югу, намереваясь опрокинуть их в Черное море.

Одновременно на Восточном фронте Красная Армия угрожала Колчаку. 14 декабря ею были заняты Ново-николаевск и Барнаул, а через десять дней начались восстания рабочих по всей Сибири. Колчак бежал из Омска и вместе с генералом Пепеляевым был арестован в Иркутске. Советская власть в Сибири была восстановлена.

Коммунистическая партия мобилизовала все силы и средства, чтобы до конца разгромить белогвардейцев.

На Дальнем Востоке вокруг коммунистов сплачивались все более широкие массы трудящихся. И в среде белогвардейцев началось брожение. Солдаты колчаковской армии расстреливали своих реакционных офицеров и переходили целыми частями на сторону революционного народа.

С. Г. Лазо, И. Г. Кушнарев [35] и другие руководители военного отдела обкома в невероятно трудных условиях строгой конспирации продолжали боевую работу.

В своей записной книжке Сергей Лазо писал перед занятием партизанами Владивостока:

«В эти напряженные дни подготовки восстания, когда приходилось работать круглые сутки, вырывая случайные свободные часы для сна, в эти дни не чувствовалось усталости, работа захватывала, иногда даже просто было как-то неудобно отдохнуть, когда знаешь, что еще что-то нужно сделать, к кому-то надо сходить. Товарищи по квартире, у которых мы работали, удивлялись такой работоспособности и не раз говорили об этом. Они, простые обыватели, привыкшие к определенным часам работы, не испытавшие, наверное, того подъема, тех сил, которые дает работа, подходили и ко мне и к другим с этой обывательской точки зрения. Эти люди твердили мне скучную мораль о восьмичасовом сне и необходимости отдохнуть. Не раз днем, не раз поздней ночью я садился в стороне, чтобы уйти в себя и обмозговать, осмыслить ход той работы, которая лежала на руках, всевозможные повороты, зигзаги и толчки, которые могут встретиться на пути. Я не знаю, как лучше передать ощущения этих минут. Я бы сказал, где найден закон, который говорит, что человек должен спать восемь часов, который отрицает возможность сделать завтра в два раза больше, чем было сделано вчера. Но есть другой закон, много раз подтвержденный жизнью,

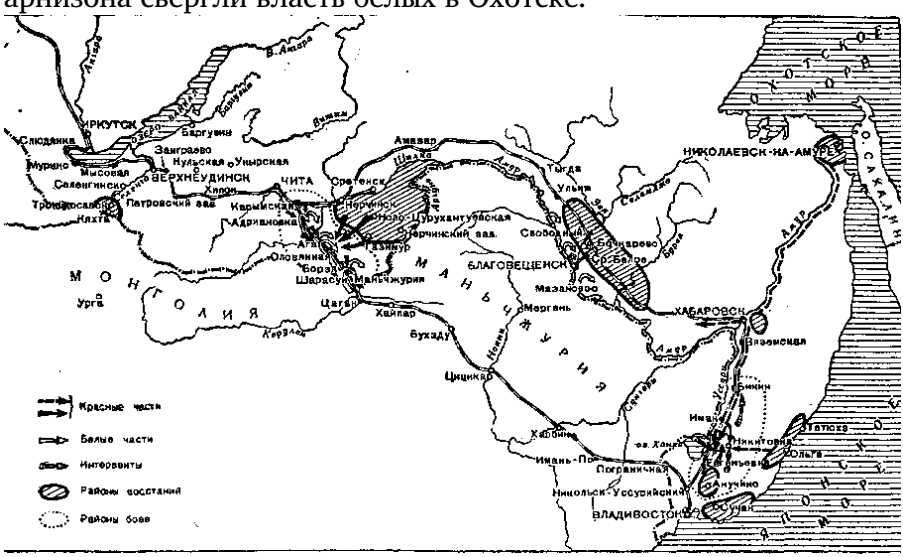
о том, что в работе и борьбе крепнет и растет человек…»

Объединение революционных сил шло быстро, и военный отдел дал наказ командующим районов подготовиться к взятию в свои руки власти на местах. Директивы обкома партии, военного отдела доходили до самых глухих и отдаленных районов. Скоро Лазо начал получать из Никольск-Уссурийского, Спасска, с Сучана сведения о том, что к захвату власти все подготовлено.

В декабре восстал колчаковский гарнизон в селе Казанке. Солдаты убили двенадцать белогвардейских офицеров, захватили пулеметы, винтовки, патроны, перешли к партизанам и с разрешения Лазо организовали 1-й Советский полк, командиром которого был назначен Николай Ильюхов.

За Казанкой восстал шкотовский гарнизон. Он также уничтожил контрреволюционных офицеров, захватил все вооружение и влился в партизанские отряды Сучанского и Никольск-Уссурийского районов. Находившиеся в то время в Шкотове японские части от неожиданности растерялись и ничем не смогли помочь белогвардейцам. Рабочие и крестьяне, насильно мобилизованные колчаковцами, примкнули к большевикам.

Вскоре приисковые рабочие совместно с солдатами охотского гарнизона свергли власть белых в Охотске.



Карта боев за освобождение Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев.

Интервенты видели, что их надежды захватить Дальний Восток обречены на провал.

Прошло немного времени, и военный министр США Беккер сообщил «весьма конфиденциально» командующему американскими войсками генералу Грэвсу, что «в течение

ближайших дней надлежит ожидать получения приказа об эвакуации всего вашего отряда». Но вывод американских войск отнюдь не означал примирения США с советской властью. Отзывая свои войска, американские империалисты подстрекали своих японских коллег продолжать интервенцию и увеличивать свои вооруженные силы на русской земле.

Поощряя японских империалистов продолжать интервенцию в Сибири и на Дальнем Востоке, Беккер преследовал цель ослабить и Японию и Россию.

В конце декабря поздно вечером в бане на Первой Речке собралась партийная конференция. Делегаты сидели на лавках в полумраке. Все помещение тускло освещал огарок свечи. Видно было только лицо председательствующего.

На этой конференции решался один из важнейших политических вопросов, какие когда-либо приходилось решать дальневосточникам-коммунистам, — вопрос о характере власти после победы восстания. Некоторые товарищи требовали и настаивали на том, чтобы объявить немедленно советскую власть. Но большинство предложило временно передать власть земской управе с условием, что она поставит своей основной задачей ликвидацию интервенции на Дальнем Востоке и признает Дальний Восток неотъемлемой и составной частью РСФСР. Это предложение вызывалось сложностью обстановки.

На Дальнем Востоке было в то время сто тысяч. японских солдат. Провозглашение в тех условиях советской власти вызвало бы, несомненно, открытый военный конфликт с интервентами. Революционные силы не могли тогда противостоять врагам ни по численности, ни по вооружению. И поэтому конференция согласилась с мнением большинства.

Конференция избрала Лазо начальником штаба военно-революционных организаций.

В начале января 1920 года обком партии решил проверить, готовы ли трудящиеся города поддержать большевиков в их стремлении свергнуть власть Колчака, и объявил однодневную забастовку протеста против интервенции и реакции. Результат оказался блестящим. 3 января жизнь во Владивостоке замерла. Военный порт, дальневосточный завод, Эгершельд [36], все мастерские, предприятия опустели. Порт, где всегда кипела жизнь, затих. Магазины, кино, театры и учреждения не открывались. Электрическая станция не работала. Вечером город и крепость были окутаны зловещей тьмой.

Контрразведчики метались по городу в поисках подпольщиков и их штаба — Дальневосточного комитета партии. Почти во всех домах рабочих районов были произведены обыски,

захвачены десятки и сотни «подозрительных» лиц. А члены комитета благополучно оставались на свободе и продолжали работу.

Забастовка кончилась, но жизнь во Владивостоке с каждым днем становилась все напряженнее и напряженнее. Казалось, внешних причин для беспокойства у белогвардейских властей и интервентов не было. Нормально работали все предприятия, учреждения. Партизаны не подавали никаких признаков жизни. Но враги чувствовали, что это затишье перед бурей, и лихорадочно к ней готовились. Никогда еще по городу не носилось столько шпиков, столько казачьих патрулей, никогда еще не было столько секретных постов из японских солдат, русских гардемаринов и юнкеров, как в те тихие, как будто спокойные дни.

Лазо был хорошо законспирирован. Жил он в разных частях города, часто менял квартиры. Однажды охранники и контрразведчики, получив, видимо, сведения о появлении в районе нового «подозрительного» лица, пришли к нему с обыском.

В дверь постучали.

— Кого это так поздно черти несут? Я сплю! — сердито крикнул Лазо. Он сразу понял, что пришли с обыском.

— Открой!

Недовольно ворча, Лазо открыл дверь.

Как полагается грузчику, которому помешали спать, Лазо довольно грубо ворчал на пришедших. Все в квартире было перевернуто вверх дном. Охранники внимательно осмотрели паспорт, удостоверение с мельницы, кровать, стул, стол, несколько валявшихся для отвода глаз пустых бутылок и ушли.

Лазо с большим юмором передавал потом подробности обыска. Контрразведчик, повидимому из интеллигентов, нашел сильно потрепанную книжку по высшей математике.

— Откуда у тебя эта книжка? — спросил он удивленно.

— Нашел на мельнице, — ответил Лазо. — Думал, хорошая книжка, роман какой, стал читать — барахло.

— Читал бы лучше «Бову-королевича», — презрительно заметил офицер, взяв книгу.

Лазо продолжал демонстрировать свою темноту:

— Книжку забирай, только два-три листка вырви мне на курево, а то махру не во что завернуть.

Офицер вырвал две странички чистой бумаги, махнул безнадежно рукой, и банда охранников удалилась. Лазо остался один.

Удовольствие от того, что удалось легко провести и оставить

в дураках врагов, было испорчено сожалением о хорошей книге.

Неудержимое нарастание революционных сил, переход солдат и целых воинских частей белых на сторону революционных войск заставили еще более насторожиться японское командование. Интервенты перестраивались, расставляли воинские части ближе к Владивостокскому порту и вокзалу. На Эгершельде высадился и поселился в казармах еще один японский десант.

24 января 1920 года командование расположенного во Владивостоке егерского полка, испугавшись революционных настроений среди солдат, решило их разоружить. Узнав об этом, солдаты арестовали своих офицеров, выставили караулы и на другой день организовали комитет по руководству восстанием. Во главе этого комитета стал кузнец большевик Щипунов. Утром 26 января восставший полк был окружен юнкерами и гардемаринами, которые потребовали сдачи оружия и выдачи зачинщиков. Солдаты отказались выполнить это требование. Тогда юнкера и гардемарины начали обстреливать здание полка из винтовок, пулеметов и орудий. Восстание было подавлено, егеря разоружены и перевезены на Русский остров.

Дальневосточный комитет партии выпустил написанное начальником областного Военно-революционного штаба Сергеем Георгиевичем Лазо воззвание к солдатам и офицерам. В нем говорилось:

«За последние дни началось повсеместное разоружение русских гарнизонов. Под угрозою иностранных штыков, а иногда просто обманом, у солдат и офицеров отбирают их оружие, лишают воинского звания, объявляют военнопленными и отправляют в концентрационные лагери. Затем предлагают всем желающим добровольцам поступать в специальные части в подчинение атаманов Семенова и Калмыкова. Калмыкову удалось обманом разоружить часть хабаровского гарнизона, другая часть ушла к партизанам. Уже разоружены некоторые части во Владивостоке, предстоит разоружение всех сухопутных и морских частей.

Каждый из вас спрашивает, что это значит?

И мы ответим, что это значит то, что «союзники»… не будучи в состоянии подавить Советскую Россию и отказавшись от вооруженной борьбы с ней, предоставляют Японии свободу действий на Дальнем Востоке. Япония стремится завладеть Дальним Востоком, как она уже завладела Кореей, и разоружение воинских частей есть один из первых шагов на пути распространения японского владычества. За этим шагом

последуют, конечно, и другие. Мы, борясь с Японией со дня вступления ее первых войск на территорию Дальнего Востока, можем сказать только одно: не давайте добровольно оружия. Пробивайтесь с оружием в руках, уходите к партизанам. Никакое вооружение не должно доставаться нашим врагам, уничтожайте то, что вы не можете унести с собой, взрывайте пушки, топите миноносцы. Сделайте все возможное, чтобы оружие, находящееся у вас, не было бы отнято от трудового народа, не досталось бы нашим врагам. Устанавливайте тесную связь с Дальневосточным областным Военно-революционным штабом Коммунистической партии, он поможет вам своими указаниями, сообщит необходимые для перехода сведения, даст нужные связи.

Да здравствует переход революционных гарнизонов в партизаны!

Не сдадим нашего оружия нашим врагам!

Объединимся в борьбе за единую, великую, советскую Россию!»[37].

Это воззвание сыграло большую роль. Попытки белогвардейского командования разоружить воинские части далеко не всегда оканчивались успешно. Часто солдаты вместе с оружием переходили на сторону революции.

В оперативной сводке Лазо сообщал, что перевезенные на Русский остров егеря сразу установили связь с воинскими частями Русского острова, комитет егерей вошел в состав гарнизонного комитета и, в случае необходимости, выступит по первому требованию. Части русского легиона, батальоны инструкторской школы и артиллерийский дивизион, находившиеся на Русском острове, также подготовлены к выступлению по первому приказу военно-революционного штаба.

Связь с Русским островом поддерживалась с помощью ледокола.

Колчаковцы дали ледоколу распоряжение прекратить работу, чтобы разрушить сообщение между Русским островом и Владивостоком. Узнав об этом, военный отдел обкома партии послал на ледокол своего представителя — товарища Румянцева, который разъяснил команде намерение белогвардейцев изолировать революционно настроенные части Русского острова от внешнего мира. Приказ колчаковцев не был выполнен, и план их, рассчитанный на разобщение сил, не удался.

На Русском острове были и белогвардейские офицерские части. Они представляли серьезную помеху успешному исходу восстания. Можно было надеяться, что некоторые офицеры присоединятся к революционным войскам, но многие,

безусловно, будут колебаться в выборе, а иные станут на враждебные позиции.

Областной комитет партии решил, что наступило время для серьезного разговора с офицерами. С кем же они: с Россией или против нее? И для этого разговора на Русский остров послали Лазо.

Одетый в солдатскую шинель без погон, он явился в офицерскую часть и обратился к собравшимся с речью, в которой обрисовал создавшееся положение. Некоторые офицеры шумели, враждебно встретив речь Лазо. Но он не растерялся и нашел слова, глубоко взволновавшие многих.

— За кого же вы, русские люди, молодежь русская? — горячо, громко и вдохновенно сказал Лазо.

Эти слова заставили прислушаться. Шум начал стихать.

— Вот я пришел к вам один, невооруженный, — продолжал Лазо. — Вы можете взять меня заложником… убить можете…

Воцарилась полная тишина.

— Перед вами Владивосток — этот чудесный русский город, последний на вашей дороге! Вам некуда отступать: дальше чужая сторона… чужая земля… и солнце чужое…

Раздался истерический крик:

— Замолчи!

Послышались и другие голоса:

— Не перебивай!

— Пусть говорит!

И Лазо говорил:

— Нет, мы, революционеры, русскую душу не продавали по заграничным кабакам, мы ее не меняли на заморское золото и пушки… Мы не наемными, мы собственными руками защищаем нашу землю: мы грудью нашей, мы нашей жизнью будем бороться за родину против иноземного нашествия!..

И, заканчивая свою речь, сказал:

— Вот за эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому!..

После выступления Лазо многие офицеры отказались поддерживать колчаковского ставленника Розанова и интервентов. В ходе дальнейших событий они занимали нейтральную позицию, — это было в то время очень важно, — а многие из них перешли на сторону восставшего народа и боролись в его рядах с врагами советской власти до конца своей жизни.

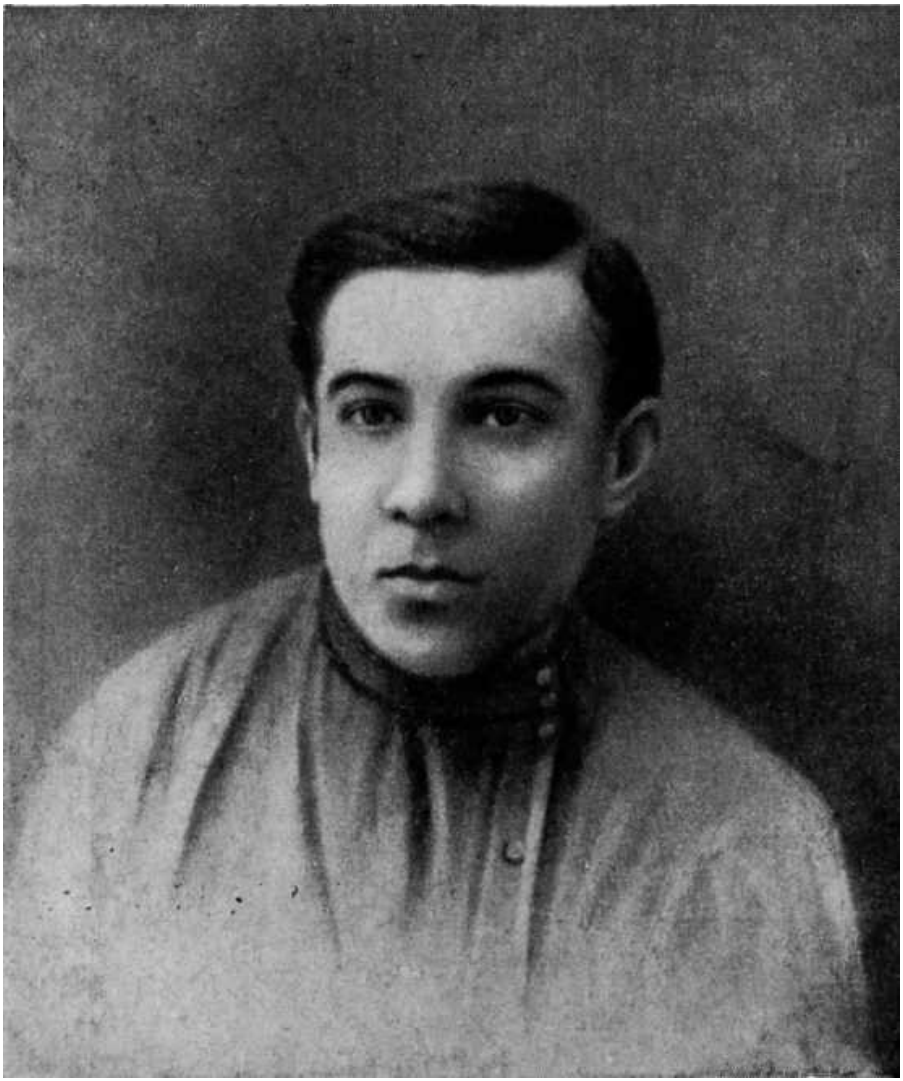
«ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ ЗАНИМАЛИ ГОРОДА»

Дальневосточный обком партии был организатором всенародного движения протеста против колчаковщины и интервентов. Его влияние, его направляющая рука чувствовались всюду, везде и во всем. Подпольная работа развертывалась широким фронтом. Вдоль тихоокеанского побережья курсировал партизанский флот. В невинных с виду рыбачьих лодках и шаландах партизанам доставлялись оружие, медикаменты, снаряжение; под сетями лежал порох и взрывчатка, предназначенные для таежных «заводов», производивших бомбы. Через горные хребты, сквозь чащи девственных лесов пробирались пешеходы с тяжелым грузом, чтобы доставить партизанам патроны, газеты, табак…

К зиме партизаны успели многое сделать, чтобы расстроить планы колчаковцев и интервентов. Как сообщал в январе 1920 года Дальневосточный обком Центральному Комитету партии и Совнаркому, партизанское движение «поставило вне сферы влияния правительственной власти почти всю территорию области». Уссурийская железная дорога — главная транспортная артерия, снабжавшая белогвардейцев и интервентов топливом, продовольствием, — была почти совершенно парализована смелыми действиями партизан.

День восстания во Владивостоке приближался.

Д. Д. Киселев сообщает В. И. Ленину о партизанской борьбе в Сибири и на Дальнем Востоке. 1919 г. С картины художника Е. О. Машкевича.



К. А. Суханов.

26 января партизаны Уссурийского района под командованием Андреева после небольшой перестрелки заняли город Никольск-Уссурийский. Гарнизон колчаковских войск под влиянием подпольной коммунистической организации признал товарища Андреева командующим районом. Японские войска вынужденно «сохраняли нейтралитет».

В те же дни перешел к партизанам колчаковский гарнизон станции Океанской, находящейся в двадцати пяти километрах от Владивостока. Рота 35-го полка, сошедшая, с парохода «Печенга», вместе с командиром прошла открыто в пешем строю на 55-ю высоту и присоединилась к 1-й Амурской революционной батарее.

Предчувствуя неминуемый конец, контрреволюционное офицерство, юнкера, гардемарины захватывали в порту ценности, запасы продовольствия и обмундирования и грузились на пароходы, чтобы бежать за границу. Настроение оставшихся офицерских частей было подавленное.

Объединенный штаб военно-революционных организаций, созданный обкомом партии для руководства восстанием, работал с исключительным напряжением. Начальник штаба Сергей Лазо кропотливо собирал и обобщал необходимые сведения из различных частей и отрядов. Ведь для того, чтобы правильно распределить силы, нужно многое учесть, взвесить, предусмотреть.

Штаб помещался на конспиративной квартире одного рабочего на Первой Речке. Но принимать там многочисленных курьеров, ординарцев, связных, совещаться с товарищами было, конечно, очень рискованно. Поэтому встречи, беседы, заседания происходили в самых различных местах. Они бывали в школах и в сопках, в ресторанах и у фабричных ворот, в порту и на базарах. Начальнику штаба и его сотрудникам приходилось часто менять свою внешность, гримироваться, переодеваться. Опасность подстерегала на каждом шагу. Белогвардейская контрразведка свирепствовала. Малейшая оплошность могла не только стоить жизни, но и провалить восстание. Но, несмотря на все трудности, подготовка к восстанию шла полным ходом.

Утром 27 января город был окутан туманом. На расстоянии нескольких шагов трудно отличить мужчину от женщины — смутно виден лишь силуэт человека. У здания управы остановилась пролетка, и из нее, придерживаясь руками за облучок, медленно не сошла, а как бы сползла сгорбившаяся фигура в черном полушубке и нахлобученной на глаза оленьей шапке; шерстяной шарф плотно закрывал шею и нижнюю часть лица. Опираясь на палку, приезжий, припадая слегка на одну ногу, поднялся на ступеньки и скрылся в подъезде. Через минуту он, вытянувшись во весь рост, бодро вошел в кабинет председателя областного земства.

Сидевший за огромным дубовым столом пожилой высокий мужчина с седеющей бородкой встал с кресла и пошел навстречу посетителю. Он был подготовлен к этой встрече.

— Лазо, — сказал вошедший, снимая шапку и разматывая шарф.

— Медведев, — ответил председатель, протянул руку и пригласил к столу.

Беседа сразу приняла деловой характер.

— Я пришел к вам по поручению обкома Коммунистической

партии, долго не могу здесь задерживаться, — сказал Лазо, — буду краток.

— Слушаю вас, — Медведев откинулся на спинку кресла и, закурив, начал пускать колечками дым от ароматной папиросы с длинным мундштуком.

— Вчера занят Никольск-Уссурийский, к Владивостоку стягиваются партизанские отряды, продолжал Лазо. — Гарнизоны этих городов в подавляющем большинстве в любой момент по приказу Военно-революционного штаба готовы выступить против Розанова. Успех зависит сейчас от того, под каким лозунгом будет проходить восстание. Рабочие, повстанческие части и партизаны стремятся к одному: воссоединить Дальний Восток с Россией. Но вам должно быть понятно, что в настоящих условиях, когда мы находимся в кольце интервентов, восстание под лозунгом немедленного восстановления советской власти невозможно.

— Я согласен с вами, — ответил Медведев. — Но не вижу, чем могу быть полезен комитету коммунистов.

— Мы готовы передать временно власть земской управе.

Медведев оживился.

— Но будем требовать, — добавил Лазо, — чтобы управа проводила политику ликвидации иностранной интервенции, освобождения политических заключенных, сохранения ценностей и всего Дальнего Востока за Советской Россией. Переворот неизбежен. Революционные войска на подступах к городу. Учтите это обстоятельство.

Медведев задумался. И было, над чем поломать голову. События принимают такой поворот, что победа большевиков кажется не столь уж невозможной. А если это все же случится, что тогда? Какая участь ждет земство?.. Земство, чорт с ним! — но его, Медведева, если он откажется сотрудничать с большевиками? Да, по был ведь и другой опыт в его же, Медведева, практике. И не в такие уж далекие времена — года полтора назад, в конце июня 1918 года. Земство вместе с белогвардейцами, чехами и прочими интервентами выступило против большевиков, и Советы были разгромлены. Все это было… Но кто знает, как будет теперь? Как же все-таки быть?..

Лазо настойчиво требовал ответа.

— Мы обсудим ваше предложение, — сказал Медведев, решив, что такой неопределенный ответ лучше всего соответствует сложности обстановки.

Лазо отлично понял психологию собеседника, его страх и внутреннюю борьбу.

— Впрочем, — сказал он уверенно и твердо, — если бы вы не

согласились, восставшая армия, крестьяне и рабочий класс сумеют потребовать, чтобы земство взяло власть в свои руки. Подумайте, я спешу.

И, откланявшись, Лазо вышел на улицу, снова закутался в шарф и, поглубже надвинув на лоб оленью шапку, опираясь на палку, доковылял до ожидавшего его извозчика.

Прошло два-три дня. Атмосфера сгущалась. События развивались быстро. Земская управа согласилась с предложением областного комитета партии.

29 января 1920 года объединенный штаб военно-революционных организаций распространил по области воззвание:

«ТОВАРИЩИ СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ!

События последнего времени всколыхнули все население и подняли на ноги все гарнизоны Приморской области. Власти нет. Правительство Колчака рухнуло. Среди высших должностных лиц и в правительственных учреждениях царит полная растерянность. Высшей властью на Дальнем Востоке объявил себя атаман Семенов, но в Маньчжурии его не признает Хорват, а в Приморской области главным начальником края считает себя Розанов. Никто не может признать самозванных Розанова и Семенова, которые с частью офицерства хотят управлять областью».

Рассказав далее о том, что многие гарнизоны ушли к партизанам и совершили бескровный переворот в ряде городов, объединенный штаб призывал солдат и офицеров не предпринимать никаких выступлений без согласия штаба, который решил взять на себя руководство воинскими частями крепости Владивосток.

«Товарищи солдаты, будьте спокойны, поддерживайте связь со штабом, исполняйте только приказы штаба.

Товарищи офицеры, штаб призывает вас объединиться с товарищами солдатами. Не верьте Розанову, он распродал запасы хлопка, селитры и других товаров, составляющих общенародное достояние, и обеспечил себя на случай, если ему придется удирать за границу, вас же он толкает на ненужное кровопролитие и хочет вашими руками загребать жар.

Мы стремимся только к одному — к передаче без всяких кровопролитий власти в руки областной земской управы, и когда все воинские части объединятся для этого, власть Розанова сама собой исчезнет.

Штаб заявляет, что он всеми мерами стремится избежать столкновения русских и иностранных военных частей. Ни одна русская часть, подчиненная штабу, не выступит первой против союзников. До сих пор не было ни одного, столкновения с союзниками. Всякие слухи об этом являются провокацией».

Объединенный Военно-революционный штаб, руководимый товарищем «Анатолием Гуран» (Лазо), всеми силами старался изолировать и парализовать белогвардейские силы. Лазо предусматривал и возможность выступления интервентов в защиту белогвардейцев. Надо было лишить врагов связи между собой.

Вечером 30 января было издано секретное приказание № 91 объединенного Военно-революционного штаба. Это приказание адресовалось заведующему организационным отделом Дальневосточного комитета партии Сергею Черемных, через которого штаб проводил свои решения в жизнь.

«Дополнение приказа № 90 о всеобщей забастовке приказывается вам в 6 ч. утра завтра, 31 янв., через товарищей электромонтеров прервать телефонное сообщение в городе. Завтра, 31 января, непрерывно поддерживать связь с электромонтерами, чтобы по первому требованию восстановить действие телефонов.

Нач. штаба Анатолий Гуран»[38].

В ночь на 31 января в Гнилой Угол передвинули трамвайные вагоны для перевозки революционных войск к центру города. Для нужд объединенного Военно-революционного штаба были мобилизованы автомашины. Орготдел партии нес службу связи между штабом и районами, а также воинскими частями через нелегальные комитеты.

В ту же ночь Центральное бюро профессиональных союзов, работавшее в контакте с обкомом партии, объявило забастовку. Телефонная связь была прервана.

Дальневосточный комитет партии выработал меморандум, который за подписью Лазо от имени объединенного Военно-революционного штаба был отправлен консулам всех стран, участвовавших в интервенции.

Интервенты предупреждались о предстоящем занятии революционными войсками крепости и города Владивостока.

С утра 31 января из Гнилого Угла по Светланской (ныне Ленинской) улице в трамваях и пешком двинулись к центру сводные революционные отряды, спустившиеся с крепостных высот. К ним примыкали рабочие дружины. Правительственные учреждения и предприятия были заняты почти без единого выстрела. Генерал Розанов со своими приспешниками под

охраной японских офицеров бежал за границу.

К одиннадцати часам дня весь город был занят революционными войсками. На станцию Владивосток прибыл из Сучанской долины бронепоезд с партизанами 1-го Дальневосточного советского полка. Трудящиеся Владивостока ликовали.

То была незабываемая картина. Несмотря на присутствие в городе многих тысяч интервенционных войск — американцев, японцев, англичан, канадцев и других, колонны рабочих, партизан и солдат со всех сторон с красными знаменами двигались к вокзальной площади.

Народ требовал выступления руководителей партии. Обком поручил выступить Сергею Лазо.

Быстрой походкой поднялся он на трибуну. На нем была серая солдатская шинель, подпоясанная ремнем. Раздались аплодисменты. Над площадью неслось долго несмолкаемое «ура».

— Да здравствуют большевики!

— Да здравствует Ленин!

Никто из товарищей не видел раньше Лазо таким взволнованным. В тяжелые дни, когда враги одерживали временные успехи, он сохранял всегда спокойствие, обычную веселость. В этот же день, в день победы народа и исполнения его лучших надежд, от обычной сдержанности Сергея не осталось и следа. Он резким движением сорвал со своей головы фуражку и начал говорить торжественно и возбужденно:

— Мы сбросили сегодня власть, самую кровожадную, самую ненавистную для трудящихся края. Генерал Розанов еще вчера вместе с интервентами готовил для расправы с «бунтовщиками» офицерский корпус. Но эта авантюра провалилась, и вы видите, что сегодня, в момент восстания, в крепости с десятитысячным гарнизоном для защиты предателя России не нашлось ни одной воинской части. Лакей интервентов вынужден был бежать от неминуемой расправы к своим хозяевам — японцам. Туда ему и дорога! Перед восстанием Розанов готовил тайное соглашение с японскими империалистами о закабалении всего края. Теперь власть этого палача сброшена нами, но в крае остаются войска господ интервентов. Японские милитаристы готовят захват Дальнего Востока. Вот почему мы, коммунисты, и революционная армия должны быть готовы к борьбе в любой час…

Собравшиеся устроили Лазо бурную овацию. Они дали торжественную клятву Коммунистической партии бороться до конца за воссоединение Дальнего Востока с Советской Россией. Над площадью снова гремело «ура».

Лазо спустился с трибуны… Нет, он не успел спуститься. Его'

на ступеньках подхватили десятки рук, снесли на землю и принялись качать, высоко подбрасывая под ликующие возгласы многотысячной толпы.

Народ долго не хотел расходиться. Рабочие, партизаны и солдаты во главе с Лазо торжественно двинулись с вокзала по Алеутской, затем по Светланской улицам. Тысячи рабочих семей вышли встречать революционеров, вынесших на своих плечах огромную тяжесть борьбы с интервентами и белогвардейцами.

Навстречу демонстрантам двигались прибывающие новые колонны партизан. Их обветренные и загорелые, обросшие бородами лица казались суровыми, но глаза сверкали радостным огнем. Герои были одеты по-таежному. Один шел в вывернутом шерстью наружу черном полушубке, весь увешанный патронташами и гранатами. Другой — в козьей дохе, с винтовкой на спине и самодельной бомбой; у пояса болтались закопченные котелки. Партизаны шли под несмолкаемый гул приветствий всего населения.

Колонны встретились, остановились. С обеих сторон раздалось могучее «ура». Колонны слились. Мощные звуки «Интернационала» прокатились по улицам города: «Это есть наш последний и решительный бой…»

В этот день правительство земской управы обнародовало обращение к населению. Принимая временно власть, правительство обязывалось освободить политических заключенных, ликвидировать остатки колчаковщины и восстановить политические и гражданские свободы. Кроме того, в обращении указывалось, что будет установлен общественный контроль над торговлей и промышленностью, организовано снабжение продовольствием, восстановлены земельные комитеты и приняты все меры к ликвидации интервенции.

Несмотря на то, что Владивосток был центром интервенции и там находились штаб японского командующего генерала Оой, штабы интервентов США, Англии и Франдии, охраняемые многочисленными войсками и крейсерами, город был занят революционными войсками раньше других крупных городов Дальнего Востока.

Занятие Владивостока Коммунистическая партия расценивала как историческую победу.

Через несколько дней было получено сообщение о том, что в результате решительных боев с белогвардейцами и интервентами амурские партизаны заняли Благовещенск. Тесня врагов, партизаны 4 февраля окружили город. Атаман Кузнецов обратился к казакам за помощью, но получил от них

решительный отказ в поддержке. Тогда он передал власть образовавшемуся Временному совету самоуправления и профессиональных рабочих организаций, а сам вместе с жалкими остатками разгромленной банды бежал на китайскую территорию.

6 февраля по требованию народа Временный совет прекратил свое существование, и в городе была установлена советская власть.

ВЛАДИВОСТОК — ХАБАРОВСК

Дорого обошлась дальневосточным большевикам борьба с белогвардейцами и интервентами. Много коммунистов погибло в этой борьбе. Но все же владивостокская партийная организация оставалась, как и прежде, крупнейшей на Дальнем Востоке и играла ведущую роль во всей жизни края. Восемьдесят ячеек, объединившие около шестисот коммунистов, были по тем временам большой силой.

Никогда не изгладится из памяти торжественный день в начале февраля 1920 года, когда после победы восстания в Народном доме Владивостока было созвано легальное общегородское партийное собрание. Вышедшие из глубокого подполья товарищи по борьбе пришли сюда для того, чтобы решить, как дальше жить и работать в Приморье. Сколько трогательных встреч было в тот незабываемый, волнующий день! Впервые за полтора года можно было без оглядки, громко назвать друг друга по имени, пожать руку, вспомнить о пройденном пути, полном тяжелых испытаний, лишений и тревог.

— Жив?

— Как видишь!

И, словно желая проверить, правда ли это, обнимаются, сжимая друг друга в объятиях, и, звонко, озорно хлопая друг друга по плечу, смеются:

— Хорошо! А Павел как?

— Павел, понимаешь, у меня на глазах в схватке убит… наповал.

И смех умолкает…

На собрании коммунисты обсудили доклад о текущем моменте, определили время созыва краевой партийной конференции, посоветовались, как лучше развернуть агитационную и пропагандистскую работу среди населения и в профессиональных союзах. Было принято также решение реорганизовать объединенный Военно-революционный штаб в военный совет. И когда речь зашла об его руководителе, все единодушно назвали Сергея Лазо. Кому, как не ему, признанному и талантливому вожаку революционных вооруженных Сил Забайкалья и Приморья, доверить этот высокий и ответственный пост? Членами военного совета собрание утвердило Всеволода Сибирцева, стойкого большевика, бежавшего из концентрационного лагеря и работавшего в подполье, и Алексея Луцкого, одного из образованнейших офицеров царской армии,

который, будучи в Харбине, разоблачал контрреволюционную деятельность генерала Хорвата. Приехав в Приморье, Алексей Луцкий стал коммунистом.

Дазо прежде всего выехал из Владивостока навестить своих боевых товарищей, с которыми было связано много воспоминаний о партизанской борьбе на Сучане, и возвратился полный новых впечатлений.

— С такими людьми мы можем совершать чудеса, — восторженно отзывался Лазо о партизанах. — Человек только что от сохи, не подготовлен, а всем своим нутром понял, что наше дело правое, и настолько в это дело верит, что никакие силы не могут его сломить.

В беседах с друзьями он называл много славных имен командиров отрядов и бойцов, которые до конца будут бороться за дело революции.

Вскоре по заданию Дальневосточного обкома партии Лазо вместе с военным комиссаром временного Военно-революционного комитета партизанских отрядов Приморской области выехал на проверку и инструктаж партийных организаций и воинских частей, расположенных по линии железной дороги от Владивостока до Хабаровска.

Ехали в отдельном вагоне с надежной охраной из партизан. Впервые за много времени можно было чувствовать себя сравнительно спокойно, смотреть в окно, не прячась от шпиков.

Лазо долго не мог освоиться с тем, что он едет совершенно открыто под собственным именем. Нет надобности прибегать к маскировке, изменять свою внешность, можно оставаться самим собой в гимнастерке и шинели. На станционных платформах не видено было ни усатых жандармов, ни золотопогонных белогвардейских контрразведчиков, прощупывавших каждого встречного. Казалось, всю эту нечисть смыло хорошим весенним дождем. Но все же острые, воровские глаза агентов и шпионов шныряли по лицам, обшаривали фигуры пассажиров, высматривали, выслеживали.

На станциях, где стояли японские гарнизоны, офицеры-японцы проявляли к Лазо повышенный интерес и неоднократно пытались проникнуть в его вагон. Партизанская охрана вежливо, но решительно преграждала им путь винтовками, заявляя:

— В этот вагон посторонним лицам вход воспрещен.

Лица интервентов вытягивались, но, соблюдая вынужденный нейтралитет, они вежливо улыбались и, козыряя после постигшей их неудачи, отходили, только глаза их выдавали затаенную злобу.

Лазо, наблюдавший эти сцены из окна вагона, весело смеялся.

Официально никто не был оповещен о поездке Лазо, но по всей линии железной дороги население знало о ней. В вагон Лазо, приходили делегации от рабочих организаций и воинских частей, чтобы приветствовать его и поговорить о том, какими путями и средствами можно скорее освободить весь край от интервентов.

Лазо подолгу беседовал с делегатами, говорил, чтобы они своим поведением не давали никаких поводов, которые могли бы вызвать осложнения с японцами. Вместе с тем он предупреждал:

— Не пускайте интервентов в расположение наших частей, не давайте им никаких сведений, даже самых пустяковых. Помните, что это враги очень жестокие и хитрые… Они ничего «так себе» не спрашивают и все обратят потом против нас.

Однажды в вагон пришла группа партизан-крестьян. Это были настоящие солдаты революции, вынесшие на своих плечах немало опасностей и невзгод суровой боевой жизни.

— Мы вот по какому делу, товарищ Лазо, — сказал один из делегатов, коренастый, широкоплечий человек в лаптях и громадной беличьей шапке. — Как же оно получается? Воевали мы за что? За советскую власть. А что вышло? Опять земство на нашу голову посадили? Это как же понимать? За что боролись? За что кровь проливали?

— Правильно, — поддержали его товарищи.

— Ого! — слегка улыбнувшись, спокойно заметил Лазо. — Ну, ладно, друзья, не будем шуметь и волноваться. Садитесь лучше, поговорим.

Делегаты сели.

— Где твой кисет, дядя Володя? [39] — обратился Лазо к комиссару (сам он не курил). — Угости-ка нас табачком.

Кисет с махоркой и клочок старой газеты… Как часто эти неизменные спутники фронтовой жизни помогали дружеским беседам!

— Закурить — оно, конечно, очень даже способно, — сказал степенный крестьянин, закручивая цыгарку. — А только как же насчет советской власти?

— Видите ли, товарищи, в чем дело, — начал Лазо. — Это очень сложный вопрос. Все мы боролись и боремся за советскую власть, и никто от нее и не думает отступать. Мы вынуждены временно передать власть земству, потому что японские интервенты заполонили весь наш Дальний Восток. Если бы мы теперь объявили здесь советскую власть, то не могли бы провести в жизнь ее решения, декреты — интервенты помешали бы нам это сделать. Заставить их уйти мы еще не можем. Советская Россия не в состоянии послать нам сейчас на помощь свои войска. Остаться один на один с интервентами — значит…

— Да мы бы их! — с сердцем перебил кто-то.

— Не так все просто, — сказал Лазо. — В Приморье стотысячная армия одних только японцев, их поддержат американские и другие империалисты; они во много раз сильнее нас. Людей потеряем и революцию поставим под удар.

— Вишь ты какое дело! — подумав, сочувственно протянул первый партизан. — Слыхали, ребята?

— Слыхать-то слыхали. Ну, а насчет советской власти как же оно все-таки будет? Что сказать народу?

— Наступит время, будет и советская власть, — терпеливо объяснял Лазо. — Укрепим свою армию здесь, наладим дисциплину, хозяйство. И в Советской России власть станет крепче. Тогда можно будет по-иному разговаривать с японскими и другими интервентами. А сейчас надо подождать, ничего не поделаешь. Иных возможностей у нас пока нет. Вам понятно теперь, почему мы вынуждены временно мириться с властью земской управы?

— Вроде бы так… Понимаем мы… Укрепиться надо… Уж не обижайтесь… Всему обществу расскажем ваши слова.

И делегаты, успокоенные, ушли.

Поездка продолжалась недолго — недели две. Но за этот короткий срок Лазо благодаря своей исключительной трудоспособности сумел очень глубоко разобраться в положении дел на местах и здесь же разрешить много самых сложных вопросов. Его письмо членам военного совета и командующему войсками Приморской области, написанное еще в первые дни после выезда из Владивостока — 11 февраля, — свидетельствует о широком круге проблем, которые он успел за это время изучить и продумать.

В течение одних только суток он побывал и на заседании Военно-революционного штаба в Никольске и на общих собраниях 33-го стрелкового полка, Дальневосточного кавалерийского полка и партизанского отряда. Кроме того, он сделал на собрании командиров и представителей от частей подробный доклад о текущем моменте, о характере власти, об офицерстве и взаимоотношениях с командным составом.

«Слабым местом никольцев, — подчеркивал Лазо в письме военному совету и руководству, — безусловно является то, что здесь, среди гарнизона, почти не ведется политико-воспитательной работы, также нет кадра хороших уполномоченных… Это положение можно облегчить, командировав работников из Владивостока в Никольск».

Лазо относился к бойцам заботливо и любовно, стараясь

сделать все возможное для облегчения их жизни. Его очень волнует плохое состояние партизан и красноармейцев, освобожденных из колчаковского плена — они «до сих пор полностью не вооружены и не обмундированы». И он предлагает военному совету немедленно вооружить партизан и красноармейцев. Не забывает Лазо и о том, что партизаны и красноармейцы находятся в очень тяжелом материальном положении, и рекомендует разрешить этот вопрос выдачей «единовременного пособия партизанам, бывшим пленным красноармейцам и заключенным в тюрьмах, ныне освобожденным и перешедшим на военную службу».

Мысли о бдительной охране территории, об укреплении революционной власти, о проведении массовой работы в частях и среди населения никогда не оставляли Лазо. Он считает необходимым «дать приказ 1-му Д. В. полку выставить охрану на Сучанском руднике и занять те посты, которые раньше занимали колчаковские части, а также взять под свою охрану станцию Фанза, как один из важнейших пунктов Сучанской узкоколейки». Он просит снабдить 1-й Дальневосточный советский полк достаточным количеством письменных принадлежностей, медикаментами, небольшим типографским станком, шрифтом, ротаторами, послать туда наборщика. «Если имеются палатки, снабдите ими — имеют громадное значение для партизан».

Побывав в Гродекове, Лазо с удовлетворением отмечает, что все станицы признали новую, революционную власть. На 20 февраля назначен войсковой съезд уссурийского казачьего войска, и Лазо пишет о том, что военный совет должен послать на этот съезд своих представителей.

Своим вмешательством в дела дороги интервенты ставили железнодорожных служащих в бесправное положение. И это не ускользнуло от внимания Лазо. Было установлено, что японцы старались угнать передвижной состав в Маньчжурию, чтобы лишить Уссурийскую дорогу возможности перебрасывать войска и грузы. Сто товарных вагонов было уже угнано за границу. Лазо назначает комендантом станции Никольск энергичного надежного человека и принимает меры к тому, чтобы ни один вагон не попал в руки японцев.

«Необходимо, — говорит он в письме военному совету, — в спешном порядке издать приказ о невмешательстве властей в железнодорожные дела. Все требования на подвижной состав должны даваться только через комендантов… Имея в виду чисто стратегическое положение Гродеково и наши планы относительно гродековских тоннелей [40], я думаю, назначая коменданта, придется назначить его и начальником гарнизона… Это должен

быть человек решительный, способный в случае появления неприятеля предпринять необходимые меры».

В конце своего письма Лазо напоминает о необходимости уделять больше внимания местным нуждам.

Он выступал на собраниях членов партии, рабочих, крестьян и казаков. В Никольске, Спасске, Имане, Хабаровске проводились гарнизонные собрания, митинги по частям. Лазо говорил о тактике Коммунистической партии на ближайший период, освещал задачи большевистских организаций на Дальнем Востоке. Везде и всюду он старался приблизить работу партийных комитетов к народу.

Ставленники империалистов, атаманы, продолжали еще свирепствовать в некоторых городах и селах края.

В Хабаровске хозяйничал атаман Калмыков.

Стремясь, как они об этом кричали, «помочь русскому народу», японские империалисты снабжали Калмыкова вооружением и финансировали его.

Калмыков со своей бандой при помощи американо-японских интервентов захватил Хабаровск после отхода революционных частей летом 1918 года. Белогвардейцы врывались в дома, грабили, убивали всех, кто осмеливался оказывать им сопротивление, насиловали женщин. Тысячи людей были арестованы, брошены в тюрьмы, расстреляны без всякого суда и следствия.

Чтобы освободить Хабаровск от Калмыкова и его банды, областной комитет партии поручил Лазо немедленно организовать военную экспедицию. Для этой цели приморским правительством был сформирован и отправлен в Хабаровск специальный отряд.

Калмыков прекрасно видел, как быстро укреплялись революционные силы в крае, чувствовал, что дни его в Приамурье сочтены и приближается час расплаты за все совершенные им злодеяния. 13 февраля 1920 года он расстрелял несколько десятков своих казаков, заподозренных в большевизме, казнил в своем застенке, так называемом «вагоне смерти», семерых пленных партизан, украл в государственном банке тридцать шесть пудов золота и с отрядом в несколько сот человек двинулся по реке Уссури.

Преследуемый партизанскими частями, Калмыков бежал на китайскую сторону, где продолжал заниматься бандитизмом. Впоследствии он был арестован и расстрелян китайскими властями.

Войска приморского правительства подошли к Хабаровску. Им было приказано занять город без вооруженного столкновения

с японцами.

15 февраля уполномоченные революционной армии после десятичасового совещания с представителями хабаровского земства и делегацией японского командования подписали соглашение. По этому соглашению революционная армия и власти брали на себя ответственность за порядок, спокойствие и неприкосновенность жизни населения Хабаровска с момента его занятия.

В три часа дня 16 февраля революционные войска, приветствуемые народом, заняли Хабаровск без единого выстрела, выполнив задание военного совета.

Видный коммунист Б. Жданов, бежавший из калмыковского «вагона смерти», с помощью работников Дальневосточного обкома организовал партийный комитет из оставшихся в городе членов партии. Была создана большевистская газета «Коммунист». Лазо реорганизовал армейские части. Он вызвал из Приморья военную группу испытанных в боях большевиков и направил их для работы в революционные полки.

В Хабаровске были собраны представители партизанских отрядов. После доклада о положении в крае и очередных задачах выступил Лазо. Он подробно рассказал о работе военного совета и о том, что надо делать дальше.

— Главное, — говорил он, — это единство руководства, строжайшая революционная дисциплина и бдительность. Только при этих условиях мы одолеем японских интервентов и будем под руководством нашей славной Коммунистической партии, товарища Ленина строить социализм.

Лазо требовал безоговорочного подчинения партизанских отрядов единому командованию, поставленному Коммунистической партией. Это было очень важно, потому что пробравшиеся в партизанские отряды враги проповедовали теории «свободного анархизма» и призывали не признавать и не подчиняться военному совету и коммунистам. После товарищеской беседы представители партизанских отрядов заявили о признании военного совета Приморской области и обязались исполнять все его приказы и распоряжения.

Лазо потребовал от японского командования передачи прямого провода Хабаровск — Благовещенск и рассказал благовещенским коммунистам о работе Дальневосточного обкома партии. Вопрос о власти земской управы был очень острым и волнующим. Лазо начал свой разговор по прямому проводу с Благовещенском именно с него.

— Областное земство, — говорил он, — смотрит на свою власть как на власть временную, способствующую

безболезненному воссоединению с Советской Россией. Земство согласует свою работу с нами. Управление воинскими частями находится всецело в наших руках. На местах повсюду созданы ревштабы из представителей партизан, солдат и рабочих. Все органы земского и городского самоуправления на местах, не пользующиеся доверием населения, распускаются, ведение дел передается временно ревштабам. Ни в какие соглашения с другими политическими партиями и земством мы, коммунисты, не вошли, поддерживаем земство, поскольку оно ведет работу вместе с нами. Наша позиция чисто стратегическая. С целью организации всех революционных сил для общего натиска на врага в ближайшем будущем мы поддерживаем областное земство, признавая невозможность полного восстановления власти Советов в присутствии интервентов. Рабочие, воинские части, партизанские отряды поняли нашу точку зрения и присоединились к нам.

В то время в Благовещенске находились японские войска. Благовещенские товарищи считали, что войска эти не представляют никакой опасности, тем более, что начальник дивизии Сиродзу сделал официальное заявление в газетах и афишах об эвакуации японских войск из Амурской области.

Лазо убеждал амурцев в обратном:

— Положение с японцами не так просто, как это кажется. За последние две недели во Владивосток прибыло много новых частей, оснащенных по последнему слову военной техники. Ими заняты важные стратегические пункты.

Лазо обещал перебросить в Амурскую область большое количество оружия и обмундирования, снабдить всем, что только можно будет взять из владивостокских складов, захваченных и охраняемых японскими интервентами.

Формально Лазо числился товарищем (заместителем). председателя военного совета — председателем военного совета по существовавшему тогда положению был председатель приморского правительства, — но фактически Лазо руководил всей деятельностью военного совета.

Вернувшись из поездки по краю, Лазо в первую очередь занялся укреплением вооруженных сил. Надо было поставить во главе частей, перешедших на сторону революции во время восстания, надежных, проверенных. командиров, позаботиться о правильной расстановке войск на случай возможного выступления японцев и других интервентов, все еще не покидавших дальневосточной земли.

Тревожные вести шли из Забайкалья. Там народ вел ожесточенную борьбу с семеновскими бандами, которые,

предчувствуя свою скорую гибель, с еще большей жестокостью терроризировали население.

Из Прибайкалья на семеновцев наступали бойцы Народно-революционной армии, образовавшейся при земском правительстве в Верхнеудинске из частей 5-й Краснознаменной армии и партизанских отрядов Забайкалья. Народно-революционная армия наносила семеновским бандам поражение за поражением и с боями дошла до Читы.

Но здесь образовалась так называемая «читинская пробка». Окопавшиеся в Чите и ее окрестностях Семеновцы перерезали железную дорогу, и связь между Сибирью и Дальним Востоком была прервана. Лазо, да и все партийные работники считали важнейшей задачей ликвидацию этой «пробки» и соединение приморских войск с частями Красной Армии на Байкале. Решено было постепенно передвигать войска из Приморья на Амур и дальше в Забайкалье, чтобы совместными усилиями всех областей окружить и добить остатки белогвардейщины.

Это была сложная задача: транспорт полуразрушен, не хватало топлива, снаряжения, продовольствия.

Лазо работал без устали. Сутки были у него строго распределены по часам, по минутам. В его объемистой тетради всегда отмечалось, что он должен сделать в такой-то день и час, что сделал сегодня и что надо сделать завтра. Дисциплину труда он считал важнейшим условием в жизни революционера и требовал от окружающих его работников беспрекословного, обязательного и точного исполнения данных им поручений.

Популярность Лазо была очень велика не только в армии и партизанских отрядах, но и среди населения Приморья. В военный совет и к нему лично обращались часто рабочие и крестьяне по самым разнообразным вопросам: в селе непорядок, кого-то незаслуженно обидели… И ни одна жалоба, ни устная, ни письменная, не оставалась без ответа. Работники военного совета часто получали от Лазо много всевозможных распоряжений, не имеющих как будто прямого отношения к военным делам.

— Вот что, товарищ, — говорил он кому-либо из подчиненных, просматривая почту. — Пишет партизан из села Фроловки. Белые сожгли его хату — жить негде. Надо ему помочь. Запишите, пожалуйста, выясните в комитете и земстве и через два дня доложите.

— Есть доложить.

Лазо читает другое письмо.

— Так-так… Видите ли, какое дело… Солдат бывшей колчаковской армии никак не может установить связь с семьей. Просит помочь. Тут указан адрес семьи. Пошлите запрос.

Помимо колоссальной работы по военному совету, Лазо нес многочисленные партийные обязанности, вел большую переписку с товарищами, писал статьи в газеты, много читал. На его письменном столе можно было увидеть и новый роман, и повесть, и томик новых стихов. Изредка он выкраивал час-другой и для встречи с друзьями. Лазо был по натуре жизнерадостным человеком. Молодежь, в кругу которой он бывал, всегда с нетерпением ждала его прихода.

Точно в назначенный час он уже сидит бывало в окружении друзей и рассказывает какую-нибудь забавную историю, поет песни или читает вслух понравившееся ему стихотворение.

Как-то ему удалось получить новую книжку Маяковского. Он пришел особенно радостный и возбужденный.

— Ну, сегодня я вам расскажу сказочку, замечательную сказочку! Называется она просто: «Сказка о Красной шапочке». Садитесь, слушайте.

Он начал ее тихо, как будто перед ним были дети:

— «Жил да был на свете кадет.
В красную шапочку кадет был одет.
Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,
Ни черта в нем красного не было и нету.
Услышит кадет — революция где-то,
Шапочка сейчас же на голове кадета.
Жили припеваючи за кадетом кадет,
И отец кадета и кадетов дед».

Он сделал сердитое и страшное лицо и продолжал:

— «Поднялся однажды пребольшущий ветер,
В клочья шапчонку изорвал на кадете.
И остался он черный. А видевшие это
Волки революции сцапали кадета.
Известно, какая у волков диета.
Вместе с манжетами сожрали кадета».

Заканчивая сказку, Лазо назидательно произнес, растягивая слова:

— «Когда будете делать политику, дети,
Не забудьте сказочку об этом кадете».

Но случалось и так, что после долгой работы и бесед с товарищами Лазо глубоко вздохнет и задумается. Однажды его спросили товарищи:

— О чем вздыхаешь, что задумался?

Сергей с грустью ответил:

— Вспомнил одну женщину. Ее звали, как и дочку мою, Ада. Ада Лебедева. Это было в Красноярске… Таких женщин, огневых революционерок, я больше не встречал. И, вероятно, не встречу.

— А где она теперь?

— Ее нет… И никогда больше не будет. Ее растерзали белобандиты.

— Не надо, Сергей… Не надо грустить.

— О, нет. Человек должен иногда и погрустить. Разве можно не грустить, вспомнив тех, кто отдал свою жизнь за то, чтобы мы с вами могли собираться вместе, читать стихи и мечтать о будущем. И не только мечтать. Строить, создавать это будущее. Можно и должно грустить о том, что их нет с нами.

Лазо часто вспоминал своих товарищей и друзей, участников героических боевых схваток, погибших на поле битвы и замученных белогвардейцами и интервентами.

— За нас погибли, за детей наших, за будущее России.

Вспоминал Лазо и о бывших военнопленных австровенгерской и германской армий: немцах, венграх, чехах, словаках, которые стали интернационалистами, революционерами и отстаивали в рядах Красной гвардии советскую власть от белогвардейцев и интервентов. Лазо говорил о том, что революция в России интернациональна, что к ней будут присоединяться народы других стран; с благодарностью и благоговением они будут чтить память своих земляков, участвовавших в борьбе за советскую власть и отдавших за ее торжество самое дорогое — свою жизнь.

В минуты отдыха Сергей часто рассказывал о своей родной Молдавии — этом благодатном уголке советской земли, полном цветов и солнца, фруктов и песен. И он говорил всегда так образно и ярко, что перед слушателями, как живые, возникали и сбегающие к Днестру террасы, покрытые виноградными лозами, и ореховые рощи, раскинувшиеся на косогорах, и тонущие в садах села, приютившиеся на склонах отлогих холмов.

— Хорошо жить, друзья мои! Жить и бороться за то, чтобы цветы и солнце, холмы и песни — все данное природой и все богатства и вся красота, созданные трудом человека, принадлежали тем, кто творит это богатство и красоту.

СНОВА СГУЩАЮТСЯ ТУЧИ

Партизанская война расстроила тыл Колчака и интервентов. Контрреволюция терпела жестокое поражение по всему Дальнему Востоку.

Секции иностранных рабочих-коммунистов, созданные во всех партийных организациях, усилили агитационно-пропагандистскую работу среди иностранных солдат и офицеров. Революционные идеи сквозь тысячи преград все более проникали в войска интервентов.

Вскоре после разгрома и свержения колчаковщины во Владивостоке рота японских солдат, демонстративно выражая свое сочувствие коммунистам, сорвала погоны, надела красные банты и отказалась выполнять приказы своего начальства.

В Спасске японские солдаты установили дружественные отношения с партизанами.

В Никольске распространялись листовки на японском языке.

Жестокая военная дисциплина экспедиционной японской армии пошатнулась. Она теряла свою силу над пробуждающимся сознанием солдат, которые стали понимать, кто их истинные друзья и кто враги.

В марте 1920 года в иркутских газетах появилось воззвание «К японскому солдату», написанное группой японцев во главе с летчиком Киочи Симбо. Это воззвание призывало солдат прекратить войну с русскими рабочими и крестьянами и использовать оружие против своих классовых врагов.

На сторону Красной Армии в Приморье перешел японский солдат Асада Сато [41], рабочий-печатник. Сато вскоре стал активным коммунистом, печатал воззвания для японских солдат, призывая их с оружием в руках бороться против своих угнетателей.

О революционизировании японской экспедиционной армии писали японские газеты. Это явление не мог обойти молчанием и генерал-майор Нисикава в своей «Истории Сибирской экспедиции». Он писал: «Стоящие в Забайкалье и Восточной Сибири японские войска, благодаря постоянной большевизации, стали направляться на родину». Генерал «забыл» только указать о том, что эти войска не просто направлялись на родину. Солдат и офицеров разоружали, арестовывали, заключали в концентрационные лагери и судили.

После декларации США, Англии о выводе их войск с Дальнего Востока в Японии росло недовольство трудящихся тем,

что правительство не отзывает экспедиционной армии.

Чтобы оправдать как-то свое упорное нежелание вывести войска с чужой территории, японские газеты начали бешеную кампанию лжи о терроре против японских резидентов. В Благовещенске будто после ухода японских войск убили оставшихся в городе фотографов-японцев. Несколько японцев якобы убиты коммунистами в Никольск-Уссурийском. Все это делалось для того, чтобы разжечь ненависть к русским. Японское командование готовилось к новой провокации. Оно стремилось еще раз попытаться захватить Дальневосточный край и настраивало к этому общественное мнение Японии и других капиталистических стран.

В марте 1920 года временное правительство Приморской области послало ноту протеста против японской интервенции. Правительство указывало, что официально объявленная цель японской экспедиции на Дальний Восток — оказать помощь чехословакам в отъезде на родину — отпала, так как просьба чехословаков уже удовлетворена Советским правительством и все они уезжают к себе на родину. Все интервенты объявили уже о выводе своих войск с Дальнего Востока. Приморское правительство настаивало на немедленной и полной эвакуации и японских войск.

В ответ на эту ноту японское правительство нашло новую лазейку, чтобы не выводить своих войск. Его «обеспокоило» положение японских резидентов, и поэтому «Япония вынуждена, — как говорилось в декларации, опубликованной японским правительством, — в настоящее время продолжить срок пребывания своих войск в Сибири, без всяких политических замыслов в отношении России». Японцы сообщали, что, как только в прилегающих районах наступит спокойствие и порядок и не будет препятствий к свободному передвижению резидентов, они сразу же после эвакуации чешских войск эвакуируют и свои войска.

Это на словах.

А на деле японские интервенты секретно разрабатывали планы оккупации Дальнего Востока, рассчитывая на техническое превосходство и подавляющую численность своих войск.

В ночь с 11 на 12 марта японские интервенты, несмотря на заключенный с партизанской армией Николаевского района мирный договор, попытались захватить Николаевск-на-Амуре. Командующий японскими экспедиционными войсками Нисикава бросил все свои вооруженные части на гарнизон. Одновременно японские войска во многих местах подожгли город и начали арестовывать гражданское население.

Нападение было таким неожиданным, что застигло отряды партизан врасплох. Японцы захватили штаб революционных войск и расстреляли некоторых его руководителей. Но партизаны быстро сорганизовались, выделили из своей среды новых командиров и дали врагу решительный отпор. Геройской контратакой они смяли отряды японских интервентов, налетевших на мирный город.

Почти четыре дня длился смертельный бой. Японцы дрались за каждый участок, за каждый дом. 15 марта они были разгромлены, подняли белый флаг и сдались революционным войскам.

Однако после этого японские империалисты начали распространять по всему миру через телеграфное «осведомительное бюро» и реакционную, купленную ими печать лживые сведения о том, что коммунисты напали в Николаевске-на-Амуре на их армию и резидентов и вырезали все японское население в городе.

Приморское правительство предложило японскому командованию выделить своих представителей в комиссию для расследования этих событий. Но японские интервенты, боясь, что расследование приведет к разоблачению их самих, отказались принять участие в работе этой комиссии.

16 марта 1920 года в Никольск-Уссурийском была созвана 4-я дальневосточная краевая конференция Коммунистической партии.

На конференцию прибыли делегаты из Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Имана, Спасска, Камчатки, Ольги, Сучана, Шкотова и других мест края. Основные вопросы, которые нужно было решать, — это о характере власти и об укреплении вооруженных сил.

Из отчетного доклада Дальневосточного краевого комитета партии и докладов с мест выяснилось, что все трудящиеся города и деревни требовали введения советской власти. Частично в Амурской области и во многих приморских уездах, за исключением городов, советская власть уже была введена. Некоторые делегаты настаивали на том, чтобы повсеместно передать власть из рук земского правительства в руки Советов. Им казалось, что теперь враги не страшны и можно безбоязненно осуществить стремление всех трудящихся Дальнего Востока влиться в семью народов Советской республики. На этой точке зрения стоял также и Лазо.

Другие доказывали, что установить, советскую власть в присутствии японских интервентов все равно не удастся, что

таким решением, которое невозможно будет осуществить, конференция даст неправильное направление работе партийной организации.

Несмотря на то, что земская власть во Владивостоке была признана Советским правительством (телеграмма об этом была опубликована в газете «Красное знамя»), конференция приняла решение торжественно передать власть Советам и сообщила об этом Центральному Комитету партии. Делегаты полагали, что Центральный Комитет одобрит это решение, и готовились провести его в жизнь.

На конференции с докладом о задачах партии по организации армии на Дальнем Востоке выступил Лазо.

Основные предложения, принятые по его докладу, сводились к тому, что необходимо обратить особое внимание на укрепление дисциплины в воинских частях. Работа в них должна вестись по образцу советской рабоче-крестьянской Красной Армии. Во всех частях следует создать ячейки коммунистов и направить туда политических комиссаров (уполномоченных). На членов партии и комиссаров возлагалась в первую очередь ответственность за действия воинских подразделений. В тех сложных условиях особенно важно было не допускать самостоятельных выступлений, которые могли причинить всему краю неисчислимые беды, и конференция подчеркивала это в своих решениях.

«Ни один солдат, ни один партизан нашей Дальневосточной революционной армии не имеет права уйти из рядов войска, ни одна винтовка не должна быть положена до тех пор, пока интервенция не будет прекращена и Дальний Восток не воссоединится с Советской Россией».

Лазо принял участие в выработке обращения конференции «К рабочим всего мира». Это обращение разъясняло трудящимся всех стран действительное положение в Сибири, цели нашей борьбы и подчеркивало, какое величайшее зло приносят войска интервентов населению Сибири и Дальнего Востока.

Обращение заканчивалось призывом:

«Не успокаивайтесь и требуйте, чтобы ваши правительства возвратили ваших братьев, отправляемых в Сибирь на борьбу с трудящимися, с рабочими и тружениками; которые строят свое трудовое рабоче-крестьянское государство Советов»[42].

Лазо проявил на конференции большую активность: он работал в комиссиях, выступал в прениях по всем вопросам, беседовал со многими делегатами.

Вскоре состоялся съезд трудящихся Ольгинского уезда.

Делегаты из разных сел и деревень — сучанские шахтеры, тетюхинцы, артемовцы — слушали речи Лазо о Советской России, говорили о борьбе за Советы, за партию большевиков. Заканчивая свою работу, съезд послал телеграмму В. И. Ленину и М. И. Калинину, где говорилось:

«…Крестьяне, рабочие, партизаны, красноармейцы… свергнувшие черную реакцию Колчака, вынесшие тяжелую борьбу, отстоявшие с оружием в руках Советы… которые не прекращали своей работы, чувствовали биение сердца Советской России — Красной Москвы… прислушиваются к нему теперь, когда хищная интервенция еще не изжита… Искренне желая мира, не поддадимся рабству, будем отстаивать свою свободу до последней капли крови…»[43]

Борьба до полной победы!

Таково было настроение трудящихся Забайкалья, Амура и. всего Дальнего Востока.

О доверии коммунистам говорили итоги выборов во Владивостокскую городскую думу. Большевики получили восемьдесят семь процентов голосов.

Это была крупная политическая победа. Однако результаты голосования не решали еще вопроса. Японские войска представляли серьезную угрозу советской власти. К этому времени чехословацкие войска и часть американских войск были эвакуированы с Дальнего Востока.

Чтобы избежать вооруженного столкновения с японскими войсками, Центральный Комитет партии предлагал временно отказаться от советизации края. На основе этих указаний Дальневосточный краевой комитет вынес решение: «От советизации Дальнего Востока воздержаться, власть земского правительства распространить на все области Дальнего Востока».

Эмиссары правительства земской управы были назначены в Хабаровск и на Камчатку, на Сахалин и Амур и на Китайско-Восточную железную дорогу.

Разбитые партизанами в Николаевске, японские интервенты разрабатывали новые планы нападения на Приморье. Принимая все меры к тому, чтобы усыпить бдительность революционных воинских частей, японцы активизировали своих резидентов, которые были, по существу, их тайными разведчиками и шпионами, и решили захватить Владивосток.

Резиденты всегда служили японским интервентам предлогом для провокаций и последующих ссылок «на отсутствие гарантий для спокойной жизни японских граждан».

Японской военщине необходимо было знать все, что делается

в русских частях, в учреждениях, на предприятиях, иметь сведения о расположении революционных войск, постов, о количестве бойцов, оружия и т. д., а сведения эти получались главным образом через резидентов.

В марте 1920 года Наркоминдел РСФСР передал японскому правительству ноту с предложением начать мирные переговоры. На эту ноту не было получено ответа. Японская военщина усиленно готовилась к захвату Приморской области, заранее назначенному на 5 апреля.

Предвидя возможность предательского нападения японских войск, Лазо 1 апреля послал по радио через Охотск и Якутск шифрованную телеграмму реввоенсовету 5-й армии в Иркутск.

В этой телеграмме Лазо сообщал о расстановке воинских частей в Приморье, на Амуре и в Забайкалье, об имеющихся в их распоряжении оружии и боеприпасах, просил требовать от центра «винтовок сто тысяч, патронов сто миллионов, пулеметов пятьсот. Это важнее всего… Чтобы не сопротивляться голыми руками».

Нашим войскам во Владивостоке приказано было, в случае открытого выступления японских войск, отойти от города, чтобы сохранить живую силу и оружие.

Над Тихим океаном снова нависли грозные тучи.

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ

После краевой партийной конференции во Владивостоке были проведены выборы в Совет. Подавляющее число голосов получили кандидаты Коммунистической партии. Созыв вновь избранного Совета назначили на 3 апреля. Растущее влияние большевиков в массах было настолько очевидным, что казалось своевременным на заседании Совета объявить в городе советскую власть. Но на запрос коммунистов о характере власти Центральный Комитет партии еще раз подтвердил свои прежние директивы и указания, что сторонники немедленной советизации края обязаны прекратить оппозицию под угрозой строгого наказания. Политбюро ЦК, безусловно, за политику поддержки буферного государства, которое создается в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), и все дальневосточные правительства должны создаваться по типу забайкальского.

Буфер в виде буржуазно-демократического государства Дальневосточной республики (ДВР), объединяющей области Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалин и полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, был необходим в связи со сложностью международных отношений на Дальнем Востоке. Создание Дальневосточной республики В. И. Ленин объяснял тем, что:

«…Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее…» [44]

Таким образом, буферное государство являлось тактическим ходом Коммунистической партии в надежде на то, что Япония и другие империалистические державы будут лишены возможности оправдать оккупацию Дальнего Востока.

Директивы Центрального Комитета изменяли положение. Обком партии отказался от своего намерения провозгласить на заседании Совета советскую власть. Решено было провести это заседание с более приемлемой для сложившейся обстановки повесткой дня: все фракции Совета и общественных организаций должны объявить свою волю к борьбе за прекращение интервенции и вывод иностранных войск с территории Дальнего Востока и считать Дальний Восток неотъемлемой частью Советской России.

К заседанию Совета по поручению комитета партии усиленно готовился и Лазо.

— Подумайте только, как мы утрем нос интервентам, —

говорил он. — Несмотря на их присутствие, мы откроем Совет, и это будет самым сильным ударом по интервенции. Да, не объявляя советской власти, наш Совет, не будучи властью, так как она сохраняется за земским правительством, будет местом, где трудящиеся Владивостока сумеют высказать все свои желания, чаяния и надежды. А приморское правительство будет иметь опору и поддержку в выполнении принятых на себя обязательств.

3 апреля собрался Владивостокский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов.

Игорь Сибирцев.

Победители интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке.

Зал Народного дома, где происходило заседание, был переполнен. Бурно и радостно встречали делегаты членов Совета. Долго не прекращались овации и приветственные возгласы. Эти овации возобновились с новой силой, когда председательствующий объявил, что от владивостокской организации Коммунистической партии слово имеет депутат Лазо. Под несмолкаемый гул аплодисментов Сергей Георгиевич поднялся на трибуну.

— Товарищи! — начал он свою речь. — После кровавой борьбы мы снова собрались здесь, во Владивостоке, в этом окне Советской России, на берегах Великого океана, в этом центре интервенции на Дальнем Востоке. Собрался Совет, и этот факт громче многих слов говорит нам о мощи Советской России, о силе международной пролетарской революции. И не слова приветствия; а какие-то другие слова — слова борьбы, слова, разрешающие тяжелое положение… нужно сказать на этом заседании. Вне нас — штыки иностранных интервентов, а внутри благодаря этому мы не можем проводить полностью советскую власть. И то, что нас объединяет, то, что дает выход нашим силам, разрешает это запутанное положение, — это борьба. Все силы, все средства отдадим борьбе. Пусть мы отказываемся от проведения полностью и советской власти и советской политики, но зато готовы к борьбе. Мы не идем ни на одну уступку, ни на один компромисс. Борьба требует от нас строгой, суровой

дисциплины, требует сплочения всех сил вокруг наших революционных организаций.

— Все силы, все средства отдадим борьбе… — призывал Лазо. — Против нас стоит японская агрессия, но не в силах японский империализм предотвратить неумолимого хода истории… В глаза угрожающему нам японскому империализму мы смотрим открыто, мы смотрим, как победители… и здесь мы знаем: если даже и победят временно японцы и оттеснят в тайгу Владивостокский совет, но живы будут Советы…

— Мы должны вести свою революционную работу, должны оставаться на своем посту до конца, до полной победы над врагом.

— На сегодняшнем заседании мы должны вспомнить первого председателя Владивостокского совета— погибшего товарища Суханова. Многие здесь знают его твердую волю и светлый ум, знают, что он был вождем владивостокского пролетариата… Он исполнил свой долг и стоял на своем посту до конца…

— Товарищи, — продолжал взволнованно Лазо, — ныне положение Совета здесь, во Владивостоке, и положение Советов в России разное. Там, за Байкалом… Советы, разрушив старое, победили… Они могут перейти к мирной созидательной работе. Мы же здесь победы не одержали, хотя и перед нами стоят задачи советского строительства, задачи громадной важности… Мы должны помнить, что Советы не только созидатели нового, но они и могильщики старого, умирающего строя. И эта работа могильщика здесь не закончена. В борьбе за восстановление Советов во Владивостоке и во всем крае пролито много крови, но рано или поздно советская власть восторжествует и здесь.

— В июне 1918 года Совет был окружен превосходными вооруженными силами врагов. Вместе с чехами выступала их опора — эсеры и меньшевики. Теперь этих партий нет. Вызванная ими контрреволюция погубила их, народ раскусил их подлую, предательскую политику и с презрением отвернулся от них. Но сейчас против революционных сил стала японская армия.

— Товарищи! — горячо и проникновенно говорил Лазо. — Я думаю, что наши революционные войска чувствуют и думают так же, как мы. Они сплотились вокруг большевистских организаций и готовы выступить по их первому призыву. Ни одна войсковая часть не предпримет самостоятельного выступления. Каждый партизан, солдат, каждый матрос до тех пор не уйдет со службы, не оставит своего оружия, пока иностранная интервенция не будет прекращена и мы не воссоединимся с Советской Россией… Слишком много пролито крови, слишком много несчастий сулит новая борьба всему населению, и на войну мы первые не пойдем.

Но если на нас нападут, то мы ответим борьбой. Наша молодая Красная Армия сильна не своим числом, а тем, что за ней стоят неисчислимые ряды угнетенных народов, эксплуатируемых классов всех стран, которые ведут повсюду ожесточенную борьбу за те же цели…

— То, что делают японцы, создает тревожное положение. Ими занят в городе ряд важных пунктов, вывешен японский флаг на Тигровой горе[45], и все это без какого-либо повода с нашей стороны…

Сопоставляя эти данные с тем, что в официальных отношениях с японскими интервентами наметилось улучшение и что, повидимому, они желают прийти к определенному соглашению по ряду вопросов, Лазо предупредил, что общее положение продолжает все же оставаться крайне напряженным.

— Волна за волною, — заканчивал свою речь Лазо, — бьет революционная стихия и подтачивает твердыню капитала. Много башен, много стен рухнуло, а другие уже подточены… Не будем унывать, не будем смущаться тем, что за той победной волной, которая привела нас сюда, на заседание Владивостокского совета, что за ней наступят черные дни. Будем смотреть жизни открыто в глаза. Нам нечего терять, кроме цепей. И как ни черны те тучи, которые нависли над нами, не им принадлежит победа, а нам. Мы победители!

Речь его произвела неизгладимое впечатление на слушателей. Собравшиеся поднялись, как один человек.

— Да здравствует вождь мирового пролетариата товарищ Ленин! — воскликнул кто-то из присутствующих, и весь зал поддержал здравицу в честь Владимира Ильича бурными аплодисментами.

Все выступавшие после Лазо ораторы от фракций других политических организаций, профессиональных союзов, земств, городского самоуправления в своих заявлениях подчеркнули, что Дальний Восток является частью России, что они будут бороться за единство Дальнего Востока и Советской России и ликвидацию интервенции иностранных войск. Эти заявления служили признанием того, что нет другой партии, кроме Коммунистической, которая способна сохранить целостность и единство великой родины.

Речь 3 апреля была последней речью Сергея Лазо, патриота Советской России, талантливого полководца и замечательного коммуниста, неутомимого организатора трудящихся Дальнего Востока.

С той поры минуло уже тридцать шесть лет, но и сейчас перед теми, кто слушал Лазо в тот памятный день, часто встает

светлый образ пламенного трибуна, блестящего оратора, несгибаемого борца за счастье народа. Как горели его глаза, когда он страстно говорил о своей непоколебимой вере в торжество идей Великой Октябрьской социалистической революции. И вера эта передавалась всем, к кому он обращал свои вдохновенные слова.

РАЗГУЛ ЯПОНСКОЙ ВОЕНЩИНЫ

Правительство земской управы должно было заключить с японскими интервентами временный мирный договор, чтобы оградить себя от возможных провокаций.

Интервенты подготовили очень тяжелые условия этого договора. В обкоме партии было срочно созвано заседание.

Что делать? Как быть?

Отвергнуть условия и тем самым дать повод для открытого конфликта?

Нет! В обкоме помнили указание Центрального Комитета ни в коем случае не вызывать столкновения с японскими войсками, не обострять отношений.

— Предлагаю подписать договор, как бы ни были тяжелы его условия, — сказал после обмена мнениями председатель обкома Кушнарев.

— Да, мы обязаны это сделать, — согласился Лазо. — Нам необходимо во что бы то ни стало выиграть время. Отступим на новые позиции, другого выхода нет.

Предложение Кушнарева было принято. Выделенным для переговоров товарищам были даны директивы оговорить возможность пересмотра соглашения по требованию одной из договаривающихся сторон.

4 апреля 1920 года состоялось заседание русско-японской согласительной комиссии. Комиссию возглавлял с японской стороны генерал Такаянаги, со стороны приморского правительства — старый член партии Цейтлин.

На заседании комиссии обстановка была исключительно тревожная. Несколько раз члены японской делегации выступали с провокациями против делегатов приморского правительства. Лишь благодаря огромной выдержке коммунистов выпады японцев не вызвали инцидентов.

В тот же день в шесть часов вечера в доме командующего войсками приморского правительства собрались коммунисты, руководители края для обмена мнениями о последних событиях: о переговорах с японцами, об их вызывающем поведении и о дальнейшей тактике.

После доклада об итогах работы русско-японской согласительной комиссии комитет партии одобрил позицию делегации приморского правительства.

Лазо доложил о том, что на Амур из Владивостока отправлено большое количество различного военного

снаряжения, обмундирования, вооружения и медикаментов; перебрасывались винтовки, патроны, пулеметы, снаряды; закончена передвижка трехсот вагонов в Амурскую область для подвоза войск против банды Семенова в Забайкалье.

Информировал Лазо и о полученных сведениях с мест.

Беспрерывные телефонные звонки из воинских частей, с предприятий, с линии железной дороги носили исключительно тревожный характер и не оставляли сомнений в том, что японцы энергично готовятся к активному выступлению.

Японские патрули по всему городу и на его окраинах были усилены. На вокзале японские войска задержали поезда, захватили восемнадцать вагонов серебра, приготовленного к отправке государственным банком из Владивостока через Хабаровск в Благовещенск.

Лазо, как и всем собравшимся, было ясно, что настал очень ответственный момент. На места были посланы телеграммы о тревожном положении, даны указания держаться наготове.

Не успели еще высохнуть чернила на только что заключенном временном мирном договоре, как в девять часов вечера 4-го же апреля японские империалисты вероломно нарушили его и выступили быстро, по заранее подготовленному плану. К двум часам ночи они заняли вокзал, гауптвахту, телеграф, радио и комендантское управление; они обстреляли и захватили здания земской управы, гостиницы «Золотой рог», штаба войск, тюрьмы и другие.

После занятия вокзала и станции Владивосток японцы захватили станции Первая Речка и Вторая Речка.

Штаб крепости был занят после предварительной разведки.

Японская военщина прибегла к неслыханным приемам борьбы, несовместимым с самыми элементарными нормами общепринятых международных правил. Интервенты открывали ураганный огонь из помещений под флагом Красного креста.

Командир большевистской морской команды рассказал такой эпизод:

«Человек сорок японцев с белым флагом вошли со Светланской улицы в наш экипаж и направились в помещение, занимаемое японским Красным крестом. Вслед за тем экипаж стали окружать со всех сторон густые цепи японцев. У главных ворот помещения экипажа наши часовые были сняты и уведены неизвестно куда. Матрос, отправившийся для проверки постов, также был окружен японскими солдатами. Увидев, что его хотят арестовать, он бросился бежать обратно в помещение роты. Японские солдаты открыли по нему огонь. Матрос был ранен в правую руку, но все-таки вернулся в роту и доложил, что часовые

сняты и арестованы японцами.

Пулеметный и ружейный огонь из помещения Красного креста поддерживался японцами до рассвета… Чешский солдат, пытавшийся перебежать улицу первым, был убит».

Особую злобу вызывали у интервентов красный флаг, красная звезда и другие отличительные знаки революционной армии. Красные флаги со зданий, с автомобилей, отличительные знаки с шинелей и форменной военной одежды интервенты срывали и яростно уничтожали.

Красноармейцы героически сражались всю ночь, но перевес был явно на стороне японцев. Революционные войска во Владивостоке — на мысе Чуркина, Русском острове, на станции Океанская, в Шкотове и на Сучане — состояли приблизительно из девятнадцати тысяч человек и имели всего десять пулеметов. У японцев же в этих районах насчитывалось около семидесяти тысяч человек всех родов войск, вооруженных сотнями пулеметов и многими батареями артиллерии. Кроме того, на Владивостокском рейде стояли японские броненосец, крейсеры, миноносцы и несколько мелких военных судов. Почти все военные склады с вооружением и снаряжением были захвачены японцами.

Чтобы избежать бессмысленных жертв в борьбе против превосходящих сил противника, военный совет приказал революционным частям уйти из Владивостока. К утру почти весь город был в руках интервентов.

К полудню 5 апреля не только Владивосток, но и ближайшие его окрестности были заняты японскими войсками. Не успевшие отступить революционные части были разоружены, и над правительственными и общественными зданиями взвились японские флаги. По городу усиленно патрулировали японские дозоры. На перекрестках важнейших улиц стояли японские заставы. Интервенты арестовывали, обыскивали, грабили, избивали и убивали на улицах людей без всякого повода или причины. Они врывались не только в военные, правительственные и общественные учреждения, но и в частные квартиры. Много домов было уничтожено артиллерией.

Известно, что провокация — обычный способ действия всех империалистов. Этим коварным способом японцы пользовались в Маньчжурии и Китае и предельно цинично прибегали к нему и на русской земле.

5 апреля, когда интервенты зверствовали в Приморье, командующий японскими войсками генерал Оой обратился к населению с такими словами:

«Граждане!

На основании декларации, объявленной японским правительством 31 марта сего года, японское командование со 2 апреля вело переговоры с представителями русских властей для мирного решения вопроса о пребывании японских войск в крае. Внезапно в ночь с 4 на 5 апреля русские вооруженные группы напали на наши склады, гараж и этапное управление, также открыли огонь по патрулям и разным постам. Ввиду подобных незаконных действий и для предотвращения грозящей опасности со стороны вооруженных русских частей японское Командование вынуждено требовать разоружения последних. В данном случае японское командование, не преследуя какой-либо личной цели, не может допустить дальнейшего развития беспорядков, для чего и примет меры после переговоров с русскими властями».

На Дальнем Востоке проживало много корейцев, бежавших в Россию более полувека назад, когда их родину оккупировали японские империалисты. Эти корейцы приняли российское подданство и пользовались одинаковыми со всем населением правами гражданства. Они принимали активное участие в партизанской борьбе против белогвардейцев и интервентов. Японское командование старалось использовать всякий удобный и неудобный случай, чтобы жестоко мстить корейцам за то, что они не склоняют головы перед японскими империалистами.

Рано утром 5 апреля японские войска оцепили корейскую слободку во Владивостоке и открыли стрельбу по зданию редакции корейской газеты, городскому училищу, а также по женской и воскресной школам. Русских солдат, несших охрану слободки, японцы обезоружили, избили, связали им руки, вывели на улицу, бросили в грязь и снова стали зверски избивать прикладами.

Затем началась чудовищная по своей жестокости расправа над безоружным и беззащитным корейским населением. Десятки арестованных были связаны, избиты и втиснуты в здание одной из школ. Японцы подожгли школу. Окрестные жители слышали отчаянные крики, но ничем не могли помочь задыхавшимся в дыму и огне людям, так как японские патрули никого к школе не подпускали.

Уходя из слободки, интервенты разграбили все корейские лавки и дома. Особенно жестоко расправлялись они с теми, у кого обнаруживали красноармейскую звезду или корейский национальный флажок.

Много корейцев — крестьян, рабочих, интеллигенции — погибло от рук интервентов в кровавые дни 4–5 апреля в Спасске, Хабаровске и других местах края. В Никольск-Уссурийском был

убит один из старейших борцов корейского национально-революционного движения — П. С. Цой.

Доведенные до отчаяния корейцы обратились за помощью к иностранным консулам. Они просили расследовать действия японских солдат и защитить их от произвола.

На этот протест не откликнулось ни одно консульство. Никто не остановил преступлений своих союзников. Представители консульств США, Англии, Франции, Италии, Китая, Японии и других стран устроили 5 апреля два совещания: одно — военное, другое — консульского корпуса. Эти совещания окончились тем, что японцам предложили только… снять японские национальные флаги, поднятые ими над всеми русскими государственными и общественными учреждениями в ночь с 4 на 5 апреля.

Японские войска выступили одновременно во всех крупных административных центрах Приморья. Уже 5 апреля утром они хозяйничали на линии железной дороги Владивосток — Никольск-Уссурийский и были подготовлены к тому, чтобы в этот же день занять весь Уссурийский край.

Никольск-Уссурийский был захвачен во время заседания съезда трудящихся Приморья и Амура, собравшегося для разрешения основных вопросов политики и организации власти на Дальнем Востоке. Многих делегатов убили, многих арестовали, связали попарно и избили. Помещения профессиональных союзов были разрушены, а имущество расхищено.

Вечером 5 апреля в Раздольном японское командование пригласило для переговоров командиров советских частей и предательски расстреляло их. Наступила поистине жуткая ночь. Японские войска окружили русские казармы, освободили заключенных белогвардейцев, калмыковцев, розановцев и других контрреволюционеров; по их указаниям японцы стали расстреливать мирных жителей и солдат.

Провокационной тактики держались японцы и при занятии Хабаровска. За несколько дней до выступления представитель японского командования, чтобы усыпить бдительность населения, местной власти и военного командования гарнизона, надев личину «сторонника» порядка и мира, объявил об эвакуации японских войск из Хабаровска.

Командующий японской армией генерал Сиродзу лицемерно писал: «В стране водворился долгожданный порядок и мир, за сохранение и поддержание которого японцы боролись. Жалко покидать население Дальнего Востока, с которым мы познакомились так близко, так кровно, питая к нему самую

теплую дружбу. Желаем полного успеха в строительстве и сохранении мира и порядка»[46].

Японцы начали ходить по красноармейским казармам, приносили советским бойцам подарки: чай, сахар, виски и разные безделушки. В газете они поместили объявление о том, что в девять часов утра 5 апреля японские войска будут проводить «практическую орудийную стрельбу» и поэтому японское командование просит население не беспокоиться.

Но вместо «практической орудийной стрельбы» рано утром 5 апреля японские войска стали окружать русские казармы, а ровно в восемь часов батареи интервентов открыли стрельбу по государственным учреждениям, штабу революционных войск, по бывшему кадетскому корпусу, воинским казармам и общественным зданиям. Группа вооруженных бандитов обливала горючим составом дома и поджигала их. Японцы расстреливали мирных людей, шедших за покупками на рынок и с рынка домой, стреляли по школам, по жилым домам.

Красноармейцы оказывали врагу упорное сопротивление. Прокладывая себе путь сквозь густые цепи японских войск штыковыми ударами, они наносили им большой урон и отходили на левый берег Амура.

Геройски сражался охранявший вокзал взвод матросов амурской флотилии под командованием Николая Хорошева. Интервенты были уверены, что им удастся быстро расправиться с охраной и захватить около сотни вагонов с военными грузами, прибывшими из Владивостока в адрес Благовещенска. Но железнодорожники под прикрытием матросов, сдерживавших наступление японцев, успели перебросить часть вагонов за Амур.

Отбивая жестокие атаки во много раз превосходящих сил японцев, командир взвода, потеряв две трети своих бойцов, оказался в окружении. С криком: «Вперед, товарищи! Ура!!!» — он бросился в штыки. Матросы устремились за ним. Смертью храбрых пал в жестоком сражении двадцатишестилетний герой матрос Николай Хорошев.

Расправа японского командования над мирным населением вызвала массовые протесты.

Получив известие о выступлениях во Владивостоке, рабочие Сучанских рудников и Исполнительный комитет рудников приняли решение в случае прихода японцев взорвать шахты.

В ночь на 6 апреля японцы заняли станцию Угольная в тридцати километрах от Владивостока и тотчас предъявили отпечатанное на гектографе требование:

«Многоуважаемый комендант революционного войска (на ст.

Угольная).

По велению японского коменданта я смею требовать вам следующее:

Во 1-х: не позволю присутствие ваших вооруженных военных в пределах, где японская армия действует, так как переговор Японии с Россией остался несостоятельным.

Во 2-х: вы повелевайте своим солдатам обезоружение, и я прошу на время отдавать нам все оружие, снаряды и все военные вещи.

В 3-х: если бы ваше войска показало отказ к нашей требовании или попробует обождать, то я решительно буду вступить в военное действие со своей силой оружия. Напротив, если ваше войско будет обезоружено и случшает наше требование, то ничего не стану повредить (и даже похраню в нашей армии). И смею просить следующее: по получении этого письма принести ко мне ответ в полчаса».

Выступление японцев на Дальнем Востоке было совершено по особому плану Антанты против Страны Советов. Одновременным ударом — Польши с запада, Японии с востока — Антанта начала в апреле 1920 года свой третий поход. Советский народ собирал новые силы, чтобы отразить и этот удар международных разбойников.

5 апреля ночью во Владивостоке был организован революционный штаб. В задачу штаба входило руководство парторганизацией, перевод ее на нелегальное положение, вывод войсковых частей и расположение их в таких местах, где была бы исключена возможность неожиданного нападения врагов.

Штаб снабжал отступающие части деньгами, продуктами, вооружением, медикаментами, посылал политических работников, давал указания о том, в каком направлении двигаться дальше. Штаб выделил уполномоченных на железную дорогу, в военный порт, в добровольный флот и важнейшие пункты области, взяв их под свое руководство, наблюдение и контроль.

В дни 4–5 апреля был организован прифронтовой комитет Коммунистической партии, который обратился ко всему населению края с обращением:

«Настал решительный и трудный момент для Приморского края, когда предательская рука японского военного командования, пользуясь миролюбивым направлением нашей политики, ночной порой, как разбойник, напала на наши красные войска».

Прифронтовой комитет призывал красноармейцев и партизан защитить трудовое население края, крепить дисциплину в своих

рядах.

«Партия коммунистов-большевиков, как верный часовой стоящая на страже революции и прав трудящихся, назначает со своей стороны политических уполномоченных ко всем ответственным военным руководителям, в обязанность которых ставится следить за выполнением своих обязанностей как командным составом, так и рядовыми бойцами, и за свои действия в тех отрядах, куда они назначаются, они отвечают своей головой.

Всякий, кто от имени какой-либо партии будет действовать вразрез тем постановлениям, какие проводятся в жизнь нами… является врагом трудового народа…

Все на помощь армии, помогайте все, кто чем может!

Только целость армии даст нам спасение от позора и рабства!..»[47]

6 апреля секретариат Центрального бюро профсоюзов Владивостока, объединявших тридцать тысяч рабочих, потребовал от японского командования освободить всех арестованных, очистить занятые здания, возвратить всю переписку, взятую из рабочих и иных организаций, прекратить аресты, возвратить оружие и ценности.

Профсоюзы железнодорожников под руководством партии организовали забастовку. В своем протесте профсоюз грузчиков писал:

«Протестовав уже не раз против вмешательства в наши дела, мы еще раз возвышаем свой негодующий голос против варварских приемов интервентов — выхватывания из наших рядов лучших наших работников, — приемов, достойных темного и гнусного ночного дельца.

Интервенты!!! Скатертью дорога, уходите от нас».

Трудящиеся Дальнего Востока еще раз твердо заявили о своей безграничной преданности партии рабочего класса и советской власти и о том, что борьба с интервенцией не будет прекращена до тех пор, пока хоть один иностранный солдат останется на родной земле и весь Дальний Восток не будет воссоединен с Советской Россией.

ГИБЕЛЬ ЛАЗО, ЛУЦКОГО И СИБИРЦЕВА

В момент японского выступления 4 апреля члены военного совета Лазо, Луцкий и Сибирцев находились в гостинице «Золотой рог».

Шел деловой разговор о событиях последнего дня и о перспективах дальнейшей борьбы с интервентами в новых условиях. Часов в девять вечера в комнату быстро вошел человек с окровавленным лицом и сообщил, что японцы захватывают правительственные здания и вокзал. Лазо вместе с товарищами направился из гостиницы в помещение следственной комиссии[48] на Полтавскую улицу, дом № 3, чтобы спасти ценные документы. Отсюда Лазо все время вел по телефону переговоры с воинскими частями, давал указания о том, что делать и как в тех или иных случаях поступать.

Стрелки учебно-инструкторской школы Б. И. Гриневич, В. И. Гриднев, С. И. Гапон и И. И. Кернер, арестованные вместе с членами военного совета, рассказывали впоследствии, что около двух часов ночи постовой заметил цепи японцев, наступающие на здание следственной комиссии. Он известил об этом караульного начальника. Лазо приказал караулу не оказывать сопротивления японцам и вывесить белый флаг.

В здание следственной комиссии вошли два японских офицера с десятью солдатами и потребовали сдачи оружия и снаряжения. Караул и члены военного совета без всякого сопротивления выполнили требование японцев. Затем членов совета арестовали и отвели на верхний этаж, куда вскоре поместили большую группу задержанных японцами штатских и военных.

На другой день утром арестованных начали допрашивать. Во время допроса Лазо назвал себя прапорщиком, взводным командиром 1-й роты 35-го полка Козленко; Луцкий и Сибирцев указали свои настоящие фамилии.

— Если вы только прапорщик и взводный командир, — спросил японский переводчик-офицер, — почему же вы так часто бывали в военном совете?

— Потому что я политический уполномоченный 1-й роты 35-го полка, — ответил Лазо.

— А каким же образом вы попали в здание следственной комиссии? — допытывался переводчик.

— Я ужинал в ресторане, — объяснил Лазо. — Выйдя оттуда, я был застигнут стрельбой. Узнав, что здесь русский караул, зашел сюда.

После опроса всех арестованных японский офицер заявил, что завтра всех будут судить. Никакого суда, однако, не было. Всех штатских выпустили, а военных задержали.

7 апреля революционный штаб получил от Сергея Лазо записку, в которой он сообщал, что назвался прапорщиком Козленко 35-го полка. Он просил всех ни в коем случае не открывать его настоящей фамилии и выражал надежду, что как Козленко он будет освобожден.

«8 апреля, — рассказывали стрелки, — явился к нам японец в штатском, который спросил всех, нет ли между нами Лазо.

Одни отвечали: «Не знаем». Другие говорили, что «Лазо нет». Товарищ Лазо и все остальные члены военного совета находились между нами. Японец внимательно присматривался к каждому из нас, остановив внимание особенно долго на Лазо, говоря в это же время с японским офицером. В этот же день посетила товарища Лазо его жена, вызвав его вниз на свидание. После свидания товарищ Лазо вновь пришел к нам.

Рано утром 9 апреля, когда мы все спали, три члена военного совета — Лазо, Лудкий и Сибирцев — были подняты и уведены, после чего они уже больше не возвратились, и мы их не видели и не знаем, куда их увели…» [49]

Эти показания были подтверждены всеми сидевшими в следственной комиссии, а также бывшими на свидании с Козленко-Лазо: его женой Ольгой Андреевной и многими другими товарищами.

5, 6, 7 и 8 апреля, по вечерам, в следственную комиссию приезжал областной инспектор милиции. Он виделся и говорил с Лазо, называя его по фамилии Козленко.

Из опыта борьбы с японскими интервентами коммунисты хорошо знали, что японцы могут в любой момент уничтожить их товарищей, как они уничтожили сотни и тысячи советских людей. Партийная организация вновь ушла в глубокое подполье. Тотчас после ареста Лазо и других членов военного совета с ними была установлена связь.

Коммунисты были убеждены в том, что японские контрразведчики установят личность Лазо.

В революционном штабе совместно с обкомом партии долго обсуждался вопрос: как быть? Решили обязать Лазо и членов военного совета бежать. Такая возможность была. Это решение передали Лазо, но он ответил, что не чувствует себя вправе уйти один или даже с членами военного совета и оставить в руках

японцев сидящих с ним товарищей. «Мы, — писал он, — были вместе арестованы и вместе должны выйти на свободу».

Это был его вторичный отказ бежать из заключения.

Принесшая этот ответ Лазо «маленькая Ольга», как называли коммунистку-подпольщицу Ольгу Семеновну Левич, рыдала, беспрерывно повторяя: «Они убьют, эти звери, убьют нашего Сережу, да, да, убьют, убьют!»

Первый раз он отказался выйти на свободу без остальных арестованных в ту же ночь, когда японцы задержали его вместе с Луцким и Сибирцевым.

Инспектор областной милиции, объездивший улицы города и здания правительственных и других учреждений, попал в здание следственной комиссии и потребовал у японского начальника караула, чтобы ему предъявили находящихся под арестом русских, инспектор видел Лазо, говорил с ним, предложил ему выйти вместе. Но, как сообщал потом инспектор, Лазо отказался, заявив, что может выйти только со всеми стальными арестованными».

Это была ошибка Лазо. Если бы он ушел, то и Сибирцев и Луцкий были бы освобождены.

Коммунисты всеми силами старались убедить членов военного совета в том, что их согласие бежать лишь вместе со всеми арестованными неправильно. Но это ни к чему не привело, несмотря на то, что Лазо, Сибирцев и Луцкий и сами прекрасно знали, что в подобных случаях необходимо использовать всякую возможность, чтобы уйти от врагов. Ведь они помнили трагическую гибель Суханова, отказавшегося бежать из концентрационного лагеря в 1918 году без арестованных вместе с ним товарищей. Конвоиры просто убили его, выполнив задание интервентов.

Японцы вскоре узнали от своих агентов и шпионов, что Козленко и есть Лазо.

Вся революционная печать Дальнего Востока, все общественные организации, профсоюзы резко протестовали против провокационного выступления и зверств японской военщины 4–5 апреля 1920 года. Они требовали освобождения Лазо, Луцкого, Сибирцева и всех остальных.

5 апреля временное приморское правительство остановило вручить дипломатическому представителю Японии в Сибири Мацудайра ноту по поводу вооруженного выступления японского командования во Владивостоке. Были предъявлены требования освободить арестованных японцами лиц, очистить занятые интервентами здания, дать объяснения, извинения и гарантии, что подобные явления не повторятся, возвратить оружие,

прекратить самочинные обыски и аресты.

14 апреля приморское правительство вручило председателю японской дипломатической миссии и начальнику штаба японских войск протест против ареста членов военного совета товарищей Лазо, Сибирцева и Луцкого.

В этом протесте говорилось:

«В ночь с 4 на 5 апреля японскими военными властями арестованы в помещении следственной комиссии члены военного совета Лазо, Луцкий и Сибирцев.

Несмотря на заверения японского командования, что названные лица будут освобождены в ближайшие дни, вокруг имен этих лиц создалась такая непроницаемая тайна, что по городу стали распространяться самые упорные, волнующие массы слухи об их исчезновении.

Слухи эти тем более крепнут, что жена Лазо, получившая от японских властей разрешение на свидание, несмотря на упорные поиски, не могла установить его местопребывание.

Временному правительству поступило заявление, сделанное 12 апреля в 6 часов вечера японским представителем о том, что начальник штаба 13-й дивизии предоставил жене Лазо найти своего мужа, но она не могла его найти».

На требования общественных организаций освободить членов военного совета японские власти отвечали сначала молчанием, а затем гнусной ложью.

На страницах японо-белогвардейской газеты «Владиво-Ниппо» 22 апреля появилась заметка: «По достоверным, имеющимся в нашем распоряжении сведениям, Лазо не был арестован японским командованием, так как оно принципиально не арестовывает идейных политических деятелей».

В этой заметке, озаглавленной «К судьбе «товарища» Лазо», его убийцы писали, что товарищ Лазо, «влекомый заманчивой прелестью свободной жизни среди сопок, вновь ушел туда со своими верными партизанами».

26 апреля приморское правительство получило ответ японского командования, переданный через телеграфное агентство «Роста», озаглавленный «К судьбе Лазо и других». Начальник штаба японских войск генерал Янагаки уклончиво сообщал, что «среди задержанных японскими войсками лиц, указанных в вашем отношении, не имелось, и, кроме того, считаю долгом довести до вашего сведения, что все задержанные уже несколько дней тому назад освобождены» [50].

В ответ на эту наглую ложь на страницах краевого органа партии «Красное знамя» было помещено письмо, в котором давалась резкая отповедь провокаторам из «Владиво-Ниппо».

В этом письме были подробно изложены обстоятельства, при которых Лазо, Луцкого и Сибирцева арестовали в помещении следственной комиссии.

«Заявление японского командования о том, — говорилось в письме, — что среди арестованных не значились Лазо, Луцкий и Сибирцев, не соответствует действительности. Честь японского народа требует, чтобы дан был ясный и точный ответ, куда они девали и что сделано с арестованными нашими товарищами Лазо, Сибирцевым и Луцким».

— Где Лазо?

Этот вопрос, обращенный к японским интервентам и японскому правительству, оставался без ответа.

Арестованные вместе с Лазо товарищи рассказывали, что 8 апреля вечером Лазо был сфотографирован, а 9-го в шесть часов утра пришел японский переводчик и приказал Лазо, Луцкому и Сибирцеву итти за ним. На вопрос Лазо, брать ли с собой вещи, переводчик сказал: «Нет, не надо, тут недалеко». Они были уведены.

И с тех пор никто из друзей, близких и товарищей ни Лазо, ни Луцкого, ни Сибирцева не видел…

Страшная истина о гибели мужественных коммунистов была раскрыта только после освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев.

Путем опроса свидетелей, проверки документов было установлено, что сначала Лазо, Луцкий и Сибирцев из здания следственной комиссии были увезены в казармы Гнилого Угла, но так как родные и близкие открыли их местопребывание, то арестованных перевезли в японский штаб.

Из японского штаба Лазо, Сибирцева и Луцкого перевели в японскую контрразведку, откуда в середине апреля, ночью, они были направлены в одну из жандармских частей на Первой Речке, где их пытали.

В конце мая 1920 года японская контрразведка отправила — товарищей Лазо, Луцкого и Сибирцева в теплушке воинского поезда на станцию Муравьев-Амурский (ныне станция Лазо) и передала их в руки банд Бочарова и Ширяева, орудовавших по всей линии от станции Иман до Владивостока (по договору с японским командованием революционные части были отведены за тридцатый километр от линии железной дороги).

После жестоких пыток и издевательств над героями бандиты набросили на них мешки и перенесли в депо на один из паровозов, с которого предварительно была удалена бригада.

Лазо вынули из мешка первым. Палачи пытались втиснуть его в паровозную топку живым. Завязалась борьба. Обладая

большой физической силой, Лазо, несмотря на перенесенные мучения, отчаянно сопротивлялся. Тогда палачи ударили его чем-то тяжелым по голове и в бесчувственном состоянии втолкнули в топку…

Эту страшную расправу видел машинист паровозной бригады, притаившийся за будкой, недалеко от паровоза.

Луцкий и Сибирцев были расстреляны в мешках, после чего палачи и их бросили в паровозную топку.

Машинист, шатаясь от ужаса, бежал от этого страшного места.

Так погибли от руки трусливого и злобного врага несгибаемые борцы за дело трудящихся, за освобождение родины коммунисты Сергей Лазо, Всеволод Сибирцев и Алексей Луцкий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«…Каждый партизан, солдат, каждый матрос до тех пор не уйдет со службы, не оставит своего оружия, пока иностранная интервенция не будет прекращена и мы не воссоединимся с Советской Россией».

Эти слова Лазо крепко помнили бойцы и командиры организованной партией Народно-революционной армии и партизаны Дальнего Востока. Они воспринимали их как завещание любимого руководителя, товарища и друга и продолжали борьбу с врагами с новой силой.

Новые тысячи патриотов заполняли тайгу Приморья и Приамурья. Партизанские отряды наносили японским захватчикам и белогвардейцам все более чувствительные удары. И борьба эта дала в итоге «боевые ночи Спасска, волочаевские дни», когда японо-белогвардейские банды были окончательно разгромлены.

Убедившись в провале своей авантюры, в ее бесплодности, японские интервенты 24 октября 1922 года на разъезде Седанка, под Владивостоком, подписали советским командованием соглашение. По этому соглашению японские войска должны были очистить Владивосток и прилегающие острова и покинуть советскую территорию не позднее шестнадцати часов 25 октября 1922 года.

В тот же день, 25 октября, трудящиеся Владивостока радостно встретили входившие в город героические части Народно-революционной армии. Войска шли под несмолкаемый гул приветствий всего населения, их засыпали цветами.

Более четырех лет интервенты и их наемники — белогвардейцы терзали Дальний Восток. Десятки тысяч лучших сынов и дочерей Советской России отдали свою жизнь за то, чтобы освободить Приморье, Приамурье, Забайкалье от империалистов США, Англии, Италии, Франции, Японии и от внутренней контрреволюции.

16 ноября ВЦИК РСФСР постановил объявить «Дальневосточную республику в теперешних ее пределах, включая оккупированную иностранными войсками зону, нераздельной составной частью РСФСР».

20 ноября в своей речи на пленуме Московского совета В. И. Ленин говорил:

«Вы знаете прекрасно, сколько жертв принесено при достижении того, что сделано, вы знаете, как долго тянулась

гражданская война и сколько сил она взяла. И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь, Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенский), показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там — РСФСР. Это стремление избавило нас и от врагов гражданских и от врагов внешних, которые наступали на нас. Я говорю о Японии» [51].

Сергей Лазо всегда с удивительной теплотой, нежностью и страстью мечтал о том времени, когда Дальний Восток станет нераздельной частью великого Советского государства и все его несметные богатства будут служить на счастье всем народам Советского Союза.

Это время пришло.

Сколько новых городов, новых фабрик и заводов выросло за годы советской власти в сибирских лесах, приамурской тайге, приморских сопках, на берегах величественных рек и океанском побережье! А какие безграничные светлые дали открывают на Востоке грандиозные планы шестой пятилетки!..

Строители могучих гидростанций на Ангаре и Енисее, покорители веками дремавших земель, добытчики ценнейших ископаемых из глубин пробужденных недр, все советские люди никогда не забудут бессмертных подвигов Сергея Лазо и его боевых товарищей и друзей, отстоявших своею кровью и жизнью в неравных схватках с врагами далекий, но родной и близкий всем край.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. Г. ЛАЗО

1894. 23 февраля. — В селе Пятры Оргеевского уезда Бессарабской губернии в семье помещика родился С. Г. Лазо.

1912. — Лазо окончил кишиневскую гимназию.

1912–1915. — Лазо — студент Петербургского технологического института.

1915–1916. — Лазо проходит курсы братьев милосердия, затем кончает Алексеевское военное училище в Москве.

1916. Декабрь. — Прапорщик Лазо направлен в 15-й Сибирский стрелковый полк в Красноярск.

1917. Март. — Сергей Лазо первым из командиров привел свой взвод к зданию Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов и отдал себя и своих солдат в его распоряжение. Постановлением солдат 4-й роты 15-го Сибирского стрелкового полка в Красноярске Лазо, как сторонник революции, избран командиром 4-й роты 15-го Сибирского стрелкового полка.

Лазо избран членом Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов.

Июль. — Лазо по поручению Совета участвует в роспуске контрреволюционного гарнизонного комитета в Красноярске.

Лазо избран председателем организованной при Красноярском совете Солдатской секции.

Август. — Лазо избран членом Красноярского губернского объединенного исполкома рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Сентябрь. — Лазо избран делегатом съезда Советов Средней Сибири (Красноярск).

Октябрь. — Делегат от Красноярского совета на II съезде Советов Восточной Сибири в Иркутске. На этом съезде Лазо избран делегатом на I общесибирский съезд Советов. На I общесибирском съезде Советов избран членом Центрального исполнительного комитета Советов Сибири (Центросибирь).

Декабрь. — Красноярским советом направлен в Иркутск командиром отрядов Красной гвардии на помощь Иркутскому совету для подавления контрреволюционного мятежа эсеров, меньшевиков и юнкеров. Мятеж подавлен. Лазо назначен комендантом города Иркутска.

1918. Февраль. — Назначен Центросибирью командующим Забайкальским фронтом против японского агента, атамана

Семенова.,

Март. — Под командованием Лазо Красная гвардия разбила семеновские банды, отбросив их из Забайкалья в Маньчжурию.

Апрель. — При поддержке японских и других интервентов деньгами, вооружением, инструкторами-офицерами Семенов повел вторичное наступление из Маньчжурии на Забайкалье. Лазо во главе советских войск вновь наносит ряд поражений бандам Семенова.

Май — июль. — Под командованием Лазо части Красной Армии и Красной гвардии начали наступление от станции Адриановка и 18 мая с боем заняли Оловянную, 2 июня станцию Бырка, 8 июня станицу Абагайтуй, 9 июня станцию Борзя, 19 июня Мациевскую. 26–27 июля под личным руководством Лазо на Даурском фронте взята последняя укрепленная позиция врага — высота Тавын-Тологой (Пятиглавая). 28 июля банды Семенова были наголову разбиты, остатки их вновь бежали в Маньчжурию.

30 июля Лазо как представитель советской власти и командующий Забайкальским фронтом заключил договор с командованием китайских войск, обязавшимся разоружить семеновские части и не допускать их к советско-китайской границе.

Август. — Лазо назначен командующим войсками Прибайкальского фронта. С горсткой курсантов и красногвардейцев в арьергарде отходивших частей Красной гвардии Лазо сдерживал натиск врагов, отходил на бронепоезде последним, взрывая мосты, водокачки, железнодорожные пути, телеграфную связь.

В августе принят в члены РКП (б).

На конференции партийных, советских, военных работников и представителей Центросибири на станции Урульга по предложению Лазо принято решение — борьбу организованным фронтом прекратить и перейти к методам партизанской борьбы.

Сентябрь. — Лазо перешел на нелегальное положение, уйдя в амурскую тайгу.

Декабрь. — Лазо нелегально приехал во Владивосток.

1919. Январь. — Лазо по решению областного комитета РКП (б) отправлен в таежное зимовье, рель.

Апрель — Лазо — делегат на конференции во Владивостоке, решившей вопрос о развертывании партизанского движения на Дальнем Востоке и в Сибири против интервентов и белогвардейцев.

Май — июль. — Приезд Лазо в Сучанскую долину для руководства партизанским движением. На I съезде трудящихся в Сергеевке Лазо избран командующим партизанскими отрядами

Приморья. Лазо проводит общее наступление партизанских отрядов Сучанской долины на интервенционные и белогвардейские войска. Наступление поддержано всеобщей забастовкой в Приморье, и в результате Сучанская железнодорожная ветка, подъемники взорваны, интервенты лишены сучанского угля.

Август — сентябрь. — Больной Лазо в таежном лазарете.

Октябрь. — Лазо инструктирует командиров партизанских отрядов Сучанской долины о дальнейших задачах и методах борьбы с интервентами и белогвардейцами.

Ноябрь. — Лазо вызван Дальневосточным крайкомом большевиков во Владивосток для руководства военным отделом партии.

Декабрь. — На конференции РКП (б) создан штаб военно-революционных организаций. Начальником штаба утвержден Лазо.

1920. Январь. — Лазо утвержден начальником объединенного штаба военно-революционных организаций.

31 января. — По решению обкома партии под руководством Лазо революционные войска заняли правительственные учреждения. Колчаковский генерал Розанов со своим штабом и гардемаринами бежал на японские суда. Во Владивосток вступили партизанские отряды.

Февраль. — Лазо назначен товарищем председателя военного совета, фактически его руководителем. По поручению областного комитета партии Лазо направлен для инспектирования партийных военных и правительственных организаций в Никольск-Уссурийский, Спасск, Иман, Хабаровск и для установления связи с благовещенской организацией.

16—19 марта. — 4-я дальневосточная краевая конференция РКП (б) в городе Никольск-Уссурийском. 17 марта доклад Лазо на конференции о задачах партии по организации армии на Дальнем Востоке. На съезде трудящихся Ольгинского уезда Лазо — Представитель Дальневосточного краевого комитета РКП (б).

3 апреля. — Первое заседание Владивостокского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. Последняя речь Лазо.

4—5 апреля. — В ночь с 4 на 5 апреля члены военного совета Лазо, Луцкий и Сибирцев арестованы японскими офицерами.

Май. — Японские жандармы перевезли Лазо, Луцкого и Сибирцева на станцию Муравьев-Амурский и передали их в руки белогвардейцев. Белогвардейцы сожгли их в паровозной топке.

БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. Ленин. Соч., т. 27. «Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.», «Речь на митинге в Сокольническом клубе 21 июня 1918 г.», «Доклад о текущем моменте 27 июня 1918 г. на IV конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы».

т. 28. «Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!»

т. 29. «Чрезвычайное заседание пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г», «Пленум Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов 11 апреля 1919 г.», «О современном положении и ближайших задачах Советской власти», «Доклад о внутреннем и внешнем положении республики на Московской конференции РКП (б) 12 июля 1919 г.», «Речь о внешнем и внутреннем положении на конференции красноармейцев Ходынских лагерей 15 июля 1919 г.».

т. 31. «VIII Всероссийский съезд Советов 22–29 декабря 1920 г.».

т. 33. «IX Всероссийский съезд Советов 23–28 декабря 1921 г.», «Привет освобожденному Приморью».

Б. Шумяцкий, Сибирь на путях к Октябрю. Госиздат, 1927.

Н. Ильюхов и М. Титов. Партизанское движение в Приморье. 1918–1920 гг. «Прибой», Ленинград, 1928.

«Партизаны». Сборник «Три года героической борьбы рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов». Чита, 1929.

Грэвс. Американская авантюра в Сибири. 1918–1920. Военгиз, 1932.

«Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке». Дальгиз, Москва — Хабаровск, 1933.

Дальистпарт. «Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке», книги I, II и III.

А. Фадеев. Как погиб Сергей Лазо. Детиздат, 1937.

О. Лазо. Боевой путь Сергея Лазо. Госполитиздат, 1938.

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы. Гос. изд. «История гражданской войны», 1938.

«Сучан». Примиздат, Владивосток, 1946.

Георгий Халилецкий. Сергей Лазо. Примиздат, Владивосток, 1949.

Владимир Молотов. Большевики Сибири в период

гражданской войны. Омск, 1949.

«Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика». Перевод с чешского О. С. Хархардина. Изд-во иностранной литературы, 1954.

«Забайкальский железнодорожник». 1918.

Журнал «Творчество». Чита, 1921.

«Октябрь» № 2. Кишинев, 1955.

Дальпартархив. «Дальневосточная конференция РКП(б)». 1920.

Дальпартархив. «Переписка Дальневосточного обкома партии с военным комиссаром Губельманом».

«Красный архив», т. III, 1937. «Партизанское движение в Приморье», стр. 40–89; «Об оккупации японскими войсками Северного Сахалина в 1920–1925 гг.», стр. 90—118.

«Красный архив», т. VI, 1938. «Сучанская долина в годы гражданской войны», стр. 16–88.

notes

Примечания

1

Флуер — народный музыкальный инструмент, по звуку напоминающий флейту.

2

Зоя — некрасивая племянница М. Е. Эйхфельдт.

3

Постолы — крестьянская обувь из сыромятной кожи.

4

Журнал «Октябрь» № 2. Кишинев, 1955, стр. 61.

5

В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 86.

6

В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 458.

7

В. Г. Белинский. Избранные сочинения. Москва, ОГИЗ, 1947, стр. 131.

8

А. Абов. Накануне Красного Октября. Известия Енисейского губернского комитета РКП (б); № 8, Красноярск, 1922, стр. 46.

9

Степа умер в 1919 году, Борис живет в Бухаресте, преподает в школе французский и русский языки.

10

По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 августа 1946 года Семенов был повешен.

11

Речь шла о паровозах, закупленных русским правительством в Америке и захваченных белогвардейцами на Китайско-Восточной железной дороге.

12

Чжан Цзо-лин — китайский генерал, правитель Маньчжурии, агент японских империалистов. В 1928 году, когда надобность в нем миновала, японцы убили его.

13

В И, Ленин. Соч., т. 27, стр. 199.

14

Комиссаром отряда был автор этой книги М. Губельман. (Прим. ред.)

15

Сергей Лазо. Воспоминания и документы. Москва, Гос. изд. «История гражданской войны». 1938, стр. 81.

16

Мирный договор между Россией и Германией, подписанный 3 марта 1918 года.

17

В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 282.

18

«Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика». Перевод с чешского О. С. Хархардина. Москва, изд-во иностранной литературы, 1954, стр. 17.

19

Там же, стр. 44.

20

«Прокупник Свободы», 28 июня 1918 года. Центральный орган коммунистической партии Чехословакии.

21

Владимир Молотов. Большевики Сибири в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Омск, 1949, стр. 46.

22

Марковский Т. П. — коммунист, учитель, вел культурно-просветительную работу в Красноярске.

23

Дальистпарт. Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Книга II. Владивосток, 1924, стр. 116.

24

В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 37.

25

«Дальневосточные известия» № 160, 30 августа 1918 года.

К. Суханов и Д. Мельников были затем убиты интервентами якобы при попытке к побегу во время перевода из концентрационного лагеря в тюрьму.

27

В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 232–233.

28

Ныне Советская гавань.

29

ЦГАОР, ф. 147, оп. 3, д. 2-в, лл. 128–130.

30

ЦГАОР, ф. 3455, д. 2, 1919.

31

ЦГАОР, ф. 3455, д. 2, 1919.

32

Подъемники — силовые подъемные машины, построенные на станциях Сица, Тахэ, Бархатная и других, — служили для перетаскивания поездов с углем через отроги великого Яблоневого хребта до главной магистрали по узкоколейной железной дороге. Ныне Советское правительство построило широкую железную дорогу из Сучана, и надобность в подъемниках отпала.

33

Петров-Тетерин, один из героев Волочаевки, был вместе с Лазо на Забайкальском фронте и в Приморье.

34

В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 454.

35

Кушнарев Иосиф Григорьевич — рабочий-кузнец. Вступил в члены РСДРП в 1905 году. До октября 1917 года за революционную работу неоднократно подвергался аресту и административной высылке. После Великой Октябрьской революции занимал ряд ответственных партийных и государственных должностей. Умер в 1925 году в Москве.

36

Эгершельд — портовый район Владивостока.

37

ЦГАОР, ф. 342, д. 7, л. 198.

38

ЦГАОР, ф. 342, д. 6, л. 31.

39

Дядя Володя — подпольная кличка автора этой книги М. Губельмана. (Прим. ред.)

Эти тоннели были захвачены американцами. Коммунисты ставили себе задачу — во что бы то ни стало занять их своими частями, о чем вели переговоры с американцами.

41

Асада Сато — один из самоотверженных японских большевиков. Он целиком отдался интернациональной работе. Больной туберкулезом, он упорно отказывался ехать лечиться и умер 4 декабря 1922 года. Похоронен в Хабаровске с большими почестями, как солдат пролетарской революции.

42

Далькрайархив. Дальневосточная конференция РКП (б), Д. 2. 1920.

43

ЦГА РСФСР. Д.-В. ф. 52, оп. 1, д. 45, лл. 17–18.

В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 435.

45

Гора во Владивостоке.

«Правда» № 92, 3 апреля 1937 года.

«Рабоче-крестьянская газета» № 15, 24 апреля 1920 года.

Следственная комиссия была отделом военного совета. В ее ведение входила охрана наших границ и внутренняя охрана.

«Красное знамя» № 79, 1920.

«Красное знамя» № 60, 1920.

51

В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 399.